ТАРАНТАСЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

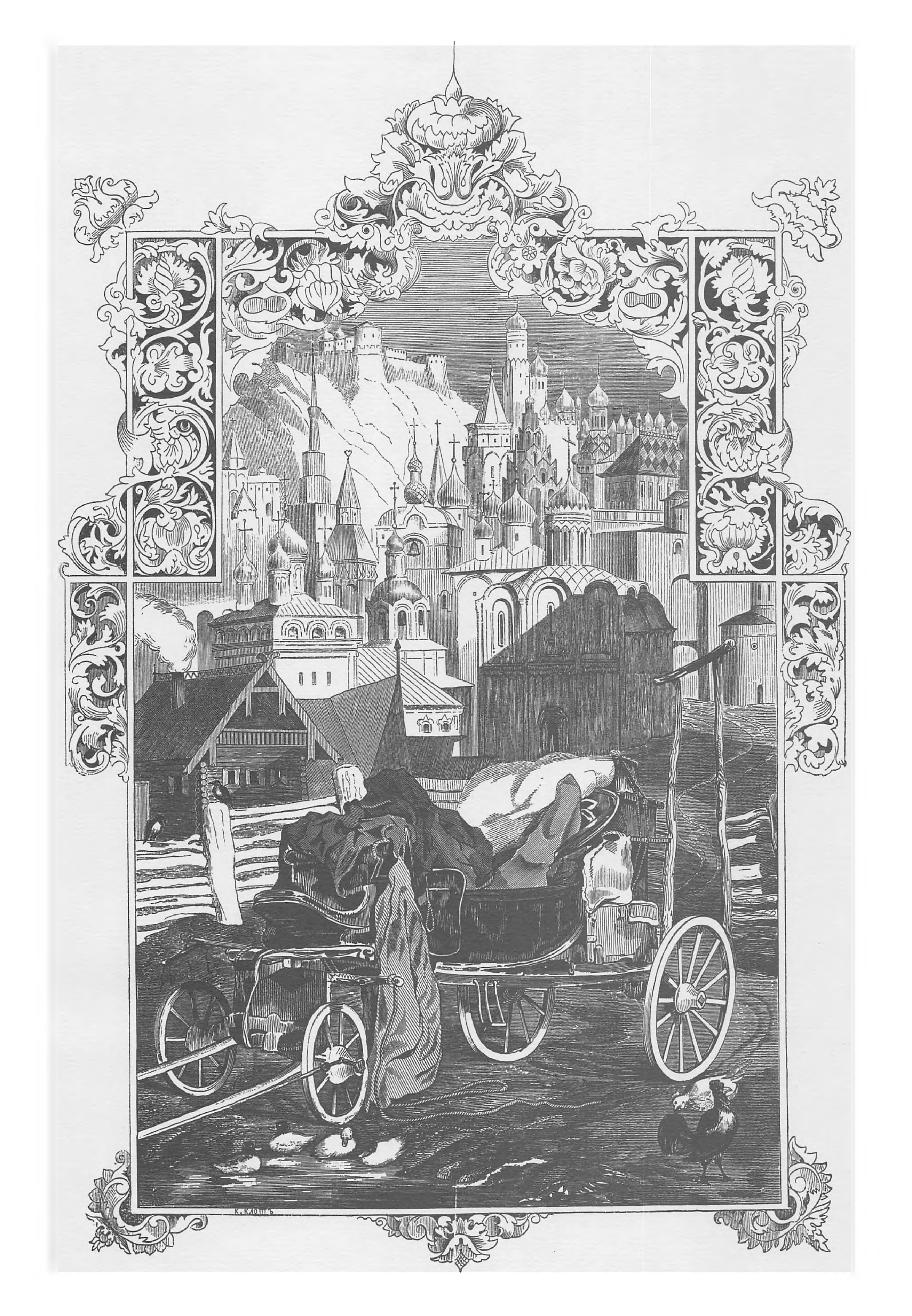

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА АНДРЕЯ ИВАНОВА.

1845.

К. КЛОДТЪ

ТАРАНТАСЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА АНДРЕЯ ИВАНОВА.

Санктпетербургъ.

—

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Октября 24 дня 1844 года.

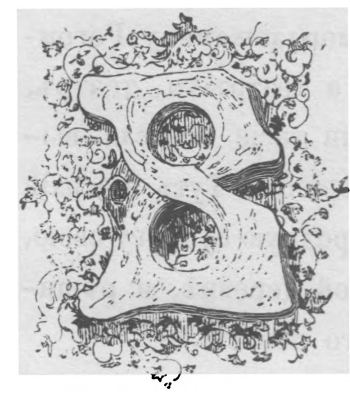
Ценсоръ *А. Никитенко.*

Въ типографіи JOURNAL DE ST.-PETERSBOURG.

На углу Кирпичнаго-Переулка, въ домѣ купца К. Шитта, подъ № 8/136.

ГЛАВА I.

ВСТРѢЧА.

асилій Ивановичъ гулялъ однажды на Тверскомъ-Бульварѣ.

Василій Ивановичъ — казанскій помѣщикъ лѣтъ пятидесяти, ростомъ небольшой, но такой дородности, что глядѣть на него весело. Лицо у него широкое и красное, глаза маленькіе и сѣрые. Одѣтъ онъ

по-помѣщичьи: на головѣ бѣлая пуховая фуражка съ длиннымъ козырькомъ; фракъ синій съ свѣтлыми пуговицами, сшитый еще въ Казани кривымъ портнымъ, котораго вывѣска уже 40 лѣтъ провозглашаетъ «недавно пріѣхавшимъ изъ Питербурха», панталоны гороховаго цвѣта, пріятно колеблющіеся живописными складками около сапогъ. Галстухъ съ огромной пряжкой на затылкѣ; на жилетѣ бисерный снурочекъ свѣтло-небеснаго цвѣта.

Василій Ивановичъ шелъ-себѣ по Тверскому-Бульвару, и довольно лукаво посмѣивался при мысли о всѣхъ удовольствіяхъ, которыми такъ расточительно изобилуетъ Москва. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ подумаешь, Англійскій Клубъ, Нѣмецкій Клубъ, Коммерческій Клубъ и все столы съ картами, къ которымъ можно присѣсть, чтобъ посмотрѣть, какъ люди играютъ и большую и малую игру. А тамъ лото, за которымъ сидятъ помѣщики, и бильярдъ съ усатыми игроками и шутливыми маркерами. Что за раздолье!... а Цыгане-то, а комедіи-то, а медвѣжья травля меделянскими мордашками у Рогожской-Заставы, а гулянья за городомъ, а театръ-то, театръ, гдѣ пляшутъ такія красавицы, и ногами такіе вензеля выдѣлываютъ, что просто глазамъ не вѣришь. Тутъ Василій Ивановичъ вспомнилъ про грозную и дородную супругу свою, оставленную за хозяйствомъ въ казанской деревнѣ, и рѣшительно улыбнулся съ видомъ отчаяннаго повѣсы.

Въ это самое время, на Тверскомъ-Бульварѣ гулялъ также Иванъ Васильевичъ. Иванъ Васильевичъ — молодой человѣкъ

только-что вернувшійся изъ-за границы. На немъ англійскій макинтошъ безъ таліи, панталоны его сшиты у Шеврёля, палка, на которой онъ упирается, куплена у Вердье. Волосы его обстрижены по вкусу среднихъ вѣковъ, а на подбородкѣ еще видны остатки ужаснѣйшей бороды.

Прежде, когда русскій молодой человѣкъ возвращался изъ Парижа, онъ привозилъ съ собой наружность парикмахера, нѣсколько яркихъ жилетовъ, нѣсколько пошлыхъ остротъ, разныя несносныя ужимки и нестерпимо рѣшительное хвастовство. Благодаря Бога, все это теперь вывелось. Но теперь другая крайность. Теперь молодежъ наша прикидывается глубокомысленною, изучаетъ политическую экономію, заботится о русской аристократіи, хлопочетъ о государственномъ благѣ, и кàкъ бы вы думали? за границей дѣлается она русскою, даже через-чуръ русскою, думаетъ только о Россіи, о величіи Россіи, о недостаткахъ Россіи, и возвращается на родину съ какимъ-то страннымъ восторгомъ, иногда смѣшнымъ и неумѣстнымъ, но по-крайней-мѣрѣ извинительнымъ, и во всякомъ случаѣ болѣе похвальнымъ, чѣмъ прежнее ничтожество. Достойный представитель юной Руси, Иванъ Васильевичъ объѣздилъ всю Европу, и, вникая въ политическую болтовню перемѣшанныхъ сословій, приглядываясь къ мелкимъ страстямъ, прикрытымъ громкими именами общей пользы, свободы и просвѣщенія, онъ понялъ, какъ велика и прекрасна во многомъ его отчизна, и съ того времени загорѣлась въ немъ жаркая, хотя безсознательная любовь къ

родинѣ, и съ того времени онъ началъ гордиться передъ собой и передъ цѣлымъ свѣтомъ тѣмъ, что онъ родился русскимъ человѣкомъ. Независимо, впрочемъ, отъ этого чувства, наподобіе прочихъ нашихъ государственныхъ юношей, привезъ онъ изъ-за границы горячій восторгъ къ парижской оперѣ, и нѣжныя воспоминанія о парижскихъ загородныхъ балахъ.

И такъ, Иванъ Васильевичъ шелъ по Тверскому-Бульвару, поглядывая съ удивленіемъ на яркіе наряды московскихъ щеголихъ, на фантастическія ливреи ихъ небритыхъ лакеевъ, и напѣвая про себя «Nel furor della tempesta», арію чудесную изъ беллиніевской оперы «Il Pirata». — «Господи Боже мой» думалъ онъ: «какъ жаль, что такъ мало здѣсь движенія и жизни... Nel furor!... То ли дѣло — Парижъ... della tempesta. Ахъ Парижъ! Парижъ! Гдѣ твои гризетки, твои театры и балы Мюзара... Nel furor. — Какъ вспомнишь: Лаблашъ, Гризи, Фанни Эльснеръ, а здѣсь только что спрашиваютъ, какой у тебя чинъ. Скажешь: губернскій секретарь — никто на тебя и смотрѣть не хочетъ... della tempesta!

Въ эту минуту, заглядѣлся онъ на странную громаду въ бѣлой фуражкѣ, въ гороховыхъ занавѣскахъ около ногъ, которая катилась къ нему на встрѣчу. Красный улыбающійся ликъ показался ему знакомымъ. Ба! да это Василій Ивановичъ! подумалъ онъ, сосѣдъ нашъ по казанской деревнѣ. Деревня у него Мардасы. Триста душъ! Хорошій хозяинъ, Боится жены. На именинныхъ обѣдахъ бываетъ навеселѣ и

поетъ тогда русскія пѣсни, а иногда и приплясываетъ. Онъ вѣрно видѣлъ батюшку.»

— Здравствуйте, Василій Ивановичъ, учтиво сказалъ, кивая головой, молодой человѣкъ. Василій Ивановичъ остановился и съ недовѣрчивостью на него поглядѣлъ. «Ба, ба, ба», за-

ревѣлъ онъ наконецъ громовымъ голосомъ. — «Ба, ба, ба, Ваня, Ванюша, Ваничка... Какими судьбами?» И, схвативъ

испуганнаго щеголя огромными лапами, Василій Ивановичъ началъ душить его увѣсистыми поцалуями, не обращая вниманія на толпу гуляющихъ зѣвакъ.

«Ну, братъ, какимъ же ты чучелой выглядишь. Повернись-ка, пожалуйста. — И еще... Вотъ эндакъ. Что это, мода у васъ что-ли? Ни дать, ни взять, куль, куда муку ссыпаютъ. Хорошъ, братъ! Очень хорошъ. Откуда ты?»

— Я былъ за границей.

«Вотъ-съ! а гдѣ, коль смѣю спросить?»

— Въ Парижѣ шесть мѣсяцевъ.

«Такъ-съ.»

— Въ Германіи, въ Италіи...

«Да, да, да, да... Хорошо... а коли смѣю спросить, много денженокъ изволилъ поразтрясти?»

— Какъ-съ?

«Много ли, братъ, промотыжничалъ...»

— Довольно-съ.

«То-то... а батюшка-то твой, мой сосѣдъ, что̀ скажетъ на это. Вѣдь старики-то не очень сговорчивы на дѣтское мотовство... Да и года-то плохіе. Ты, чай, слышалъ, что у батюшки всю гречиху градомъ побило?»

— Батюшка писалъ-съ — я самъ къ нему теперь собираюсь.

«Хорошее дѣло старика утѣшить. А.... смѣю спросить, какого чина?»

— Такъ и есть, подумалъ молодой человѣкъ. — 12 класса, отвѣчалъ онъ, запинаясь...

«Гмъ... не важно... а ужь въ отставкѣ, чай?»

— Въ отставкѣ.

«То-то же. Вы, молодые люди, вбили себѣ въ голову, что надо пренебрегать службой. Умны слишкомъ, изволите видѣть, стали. — А теперь, коли смѣю спросить, чтò вы намѣрены дѣлать-съ... Ась?...»

— Да я бы хотѣлъ, Василій Ивановичъ, посмотрѣть на Россію, познакомиться съ ней.

«Какъ-съ?»

— Я хотѣлъ бы изучить свою родину.

«Что, что, что...»

— Я намѣренъ изучить свою родину.

«Позвольте, я не понимаю... Вы хотите изучать?...»

— Изучать мою родину... изучать Россію.

«А какъ это вы, батюшка, будете изучать Россію?...»

— Да въ двухъ видахъ... въ отношеніи ея древности и въ отношеніи ея народности, что, впрочемъ, тѣсно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши повѣрья и преданья, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ нашей старины, мнѣ удастся... виноватъ, намъ удастся... мы, товарищи и я... мы дойдемъ до познанія народнаго духа, нрава и требованія, и будемъ знать, изъ какого источника должно возникать наше народное просвѣщеніе, пользуясь примѣромъ Европы, но не принимая его за образецъ.

«По–моему» сказалъ Василій Ивановичъ: «я нашелъ тебѣ самое лучшее средство изучать Россію — жениться. Брось

пустыя слова, да поѣдемъ-ка, братъ, въ Казань. Чинъ у тебя небольшой, однакожь офицерскій. Имѣніе у васъ дворянское. Партію ты легко найдешь. На невѣстъ у насъ, слава Богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить съ старикомъ. Пора и объ немъ подумать. — Эхъ, братъ, право-ну! Ты вѣдь думаешь, въ деревнѣ скучно? Ни чуть. По утру въ поле, а тамъ закусить, да пообѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ... А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?... Житье, братъ... что̀ твой Парижъ. Да главное, какъ заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожь самъ-восёмъ, да на гумнѣ столько хлѣба наберется, что не успѣешь молотить, а въ карманѣ столько цѣлковыхъ, что не сочтешь, такъ, по-моему, ты славно будешь знать Россію. А?...»

— Конечно, сказалъ Иванъ Васильевичъ. — Оно бы недурно.

«Знаешь что? Ты въ Казань ѣдешь?»

— Въ Казань.

«Когда?

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

«Прекрасно... А въ чемъ, коли смѣю спросить?...

— Я еще самъ не знаю.

«У тебя вѣдь нѣтъ экипажа?»

— Никакъ нѣтъ-съ.

«Безподобно! Мы поѣдемъ вмѣстѣ.»

— Какъ-съ?

«Мы вмѣстѣ поѣдемъ. — Я отвезу тебя къ старику... У тебя вѣдь, чай, лишнихъ денженокъ нѣтъ?»

— Помилуйте... я не понимаю...

«Полно важничать... Говори правду...»

— Я точно немного стѣсненъ теперь.

«Ну, ну, ну... вотъ видишь. Давно бы такъ... Я отвезу тебя, а съ отцомъ мы сочтемся...»

— Позвольте...

«Что еще?»

— Мнѣ совѣстно-съ.

«Вотъ вздоръ какой. Мы, батюшка, люди русскіе. Перестань, братъ, франтить. Со мной безъ церемоній. По рукамъ, что-ли?...»

— Я очень буду вамъ обязанъ.

«Ну, и хорошо, и прекрасно! А послушай-ка, знаешь ли, въ чемъ мы поѣдемъ. А?»

— Въ каретѣ?

«Нѣтъ.»

— Въ коляскѣ?

«Нѣтъ.»

— Въ бричкѣ?

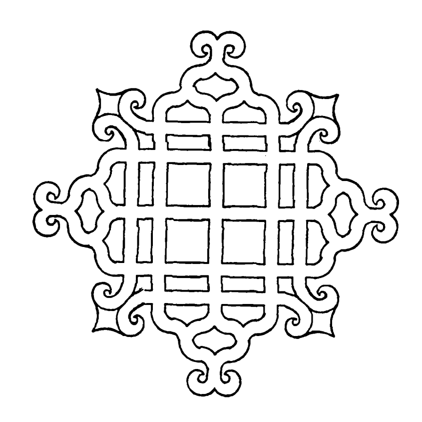
«И нѣтъ.»

— Въ кибиткѣ?

«Вовсе нѣтъ.»

— Такъ въ чемъ же?

Тутъ Василій Ивановичъ лукаво улыбнулся и провозгласилъ торжественно: «въ тарантасѣ!»

ОТЪѢЗДЪ.

Нѣсколько дней спустя, на Собачьей площадкѣ, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ происходила необыкновенная суматоха. На дворѣ ямщикъ хлопоталъ около почтовыхъ лошадей. По лѣстницѣ бѣгали и суетились служанки. Въ комнатахъ по полу валялись чемоданы, ящики, веревки, сѣно и всякая дрянь. —

Въ мезонинѣ Василій Ивановичъ стоялъ передъ зеркаломъ и приготовлялся къ дорогѣ.

Огромный вязаный шарфъ съ радужными отливами, драгоцѣнный признакъ супружескаго долготерпѣнія, обвязывалъ его мощную шею. На ногахъ натянуты были бѣлыя кеньги, а на туловищѣ мохнатый ергахъ съ шерстью снаружи придавалъ Василію Ивановичу красоту гомерическую. По обѣимъ сторонамъ его почтительно стояли хозяинъ дома съ рукой за пазухой и хозяйка, толстая купчиха, съ пирогомъ, испеченнымъ для дороги, и оба кланялись тучному помѣщику, приговаривая съ разными ужимками:

«Позвольте проводить вашу милость... и пожелать вамъ всякаго благополучія. Просимъ покорнѣйше... покорнѣйше просимъ принять хлѣбъ-соль нашу на дорогу. Чѣмъ Богъ

послалъ. Просимъ не побрезгать, а кушать на здоровье. Путемъ можетъ пригодиться. Коли Богъ приведетъ вашу милость въ Москву обратно, нижайше просимъ насъ не обидѣть, не проѣзжать мимо нашей фатеры. Мы, признательно сказать, такимъ особамъ оченно, по искренности, ради. Покорнѣйше просимъ.»

— Спасибо, хозяинъ, отвѣчалъ благосклонно Василій Ивановичъ: — спасибо, хозяюшка. Буду васъ помнить и добромъ поминать. Эй, Сенька! Возьми пирогъ, да уложи хорошенько въ ногахъ, слышишь ли? Авось Богъ опять приведетъ свидѣться... Смотри, чтобъ не искрошился... Мы жили съ вами дружно... Тебѣ, каналья, все равно.

Василій Ивановичъ положилъ книжникъ въ боковой карманъ вмѣстѣ съ подорожной, кошелекъ въ шаровары, подвязалъ ергакъ кушакомъ, и перекрестившись предъ образомъ, немного посидѣвъ и трижды обнявшись и съ хозяиномъ и съ хозяйкой, вышелъ на дворъ для послѣднихъ путевыхъ приготовленій.

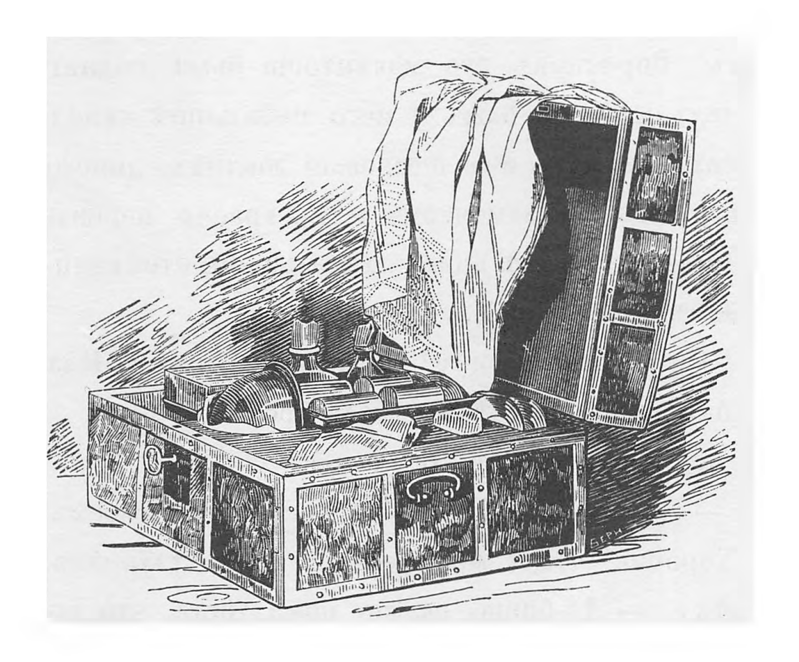
На дворѣ во всей степной красотѣ своей рисовался тарантасъ.

Но что̀ за тарантасъ, что̀ за удивительное изобрѣтеніе ума человѣческаго!...

Вообразите два длинные шеста, двѣ параллельныя дубины, неизмѣримыя и безконечныя. Посреди ихъ какъ-будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокамъ, какъ исполинскій кубокъ, какъ чаша преждепотопныхъ обѣдовъ. На концахъ дубинъ придѣланы колеса и все это странное созданіе кажется издали какимъ-то дикимъ порожденіемъ фантастическаго міра, чѣмъ-то среднимъ между стрекозой и

кибиткой. Но что сказать объ искусствѣ, съ которымъ тарантасъ въ нѣсколько минутъ вдругъ исчезъ подъ сундучками, чемоданчиками, ящичками, коробами, коробочками, корзинками, боченками и всякой всячиной всѣхъ родовъ и видовъ. Во-первыхъ, въ выдолбленномъ сосудѣ не было сидѣнія: — огромная перина ввалилась въ пропасть и сравняла свои верхнія затрапезныя полосы съ краями отвислыхъ боковъ. Потомъ семь пуховыхъ подушекъ въ ситцевыхъ наволочкахъ, нарочно темнаго цвѣта для дорожной грязи, возвысились пирамидой на мягкомъ своемъ основаніи. Въ ногахъ поставленъ въ рогожномъ кулѣ дорожный пирогъ, фляжка съ анисовой водкой, разныя жареныя птицы, завернутыя въ сѣрой бумагѣ, ватрушки, ветчина, бѣлые хлѣбы, калачи и такъ-называемый погребецъ, неизбѣжный спутникъ всякаго степнаго помѣщика. Этотъ погребецъ, обитый снаружи тюленьей шкурой, щетиной вверхъ, перетянутый жестяными обручами, заключаетъ въ себѣ цѣлый чайный приборъ, изобрѣтеніе, безъ сомнѣнія, полезное, но вовсе не замысловатой отдѣлки. Откройте его: подъ крышкой подносъ, а на подносѣ передъ вами красуется спящая подъ деревомъ невинная пастушка, борзо очерченная въ трехъ розовыхъ пятнахъ рѣшительнымъ взмахомъ кисти базарнаго живописца. Въ ларцѣ, внутри обклѣенномъ обойной бумагой, чинно стоитъ чайникъ грязно-бѣлаго цвѣта съ золотымъ ободочкомъ; къ нему сосѣдятся стеклянный графинъ съ чаемъ, другой подобный ему съ ромомъ, два стакана, молочникъ и мелкія принадлежности чайнаго удовольствія. Впрочемъ, русскій погребецъ

вполнѣ заслуживаетъ наше уваженіе. Онъ одинъ у насъ среди общихъ перемѣнъ и усовершенствованій не измѣнилъ своего первообразнаго типа, не увлекся приманками обманчивой красоты, а равнодушно и неприкосновенно прошелъ черезъ всѣ перевороты времени... Вотъ каковъ русскій погребецъ!

Кругомъ всего тарантаса нанизаны кульки и картоны. Въ одномъ изъ нихъ чепчикъ и пунцовый тюрбанъ съ Кузнецкаго-Моста отъ мадамъ Лебуръ, для супруги Василья Ивановича; въ другихъ дѣтскія книги, куклы и игрушки для дѣтей Василія Ивановича, и сверхъ-того двѣ лампы для дома, нѣсколько посуды для кухни, и даже нѣсколько колоніальныхъ провизій для стола Василія Ивановича, все купленное по данному изъ деревни реестру. Наконецъ, сзади три, чудовищ-

ные чемодана, набитые всякимъ хламомъ и перетянутые веревками, возвышаются люксорскимъ обелискомъ на задней части нашей путевой колесницы.

Рыжій ямщикъ началъ съ недовольнымъ видомъ впрягать въ тарантасъ трехъ чахлыхъ лошадей.

Въ эту минуту, въѣхалъ на дворъ на извощикѣ Иванъ Васильевичъ. Воротникъ его макинтоша былъ поднятъ выше ушей; подъ мышкой былъ у него небольшой чемоданчикъ, а въ рукахъ держалъ онъ шелковый зонтикъ, дорожный мѣшокъ съ стальнымъ замочкомъ и прекрасно переплетенную въ коричневый сафьянъ книгу со стальными стежками и тонко очиненнымъ карандашомъ.

«А, Иванъ Васильевичъ!» сказалъ Василій Ивановичъ. «Пора, батюшка. Да гдѣ же кладь твоя?»

— У меня ничего нѣтъ больше съ собой.

«Эва. — Да ты, братъ, этакъ въ мѣшкѣ-то своемъ замерзнешь. Хорошо, что у меня есть лишній тулупчикъ на заячемъ мѣху. — Да-бишь, скажи, пожалуйста, что̀ подъ тебя подложить, перину или тюфякъ?»

— Какъ? съ ужасомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Я у тебя спрашиваю, что̀ ты больше любишь, тюфякъ или перину?»

Иванъ Васильевичъ готовъ былъ бѣжать и съ отчаяніемъ поглядывалъ со стороны на сторону. Ему казалось, что вся Европа увидитъ его въ тулупѣ, въ перинѣ и въ тарантасѣ.

«Ну, что же?» спросилъ Василій Ивановичъ.

Иванъ Васильевичъ собрался съ духомъ.

— Тюфякъ! сказалъ онъ едва внятно.

«Ну, хорошо. Сенька, подложи ему тюфячекъ, да пошевеливайся, олухъ!»

Сенька въ нагольномъ тулупѣ принялся снова за свою циклопическую работу.

Василій Ивановичъ продолжалъ съ довольной улыбкой:

«А каковъ тарантасикъ–то? — Ась?.... Сущая колыбель!

Не опрокинетесь никогда, и чинить нигдѣ не надо, не то, что ваши рессорные экипажи: чтò шагъ, то починка. А мягко-то, какъ словно въ кровати. Знай только переваливайся-себѣ съ бока на бокъ, завернись потеплѣе, да и спи-себѣ хоть всю дорогу.»

Иванъ Васильевичъ глядѣлъ довольно грустно на своего спутника, ни мало не убѣждаясь въ возможности предстоящихъ наслажденій. Но дѣлать было ему нѣчего. Попромотавшись, какъ слѣдуетъ русскому человѣку, за границей, онъ, если говорить правду, точно не зналъ, кàкъ добраться до отцовской деревни.

И вотъ открывался ему прекрасный случай. Василій Ивановичъ, пріятель его отца, отвозилъ его въ долгъ.

Дорогой же, онъ можетъ изучать свою родину. Все бы хорошо. Но эта неблагородная перина, но эти ситцевыя подушки, но этотъ ужасный тарантасъ!...

Иванъ Васильевичъ тяжко вздохнулъ и глухо примолвилъ въ припѣвъ: Nel furor della tempesta... Пора бы ѣхать...

И точно пора. Лошади готовы. Кругомъ тарантаса суетятся хозяева, сидѣльцы и служанки. Всѣ и помогаютъ, и кланяются, и желаютъ счастливой дороги. Василій Ивановичъ, при общемъ пособіи, подталкиваніи и подпихиваніи, вскарабкался наконецъ на свое мѣсто и опустился на перину. За нимъ влѣзъ Иванъ Васильевичъ и утонулъ въ подушкахъ. Сенька сѣлъ подлѣ кучера.

«Ну, готово?»

— Готово.

«Ну, смотри же, разбирать дорогу. Подъ гору сдерживать лошадей. Не скакать и не останавливаться, а ѣхать рысью... шагъ, шагъ, шагъ... Сенька, не дремать на кòзлахъ. Слышишь ли, чучело?... Какъ-разъ свалишься. Ну, съ Богомъ, въ добрый часъ, въ Архангельской... Пошелъ!...»

Тарантасъ пошатнулся и поплелся-себѣ, переваливаясь грузно съ бока на бокъ...

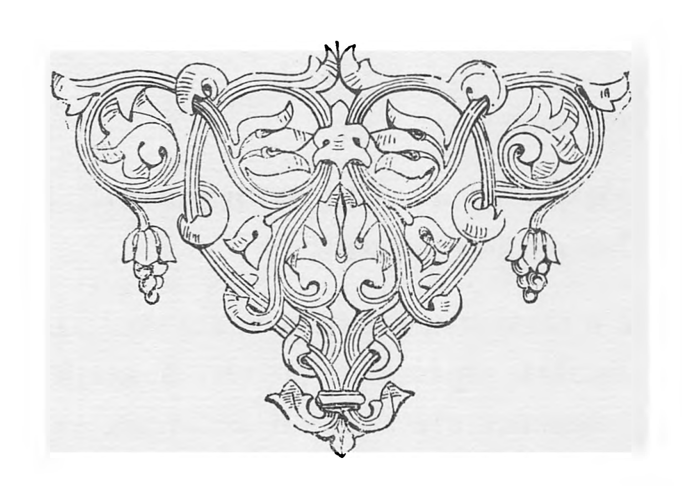
«Прощайте, хозяева.»

— Прощайте, батюшка, Василій Ивановичъ... Просимъ не забывать. Покорнѣйше просимъ.

И хозяева, и сидѣльцы, и служанки, все высыпало за ворота поглазѣть во-слѣдъ тарантасу, до того времени, пока онъ не скрылся наконецъ изъ вида. И покатился тарантасъ по Москвѣ бѣлокаменной и ни въ комъ не возбудилъ удивленія. А было чему подивиться, глядя на уродливую колымагу съ подушками, на которой лежалъ мохнатый помѣщикъ, подобно изнѣженному медвѣдю; не малаго удивленія заслуживалъ и торчащій подлѣ него франтикъ въ макинтошѣ и съ недовольной физіономіей, да въ своемъ родѣ не менѣе замѣчателенъ былъ на кòзлахъ и Сенька въ бараньей шкурѣ, словно дикарь ледовитыхъ пустынь. Все это въ другихъ краяхъ возбудило бы непремѣнно общее любопытство. Но въ Москвѣ, проходящіе,

привыкнувъ къ подобнымъ картинамъ, не обращали на тарантасъ ни малѣйшаго вниманія. Одни лишь уличные мальчишки, дергая другъ друга за кафтаны, говорили между собой мимоходомъ:

«Вишь какой-то ѣдетъ помѣщикъ. Экъ его раздуло!»

НАЧАЛО
ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Когда путешественники выѣхали за заставу, между ними завязался разговоръ.

«Василій Ивановичъ?»

— Что̀, батюшка?

«Знаете ли, о чемъ я думаю?»

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

«Я думаю, что такъ какъ мы собираемся теперь путешествовать...»

— Что̀, что̀, батюшка... Какое путешествіе?

«Да вѣдь мы теперь путешествуемъ.»

— Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, совсѣмъ нѣтъ. Мы просто ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасы, черезъ Казань.

«Ну, да вѣдь это тоже путешествіе.»

— Какое, батюшка, путешествіе. Путешествуютъ тамъ за границей, въ Нѣмечинѣ; а мы что за путешественники? Просто — дворяне, ѣдемъ-себѣ въ деревню.

«Ну, да все равно. — Такъ какъ мы отправляемся теперь въ дорогу...»

— А, вотъ это, пожалуй.

«То мнѣ кажется, что я могу употребить время... нашего, какъ-бы сказать... поѣзда, съ пользой.»

— А съ какой же, батюшка, пользой? Ума не приложу.

«Извольте видѣть: за границей теперь мода издавать свои путевыя впечатлѣнія. Тутъ помѣщается всякая всячина. Гдѣ ночевалъ, кого видѣлъ, что̀ понялъ и что̀ угадалъ, наблюденія о нравахъ, о просвѣщеніи, о степени искусствъ, о движеніи торговли, о древностяхъ и о современности, однимъ словомъ, о цѣломъ бытѣ народномъ. Потомъ, все это собирается и печатается подъ названіемъ путевыхъ впечатлѣній.»

— Вотъ-съ.

«Къ сожалѣнію, эти впечатлѣнія не всегда носятъ отпечатокъ истины, и отъ-того теряютъ свое достоинство. Къ тому

же, все, что̀ можно было сказать о западныхъ государствахъ, пересказано и перепечатано. Заключенія сдѣланы, мнѣнія опредѣлены. Наблюдателю нѐгдѣ разгуляться.»

— Къ чему же вы, батюшка мой, рѣчь эту ведете?

«Вотъ къ чему. Путевыя впечатлѣнія за границей никому не нужны, потому-что новаго въ нихъ ничего быть не можетъ. Но путевыя впечатлѣнія въ Россіи могутъ много явить любопытнаго, въ особенности, если они будутъ руководствоваться одной истиной. Подумайте, какое обильное поле для изъисканій: изученіе древнихъ памятниковъ, изученіе русскаго быта, подробное изученіе нашей прекрасной, нашей великой и святой родины. Вы меня понимаете?...»

— Нѣтъ, братъ. Ты все такое мелешь странное.

«Моя надежда, мое желаніе, моя цѣль», продолжалъ воспламеняясь Иванъ Васильевичъ: «сдѣлаться хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ для моихъ соотечественниковъ. Вотъ для чего, Василій Ивановичъ, я хочу записывать все, что̀ буду видѣть: буду записывать не мудрствуя лукаво, а придерживаясь только правды, одной правды. Со мной дорожная чернилица и толстая тетрадь бумаги», прибавилъ онъ торжественно, указывая на величественную книгу, которая покоилась у него на колѣняхъ. «Эта книга должна прославить меня въ цѣлой Россіи. Это книга моихъ путевыхъ впечатлѣній. Друзья мои будутъ читать ее, и дай Богъ, чтобъ она внушила имъ желаніе вникнуть глубже въ тѣ предметы, которые я могу обозначить только мимоходомъ.»

— А что же вы думаете писать въ ней? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Все, что̀ встрѣтится намъ доро̀гой истинно-любопытнаго, истинно-достойнаго вниманія. Все, что̀ я могу почерпнуть о русскомъ народѣ и о его преданіяхъ, о русскомъ мужикѣ и о русскомъ бояринѣ, которыхъ я люблю душевно, точно такъ, какъ я душевно ненавижу чиновника и то уродливое безъименное сословіе, которое возникло у насъ отъ грязнаго притязанія на какое-то жалкое, непонятое просвѣщеніе.»

— А отъ-чего же это, батюшка, ненавидите вы чиновниковъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Это не значитъ, что я ненавижу людей, служащихъ совѣстливо и благородно. Напротивъ того, я ихъ уважаю отъ души. Но я ненавижу тотъ жалкій типъ грубой необразованности, который встрѣчается и между дворянами, и между мѣщанами, и между купцами, и который я называю потому вовсе неточнымъ именемъ чиновника.»

— Отъ-чего же, батюшка?

«Потому-что тѣ, которыхъ я такъ называю, за неимѣніемъ прочнаго основанія, придаютъ себѣ только наружность просвѣщенія, а въ-самомъ-дѣлѣ гораздо невѣжественнѣе самаго простаго мужика, котораго природа еще не испорчена. Потому-что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, ни нрава, ни обычая, потому-что они своей трактирной образованностью, своимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, своимъ

грязнымъ щегольствомъ не только останавливаютъ развитіе истиннаго просвѣщенія, но нерѣдко направляютъ его во вредную сторону. Это — созданіе уродливое, приросшее къ народной почвѣ, но совершенно чуждое народной жизни. Взгляните на него. — Куда дѣвались благородныя черты нашего народа. Онъ дуренъ собой, онъ грязенъ, онъ пьетъ запоемъ, а не въ праздники какъ мужикъ. Онъ-то беретъ взятки, онъ-то старается всѣхъ притѣснять и въ то же время дуется и гордится предъ простымъ народомъ тѣмъ, что онъ играетъ въ бильярдъ и ходитъ во фракѣ. Подобное племя — племя испорченное, переродившееся отъ прекраснаго начала. Посмотрите-ка на русскаго мужика. Чтò можетъ быть его красивѣе и живописнѣе? Но по предосудительному равнодушію, у насъ въ высшемъ кругу мало объ немъ заботятся или смотрятъ на него, какъ на дикаря Алеутскихъ-Острововъ: а въ немъ-то и таится зародышъ русскаго богатырскаго духа, начало нашего отечественнаго величія.»

— Хитрыя бываютъ бестіи, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

«Хитрыя, но потому-то и умныя, способныя къ подражательству, къ усвоенію новаго, и слѣдовательно къ образованію. Въ другихъ краяхъ, крестьянинъ, чтò ему ни показывай, все себѣ будетъ землю пахать; а у насъ — вамъ только приказать стòитъ, и онъ сдѣлается музыкантомъ, мастеровымъ, механикомъ, живописцемъ, управителемъ, чѣмъ угодно.»

— Что правда, то правда, сказалъ Василій Ивановичъ.

«И къ тому жь», продолжалъ Иванъ Васильевичъ: «въ какомъ народѣ найдете вы такое инстинктивное понятіе о своихъ обязанностяхъ, такую готовность помочь ближнему, такую веселость, такое радушіе, такое смиреніе и такую силу?»

— Лихой народъ, нѣчего сказать! замѣтилъ Василій Ивановичъ.

«А мы гнушаемся его, мы смотримъ на него съ пренебреженіемъ, какъ на оброчную статью, и не только мы ничего не дѣлаемъ для его умственнаго усовершенствованія, но мы всячески стараемся его портить.»

— Какъ это? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Вотъ какъ. Гнуснымъ устройствомъ дворни. Дворовый не что иное, какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обритъ, ходитъ въ длиннополомъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служитъ потѣхой праздной лѣни, и привыкаетъ къ тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствуетъ и воруетъ, и важничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные, въ приказные; приказный презираетъ и двороваго и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихонько отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники. У него сюртукъ нанковый, волосы примазанные. Онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ приказный спускается еще на ступень ниже,

дѣлается писцомъ, повытчикомъ, секретаремъ и наконецъ настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе: презираетъ и мужика, и

двороваго, и приказнаго, потому-что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить донское, курить табакъ Жукова, играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасѣ, выписывать для жены чепцы съ серебряными колосьями и шелковыя платья. Для этого онъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадется иной, другой... Ничто ему, говорятъ собратья. Бери, да умѣй.»

— Не всѣ же таковы, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

«Разумѣется, не всѣ, но исключенія не измѣняютъ правила.»

— И къ тому жь, прибавилъ Василій Ивановичъ: — губернскіе чиновники избираются у насъ большею частью дворянствомъ.

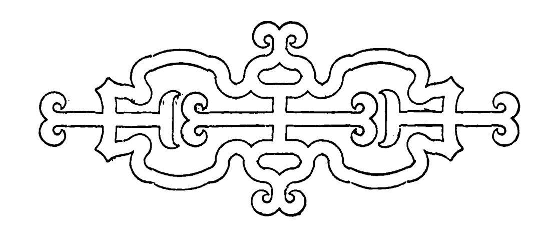
«То-то и грустно», сказалъ Иванъ Васильевичъ. «То, что въ другихъ краяхъ предметъ домогательства народнаго, у насъ представляется самимъ собой. Мы не должны, мы не можемъ смѣть жаловаться на правительство, которое предоставило намъ самимъ выборъ своихъ уполномоченныхъ, для внутренняго распоряженія нашихъ дѣлъ. Грѣха таить нѣчего. Во всемъ виноваты мы, мы, дворяне, мы, помѣщики, которые шутимъ и смѣемся надъ тѣмъ, что̀ должно бы было быть предметомъ глубокихъ размышленій. Въ каждой губерніи есть и теперь люди образованные, которые, при содѣйствіи законовъ, могли бы дать благодѣтельное направленіе цѣлой области, но всѣ они почти бѣгаютъ отъ выборовъ, какъ отъ чумы, предоставляя ихъ кознямъ и разсчетамъ мелкихъ сплетниковъ и губернскихъ крикуновъ. Большіе же владѣтели, гуляя на Невскомъ-Проспектѣ, или загулявшись за границей, почти никогда не заглядываютъ въ свои помѣстья. Выборы для нихъ — каррикатура. Исправникъ, засѣдатель — каррикатуры, прекрасно выставленныя въ «Ревизорѣ». — И они тѣшатся надъ ихъ лысинами, надъ ихъ брюхами, не думая, что они ввѣряютъ имъ не только свое настоящее благоденствіе и благоденствіе своихъ крестьянъ, но — что̀ страшно вымолвить! — и будущую свою судьбу. — Да! если бъ мы не приняли этого жалкаго направленія, еслибъ

мы не были такъ непростительно легкомысленны, какъ хорошо было бы призванiе русскаго дворянства, которому предназначено было идти впереди и указывать цѣлому народу на путь истиннаго просвѣщенiя. Повторяю: виноваты мы сами, мы, помѣщики, мы, дворяне. Русскiе бояре могли бы много принести пользы отечеству, а что̀ они сдѣлали?...»

— Попромотались, голубчики, замѣтилъ основательно Василiй Ивановичъ.

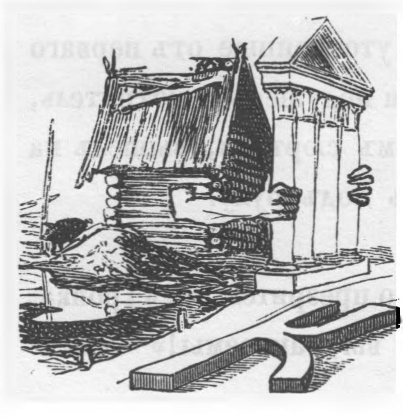
«Да», продолжалъ Иванъ Васильевичъ. «Попромотались на праздники, на театры, на любовницъ, на всякую дрянь. Всѣ старинныя имена наши исчезаютъ. Гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ прахъ, потому-что нѐ на что ихъ возстановить, и русское дворянство зажиточное, радушное, хлѣбосольное, отдало родовыя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подѣлали фабрики. Гдѣ же наша аристократiя?... Василiй Ивановичъ, что̀ думаете вы о нашихъ аристократахъ?»

— Я думаю, сказалъ Василiй Ивановичъ: — что намъ на станцiи не будетъ лошадей.

ГЛАВА IV.

СТАНЦІЯ.

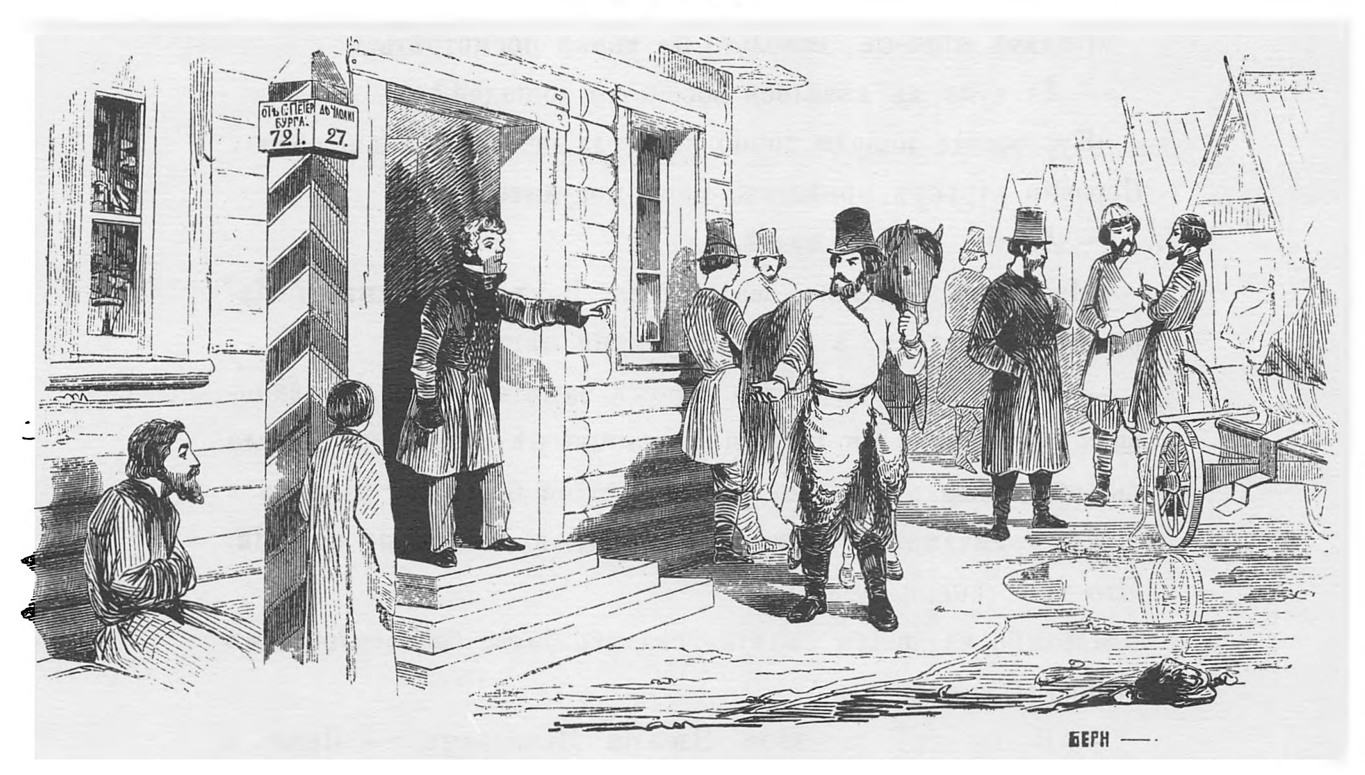
ъ несчастію, предвѣщаніе Василія Ивановича дѣйствительно оправдалось.

Тарантасъ остановился у низенькой избушки, передъ которой четырехъ-угольный пестрый столбъ означалъ жилище стан-

ціоннаго смотрителя. На дворѣ было уже темно. Тусклый фонарь едва-едва освѣщалъ наружную лѣстницу, дрожащую подъ навѣсомъ. За избушкой тянулся трехъ-сторонный сарай, крытый соломой, изъ котораго выглядывали лошади, коровы, свиньи и цыплята. Посреди мягкаго и влажнаго двора, стоялъ полуразвалившійся четыреугольный бревенчатый колодезь. У самаго подъѣзда толпились, прибѣжавъ съ разныхъ сторонъ, безобразные нищіе, безногіе, нѣмые, слѣпые, съ высохшими руками, съ отвратительными ранами, въ лохмотьяхъ, съ всклокоченными бородами. Тутъ были и пьяныя старухи, и блѣдныя женщины, и дѣти въ однѣхъ рубашенкахъ, вынувшія руки изъ рукавовъ и скрестившія ихъ на груди отъ холода. Грустно было слышать ихъ притворный, выученый голосъ среди мычанья, моленья и взаимной брани уродливой толпы, которая, толкая другъ друга, съ жадностью бросилась къ тарантасу, выказывая раны и протягивая руки.

Между-тѣмъ, пока наши путники, утомленные отъ перваго перевала, выпутывались изъ перинъ и подушекъ, смотритель, въ изношенномъ зеленомъ мундирномъ сюртукѣ, вышелъ на крыльцо и посмотрѣлъ на пріѣзжихъ подъ руку.

«Тарантасъ», сказалъ онъ довольно презрительно. «Тройка, подождать могутъ... Да отвяжитесь вы, анаѳемы!» закричалъ онъ нищимъ.

Какъ стая испуганныхъ собакъ, безобразная толпа разбѣжалась во всѣ стороны, и пріѣзжіе вошли въ избу на станцію. Смотритель привѣтствовалъ ихъ весьма хладнокровно.

«Какъ вамъ угодно, а лошадей у меня нѣтъ. Такой разгонъ, что не дай Богъ!»

— Какъ лошадей нѣтъ? закричалъ Иванъ Васильевичъ.

«Извольте сами въ книгѣ посмотрѣть. По штату всего девять троекъ. Утромъ проѣхала надворная совѣтница, взяла шесть лошадей, да тяжелая почта три тройки, да полковникъ одинъ по казенной надобности, четыре лошади.»

— Такъ все-таки у васъ остается восемь лошадей, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

«Никакъ нѣтъ-съ, извольте въ книгѣ посмотрѣть.»

— Да куда жь дѣвались восемь-то лошадей?

«Курьерскія лошади точно есть, да дать-то ихъ я не смѣю. Неравно курьеръ проѣдетъ. Сами посудите.»

— Да мы будемъ жаловаться.

«Извольте, батюшка, жаловаться. Вотъ вамъ и книга. Извольте записаться, а лошадей у меня нѣтъ.»

— Между Москвой и Владиміромъ, замѣтилъ Василій Ивановичъ: — никогда ни на одной станціи нѣтъ лошадей, когда бы ни пріѣхалъ. Видно, разгонъ такой большой. Никакъ я здѣсь тринадцатый разъ проѣзжаю, а все та же исторія. Чтò ты станешь дѣлать!

«Можно вольныхъ нанять», сказалъ болѣе благосклоннымъ голосомъ смотритель.

— Вольныхъ! заревѣлъ Василій Ивановичъ. — Знаю я этихъ архибестій. Іуды, канальи, по полтинѣ съ лошади за версту дерутъ. Три дня здѣсь проживу, а не найму вольныхъ!

«Извѣстное дѣло-съ», замѣтилъ смотритель: «дешево не свезутъ. Воля ихня. Впрочемъ, и кормы теперь дорогіе.»

— Мошенники! сказалъ Василій Ивановичъ.

«Намедни», продолжалъ, улыбнувшись, смотритель: «одинъ генералъ съигралъ съ ними славную штуку. У меня, какъ нарочно, два фельдъегеря проѣхало, да почта, да проѣзжающіе, все такіе знатные. Словомъ, ни одной лошади на конюшнѣ. Вотъ вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ деньщикъ, высокій такой, съ усищами... — Пожалуйте-де къ генералу. — Я только что успѣлъ застегнуть сюртукъ, выбѣжалъ въ сѣни. Слышу,

генералъ кричитъ: «Лошадей!» Бѣда такая. Нѣчего дѣлать. Подошелъ къ коляскѣ. Извините, молъ, ваше превосходительство, всѣ лошади въ разгонѣ. — Врешь ты, каналья! закричалъ онъ: я тебя въ солдаты отдамъ. Знаешь ли ты, съ кѣмъ ты говоришь? А? Развѣ ты не видишь, кто ѣдетъ? А? — «Вижу-молъ, ваше превосходительство, радъ бы, ей Богу, стараться, да чѣмъ же я виноватъ?... Долго ли бѣднаго человѣка погубить. Я туда, сюда... Нѣтъ лошадей... Къ счастью, тутъ Ерема косой, да Андрюха лысый, народъ, знаете, такой озардный, имъ все не почемъ, подошли-себѣ къ коляскѣ и спрашиваютъ: не прикажете ли вольныхъ запрячь? — Что̀ возьмете? спрашиваетъ генералъ... Андрюха-то и говоритъ: «двѣ бѣленькихъ, пятьдесять рублевъ на ассигнаціи», — а станція-то всего 16 верстъ.

«Ну, закладывайте», закричалъ генералъ: «да живѣе только, растакія-то канальи.» Обрадовались мои ямщики, лихая, знаешь, работа, по первому вишь запросу, духомъ впрягли коней, да и покатили на славу. Пыль столбомъ. А народъ-то завидуетъ. Экое людямъ счастье!... Вотъ-съ, по утру какъ вернулись они на станцію, я и поздравляю ихъ съ деньгами. Вижу, что-то они почесываются. Какія деньги, баетъ Андрюха. Вишь, генералъ-то разсчиталъ ихъ по пяти копѣекъ за версту, да еще на водку ничего не далъ. Каковъ проказникъ!...»

— Ха, ха, ха, заревѣлъ Василій Ивановичъ. — Вотъ молодецъ! вотъ люблю! Пора ихъ воровъ проучить.

Иванъ Васильевичъ грустно занялся разсматриваньемъ жилья станціоннаго смотрителя.

На стѣнахъ комнаты, въ особенности на печкѣ, замѣтны еще кое-гдѣ сомнительные слѣды бѣлой краски, стыдливо скрывающейся подъ тройнымъ слоемъ копоти и грязи. У дверей привѣшена бѣлая росписная кукушка съ гирями и ходячимъ маятникомъ. Въ лѣвомъ углу кіотъ съ образами, а подъ нимъ длинная лавка около продолговатаго стола. На стѣнѣ росписаніе почтоваго начальства и нѣсколько лубочныхъ картинъ, изображающихъ нравственно-аллегорическіе предметы. Между оконъ красуются изображенія Малекъ-Аделя на разъяренномъ конѣ, возвращеніе блуднаго сына, портретъ графа Платова и жалостный ликъ Женевьевы-Брабантской, немного загаженный мухами. Собственное отдѣленіе смотрителя находится на правой сторонѣ. Тутъ сосредоточиваются. всѣ его наклонности и привычки. Подлѣ кровати, покрытой заслуженой байкой, горделиво возвышается на трехъ ножкахъ, безъ замкòвъ и ручекъ, лучшее украшеніе комнаты, коммодъ настоящаго краснаго дерева, покрытый пылью и разными бездѣлками, — но чтò за бездѣлки? Тутъ и половина очковъ, и щипцы, и сальные огарки, и баночки безъ помады, и гребеночка, и стеклянный лебедь съ духами и странной пробкой, и модныя испачканныя картинки, и бутылка съ дрей-мадерой, и сигарочный ящикъ безъ сигаръ, и гвозди, и тавлинка, и счеты, — и цѣлое собраніе разныхъ головныхъ уборовъ. Во-первыхъ, зеленая фуражка, присвоенная казенному значенію смотрителя; по-

томъ шляпа черная съ бѣлыми пятнами, которую смотритель надѣваетъ, когда онъ дѣлается свѣтскимъ человѣкомъ и отправляется съ визитомъ къ цѣловальнику или къ просвирнѣ; потомъ шляпа бѣлая съ черными пятнами, которая придаетъ ему особую обворожительность, когда онъ повѣсничаетъ и волочится за сельскими красавицами; потомъ два истертые зимніе картуза и, наконецъ, ермолка первобыточно бархатная съ висящей полу-кистьей. Къ коммоду придвинута пирамидочка, украшенная тремя чубуками съ перушками и кисетомъ, нѣкогда вышитымъ по канвѣ.

Иванъ Васильевичъ все осмотрѣлъ внимательно, и ему стало еще грустнѣе. О чемъ онъ думалъ, Богъ его знаетъ.

Между-тѣмъ, комната наполнилась проѣзжающими. Вошелъ учитель Тобольской-Гимназіи съ женой своей, хорошенькой Англичанкой, на которой онъ только-что женился, и которую онъ везъ на парѣ изъ Москвы въ Тобольскъ. Вошелъ студентъ въ шинели, перевязанный шарфомъ, съ трубкой и собакой. Ввалился веселый майоръ, который, сбросивъ медвѣжью шубу, раскланялся со всѣми по-очередно, спросилъ у каждаго, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить, откуда онъ, куда и зачѣмъ, острилъ надъ смотрителемъ, любезничалъ съ ямщикомъ, просящимъ у порога на водку, и очень понравился Василію Ивановичу.

Отъ смотрителя былъ всѣмъ одинъ отвѣтъ: «Лошади теперь въ разгонѣ; какъ съ станціи вернутся, задержки отъ меня не будетъ.»

Дѣлать было нѐчего. Василій Ивановичъ, какъ человѣкъ бывалый и распорядительный, не терялъ времени. Уже ки-

пящій самоваръ бурлилъ въ кругу стакановъ и чайныхъ орудій. По сдѣланному приглашенію, бесѣда столпилась около стола, лица оживились, одежды распахнулись и чай, благовонный чай, отрада русскаго человѣка во всѣхъ случаяхъ его жизни, началъ переходить изъ рукъ въ руки, въ чаш-

кахъ, блюдечкахъ и стаканахъ. Знакомство мало-по-малу устроилось. Бранили сперва дорогу, потомъ жаловались на недостатокъ въ лошадяхъ, потомъ перешли къ посороннимъ предметамъ. Студентъ разсказывалъ о дупеляхъ и заячьей травлѣ; майоръ говорилъ уже всѣмъ «ты», сообщилъ всему обществу, что онъ выходитъ въ отставку, что у него столько-то денегъ, что онъ хотѣлъ жениться, но что ему отказали, что онъ недоволенъ своею жизнію, словомъ, безъ всякаго на то вопроса со стороны слушателей, онъ повѣдалъ всю исторію свою отъ колыбели до настоящей минуты, съ примѣсью разныхъ шуточекъ и прибаутокъ. Василій Ивановичъ смѣялся и трепалъ майора по плечу, приговаривая: военная косточка. Иванъ Васильевичъ разспрашивалъ тобольскаго учителя про Сибирь. Одна только Англичанка молчала и выразительно поглядывала на мужа. Вдругъ на дворѣ послышался шумъ. — Чайное общество стало прислушиваться. Сперва подъѣхалъ къ станціи какой-то грузный экипажъ; на дворѣ сдѣлалась суматоха, послышался колокольчикъ, топотъ лошадей, и черезъ нѣсколько минутъ, стукъ колесъ возвѣстилъ отъѣздъ проѣзжающаго.

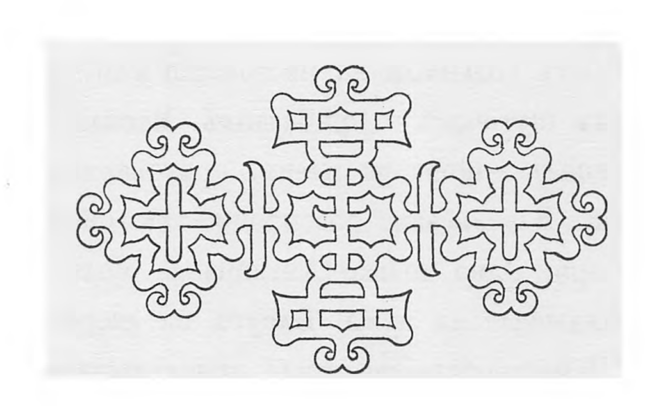
— Чтò это такое? спросилъ Василій Ивановичъ у вошедшаго смотрителя.

«Проѣхалъ-съ тайный-совѣтникъ.»

Всѣ присутствующіе взглянули другъ на друга съ грустнымъ негодованіемъ.

— Гдѣ же взяли лошадей?

«Вамъ, господа», отвѣчалъ, пожимая плечами и нѣсколько смутившись, смотритель: «угодно было чай кушать, а тайный совѣтникъ, господа... тайный совѣтникъ... ну, ужь сами изволите знать.»

ГЛАВА V.

ГОСТИННИЦА.

ежду Москвой и Владиміромъ, какъ извѣстно опытнымъ путешественникамъ, нѣтъ ни единой гостинницы, въ которой можно бы покойно было оплакивать недостатокъ въ лошадяхъ. Однѣ только коморки смотрителей, ограждающихъ себя отъ побоевъ лестными правами 14-го класса,

предлагаютъ свои скамьи для грустныхъ размышленій обманутаго ожиданія. Василій Ивановичъ успѣлъ по нѣсколько разъ въ день вынимать погребецъ свой изъ тарантаса и упиваться чаемъ. Иванъ Васильевичъ успѣлъ вдоволь надуматься о судьбахъ Россіи, и наглядѣться на красоту мужиковъ, которые, сказать правду, уже ему начали надоѣдать. Въ книгу записывать было нѣчего. Вездѣ тотъ же досадный, прозаическій припѣвъ: «лошади всѣ въ разгонѣ». Иванъ Васильевичъ взглядывалъ на Василія Ивановича. Василій Ивановичъ взглядывалъ на Ивана Васильевича и оба садились дремать другъ передъ другомъ, по нѣсколько часовъ сряду.

Къ тому же, между двумя станціями, съ ними случилось поразительное несчастіе. Въ минуту сладкаго усыпленія, когда, утомившись отъ толчковъ тарантаса объ деревянную мостовую, Василій Ивановичъ звучно отдыхалъ отъ житейской суеты, Иванъ Васильевичъ воображалъ себя въ Итальянской-Оперѣ, а Сенька качался какъ маятникъ на кòзлахъ, два чемодана и нѣсколько коробовъ отрѣзаны отъ тарантаса искусными мошенниками. Горе Василія Ивановича было истинное. Между прочими вещами, пропали чепчикъ и пунцовый тюрбанъ, отъ мадамъ Лебуръ съ Кузнецкаго-Моста, а чепчикъ и тюрбанъ, какъ извѣстно, были назначены для самой барыни, для Авдотьи Петровны.

Пріѣхавъ на станцію, онъ бросился къ смотрителю съ жалобой и просьбой о помощи. Смотритель отвѣчалъ ему въ утѣшеніе: «Будьте совершенно спокойны. Вещи ваши пропали. Это ужь не въ первый разъ. Вы тутъ въ двѣнадцати

верстахъ проѣзжали черезъ деревню, которая тѣмъ извѣстна: все шалуны живутъ.»

— Какіе шалуны? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Извѣстно-съ. На большой дорогѣ шалятъ ночью. Коли заснете, какъ-разъ задній чемоданъ отрѣжутъ.»

— Да это разбой!

«Нѣтъ, не разбой, а шалости.»

— Хороши шалости, уныло говорилъ Василій Ивановичъ, отправляясь снова въ путь. — А что̀ скажетъ Авдотья Петровна?

«Хоть бы отдохнуть гдѣ-нибудь въ порядочномъ трактирѣ», продолжалъ не менѣе плачевно Иванъ Васильевичъ: «меня такъ растрясло, что всѣ кости такъ и ломитъ. Вѣдь мы уже третій день какъ выѣхали, Василій Ивановичъ.

— Четвертый день.

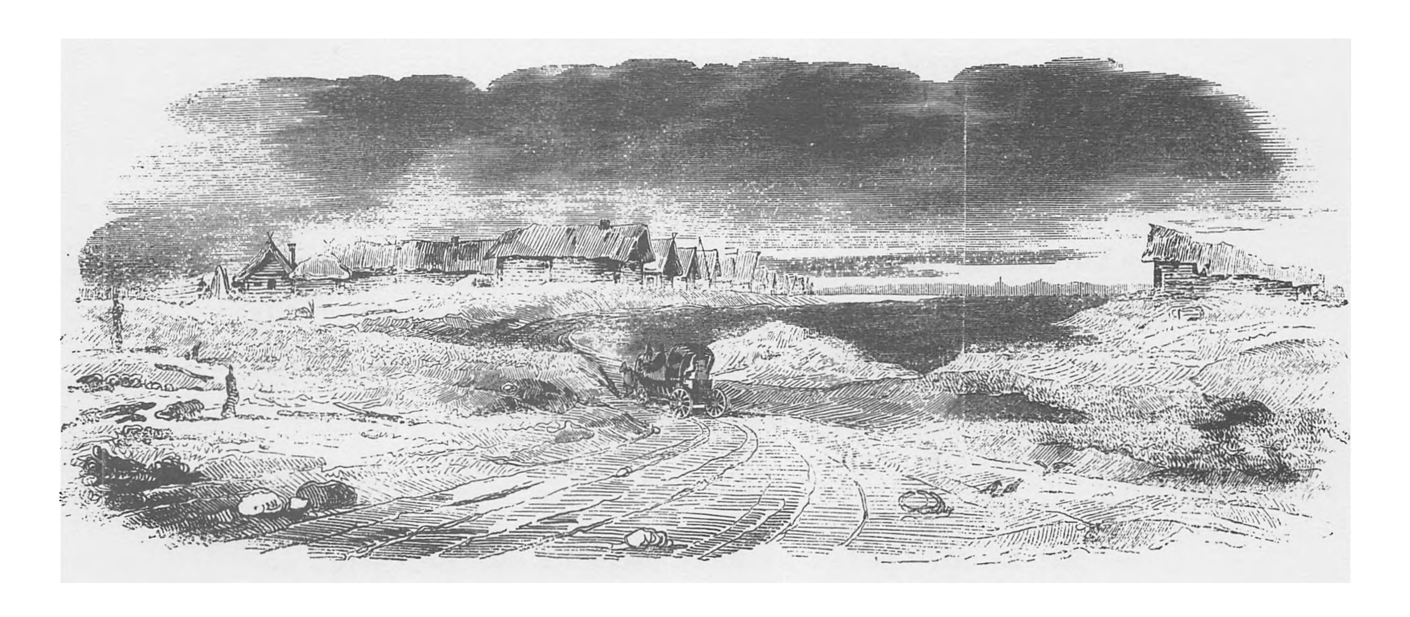
«Въ-самомъ-дѣлѣ?»

— Да; за то, братъ, на почтовыхъ ѣдемъ. Вольнымъ мошенникамъ поживы отъ насъ не было.

«Поскорѣе бы пріѣхать намъ во Владиміръ. Владиміромъ могу я прекрасно начать свои путевыя впечатлѣнія. Владиміръ древній городъ; въ немъ должно все дышать древней Русью. Въ немъ-то отъискать вѣрно всего лучше источникъ нашего народнаго православнаго быта. Я вамъ уже говорилъ, Василій Ивановичъ, что я... и не я одинъ, а насъ много, мы хотимъ выпутаться изъ гнуснаго просвѣщенія Запада, и выдумать своебытное просвѣщеніе Востока.»

— Это у васъ въ книгѣ? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Нѣтъ, въ книгѣ у меня еще ничего нѣтъ. Посудите сами. Можно ли было что писать? Дорога, избы, смотрители, все это такъ неинтересно, такъ прозаически-скучно. Право, записывать было нѐчего, даже если бы и всю спину не ломало. Да вотъ мы доѣдемъ до Владиміра.»

— И пообѣдаемъ, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

«Столица древней Руси.»

— Порядочный трактиръ.

«Золотые ворота.»

— Только дорого дерутъ.

«Ну, пошелъ же, кучеръ.»

— Эхъ, баринъ. Видишь, какъ стараюсь. Вишь, дорогу какъ исковеркало. Ну, сивенькая... Ну, ну... вывези, матушка... Уважь господъ... ну... ну...

Наконецъ, вдали показался Владиміръ съ куполами и колокольнями, вѣрнымъ признакомъ русскаго города.

Сердце Ивана Васильевича забилось. Василій Ивановичъ улыбнулся.

— Въ гостинницу! закричалъ онъ.

Ямщикъ пріосанился.

«Ну, сивенькая... теперь не далечко, эхъ-ма!»

И ямщикъ ударилъ по чахлымъ клячамъ, которыя, по необъяснимому вдохновенію, свойственному только русскимъ почтовымъ лошадямъ, вдругъ вздернули морды, и понеслись какъ вихрь. Тарантасъ прыгалъ по кочкамъ и рытвинамъ, подбрасывая улыбающихся сѣдоковъ. — Ямщикъ, подобравъ возжи въ лѣвую руку и махая кнутомъ правой, покрикивалъ только, стоя на своемъ мѣстѣ, — казалось, что онъ весь забылся на быстромъ скаку, и летѣлъ-себѣ на-пропалую, не слушая ни Василія Ивановича, ни собственнаго опасенія испортить лошадей. Такова ужь ѣзда русскаго народа.

Наконецъ, показались вѣтряныя мельницы, потянулись заборы, появились сперва избы, потомъ небольшіе деревянные домики, потомъ каменные дома. Путники въѣхали во Владиміръ. Тарантасъ остановился у большаго дома, на главной улицѣ...

«Гостинница», сказалъ ямщикъ и бросилъ возжи.

Блѣдный половой, въ запачканной бѣлой рубашкѣ и запачканномъ передникѣ, встрѣтилъ пріѣзжихъ съ разными поклонами и трактирными привѣтствіями, и потомъ проводилъ

ихъ по грязной деревянной лѣстницѣ въ большую комнату, тоже довольно нечистую, но съ большими зеркалами, въ рамахъ краснаго дерева и съ расписнымъ потолкомъ. Кругомъ стѣнъ стояли чинно стулья и передъ оборваннымъ диваномъ возвышался столъ, покрытый пожелтѣвшею скатертью.

«Что есть у васъ?» спросилъ Иванъ Васильевичъ у половаго.

— Все есть, отвѣчалъ надменно половой.

«Постели есть?»

— Никакъ нѣтъ-съ.

Иванъ Васильевичъ нахмурился.

«А что̀ есть обѣдать?»

— Все есть.

«Какъ все?

— Щи-съ, супъ-съ. Биштексъ можно сдѣлать. Да вотъ на столѣ записка, прибавилъ половой, гордо подавая сѣрый лоскутокъ бумаги.

Иванъ Васильевичъ принялся читать:

ОБѢТЪ!

1. Супъ. — Липотажъ.
2. Говядина. — Телятина съ циндрономъ.
3. Рыба — раки.
4. Соусъ — Патиша.
5. Жаркое. Курица съ рысью.
6. Хлѣбенное. Желе сапельсиновъ.

— Ну, давай скорѣе, закричалъ Василій Ивановичъ.

Тутъ половой принялся за разныя распоряженія. Сперва снялъ онъ со стола скатерть, а на мѣсто ея принесъ другую, точно также нечистую; потомъ онъ принесъ два прибора; потомъ принесъ онъ солонку; потомъ, черезъ полчаса, когда проголодавшіеся путники уже брались за ложки, явился съ графиномъ съ уксусомъ.

На всѣ нетерпѣливыя требованія Василія Ивановича, отвѣчалъ онъ хладнокровно: «сейчасъ»... и сейчасъ продолжался ровно полтора часа. «Сейчасъ» — великое слово на Руси. Наконецъ явилась вождѣленная миска со щами. Василій Ивановичъ открылъ огромную пасть и началъ упитываться. Иванъ Васильевичъ вытащилъ изъ тарелки разныя несвойственныя щамъ вещества, какъ то: волосы, щепки и тому подобное, и принялся со вздохомъ за свой обѣдъ. Василій Ивановичъ казался доволенъ, и молча ѣлъ за троихъ.

Но Иванъ Васильевичъ, не смотря на свой голодъ, едва могъ прикасаться къ предлагаемымъ яствамъ.

На соусъ патиша и курицу съ рысью, взглянулъ онъ съ истиннымъ ужасомъ.

«Есть у васъ вино?» спросилъ онъ у половаго.

— Какъ не быть-съ? Всѣ вина есть: шампанское, полушампанское, дри-мадера, лафиты есть. Первѣйшія вина.

«Дай лафиту», сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Половой пропалъ на полчаса и наконецъ возвратился съ бутылкой краснаго уксуса, который онъ торжественно поставилъ передъ молодымъ человѣкомъ.

— Теперь, сказалъ Василій Ивановичъ: — пора на боковую. Сенька! закричалъ онъ.

Вошелъ Сенька.

— Ты обѣдалъ, Сенька?

«Похлѣбалъ, сударь, селянки.»

— Ну, приготовь-ка мнѣ спать. Разставь стулья, да принеси мнѣ перину, да подушки, да халатъ. Видишь, Иванъ Васильевичъ, что хорошо все съ собой имѣть. А ты какъ ляжешь?

«Да я попрошу, чтобъ мнѣ принесли сѣна», сказалъ Иванъ Васильевичъ. «Сѣно есть у васъ?» спросилъ онъ у половаго.

— Никакъ нѣтъ-съ.

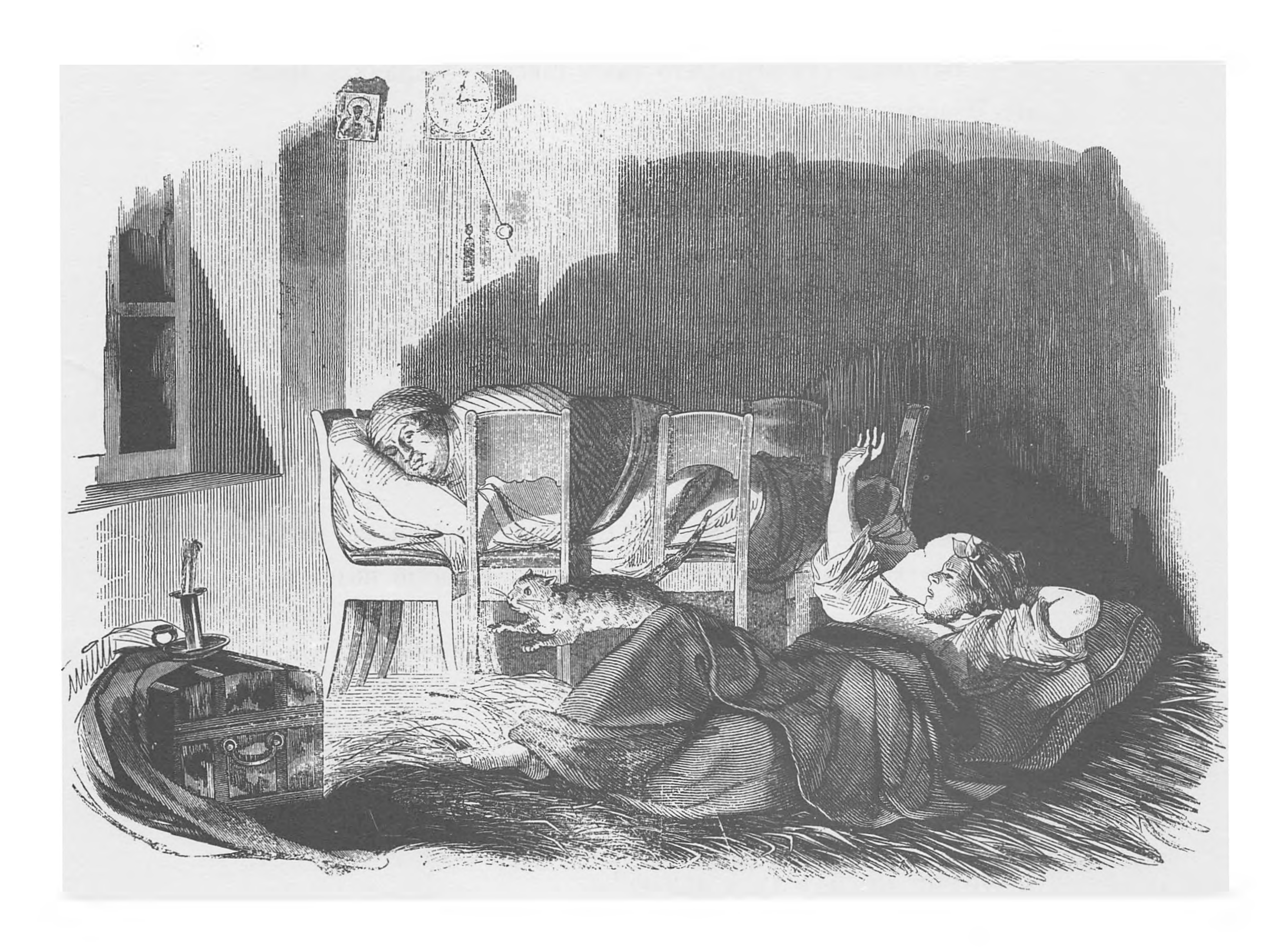
«Ну, достань, братецъ, я тебѣ дамъ на водку.»

— Извольте-съ, достать можно.

Началось приготовленіе походной спальни Василія Ивановича. Половина тарантаса перешла въ трактирную комнату. Перина уложилась среди сдвинутыхъ стульевъ. Василій Ивановичъ разоблачился до самой легкой одежды и тихо склонился на свое пуховое ложе.

Черезъ нѣсколько времени, половой возвратился, задыхаясь, съ цѣлымъ возомъ сѣна, который онъ повергъ въ углу комнаты. Иванъ Васильевичъ началъ грустно приготовляться къ ночлегу. Сперва положилъ онъ бережно на окно дѣвствен-

ную книгу путевыхъ впечатлѣній, вмѣстѣ съ часами и бумажникомъ; потомъ растянулъ онъ свой макинтошъ на сѣно и бросился на него съ отчаяніемъ. О, ужасъ! Подъ нимъ

раздался пискъ, и изъ клочковъ сухой травы вдругъ выпрыгнула разъяренная кошка, вѣроятно заспавшаяся въ сѣнномъ

сараѣ. Съ сердитымъ фырканьемъ царапнула она раза два испуганнаго юношу, потомъ вдругъ отскочила въ сторону и, перепрыгнувъ черезъ стулья и черезъ Василія Ивановича, проскользнула въ полуотворенную дверь.

— Батюшки свѣты!... чтò тамъ такое? — кричалъ Василій Ивановичъ.

«Я легъ на кошку», отвѣчалъ жалобно Иванъ Васильевичъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— За то у тебя, братъ, въ кровати не будетъ мышей. Желаю покойной ночи.

Мышей точно не было... но появились животныя другаго рода, которыя заставили нашихъ путниковъ съ безпокойствомъ ворочаться со стороны на сторону.

Оба молчали и старались заснуть.

Въ комнатѣ было темно и маятникъ стѣнныхъ часовъ уныло стукалъ среди ночнаго безмолвія. Прошло полчаса.

«Василій Ивановичъ!»

— Чтò, батюшка?

«Вы спите?»

— Нѣтъ, не спится что-то съ дороги.

«Василій Ивановичъ.»

— Чтò, батюшка?

«Знаете ли, о чемъ я думаю?»

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

«Я думаю, какая для меня въ томъ польза, что здѣсь потолокъ исписанъ разными цвѣточками, персиками и аму-

рами, а на стѣнахъ большія уродливыя зеркала, въ которыхъ никогда никому глядѣться не хотѣлось. Гостинница, кажется, для пріѣзжающихъ, а о пріѣзжающихъ никто не заботится. Не лучше ли бы, напримѣръ, имѣть просто чистую комнату безъ малѣйшей претензіи на грязное щегольство, но гдѣ была бы теплая кровать съ хорошимъ бѣльемъ и безъ таракановъ; не лучше ли бы было имѣть здоровый, чистый, хотя не хитрый русскій столъ, чѣмъ подавать соусы патиша, подчивать полу-шампанскимъ и укладывать людей на сѣно, да еще съ кошками?»

— Правда ваша, сказалъ Василій Ивановичъ: — по-моему, хорошій постоялый дворъ лучше всѣхъ этихъ трактировъ на нѣмецкій манеръ.

Иванъ Васильевичъ продолжалъ:

«Я говорилъ и вѣчно говорить буду одно: я ничего не ненавижу болѣе полуобразованности. Всѣ жалкія и грязныя каррикатуры несвойственнаго намъ быта не только противны для меня, но даже отвратительны, какъ уродливая смѣсь мишуры съ грязью.»

— Эва! замѣтилъ Василій Ивановичъ.

«Гостинницы» продолжалъ Иванъ Васильевичъ: «больше значатъ въ народномъ бытѣ, чѣмъ вы думаете. Онѣ выражаютъ общія требованія, общія привычки. Онѣ способствуютъ движенію и взаимнымъ сношеніямъ различныхъ сословій. Вотъ въ этомъ можно бы поучиться на Западѣ. Тамъ

сперва думаютъ объ удобствѣ, о чистотѣ, а украшеніе и потолки послѣднее дѣло... Василій Ивановичъ!»

— Чтò, батюшка?

«Знаете ли, о чемъ я думаю?»

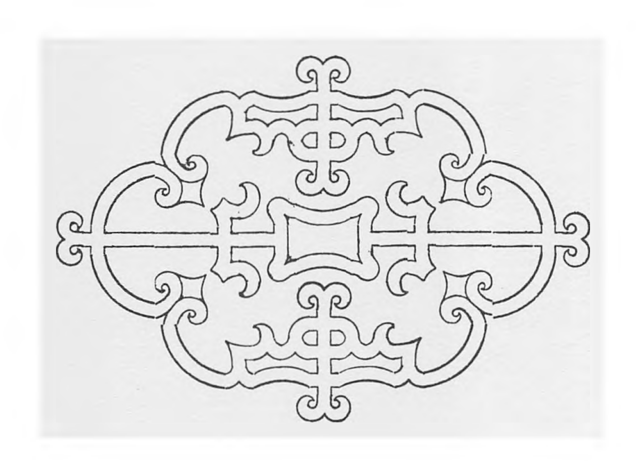
— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

«Я хотѣлъ бы устроить русскую гостинницу по своему вкусу.»

— Что жь, батюшка, зачѣмъ дѣло стало?

«Это такъ... предположеніе, Василій Ивановичъ... но я увѣренъ, что гостинница моя была бы хороша, потому-что я старался бы соединить съ первобытнымъ характеромъ русскаго жилья всѣ потребности уюта и мелочной опрятности, безъ которыхъ просвѣщенный человѣкъ теперь жить не можетъ. Во-первыхъ, всѣ эти испитые, ободранные, пьяные половые, жалкое отродіе дворовыхъ, будутъ изгнаны безъ милосердія, и замѣнятся услужливыми парнями, на хорошемъ жалованьѣ и подъ строгимъ надзоромъ. Внутри комнатъ стѣны будутъ у меня дубовыя, лакированныя, съ рѣзными украшеніями. На полу будутъ персидскіе ковры, а кругомъ стѣнъ мягкіе диваны... Да, очень не худо, знаете, вотъ этакъ противъ кровати устроить большой восточный диванъ» продолжалъ Иванъ Васильевичъ, переваливаясь съ безпокойствомъ на колючемъ сѣнѣ... «Я очень люблю мягкіе диваны. Вообще, я думаю, что устройство комнатъ нашихъ предковъ имѣло много сходства съ устройствомъ комнатъ на Востокѣ... Кàкъ вы объ этомъ думаете?...»

«Василій Ивановичъ! Василій Ивановичъ! А?... Что?... Какъ?... Спитъ», заключилъ съ досадой Иванъ Васильевичъ: «ему хорошо на перинѣ, а мнѣ, пока моя гостинница не будетъ готова, все-таки должно проваляться всю ночь на сѣнѣ!»

ГЛАВА VI.

ГУБЕРНСКІЙ ГОРОДЪ.

Рано утромъ, когда Василій Ивановичъ потрясалъ еще стѣны своимъ богатырскимъ храпомъ, Иванъ Васильевичъ отправился отъискивать древнюю Русь. Ревностный отчизнолюбецъ, онъ желалъ какъ читатель уже знаетъ, отодвинуть снова свою родину въ до-петровскую старину и начертать ей новый путь для

народнаго преобразованія. Ему это казалось совершенно возможнымъ, во-первыхъ потому, что нѣсколько пріятелей его были одинаковаго съ нимъ мнѣнія; во-вторыхъ потому, что онъ Россіи не зналъ вовсе. И такъ, рано утромъ, съ любимой мыслію въ головѣ, отправился онъ бродить по Владиміру. Прежде всего, онъ отправился въ книжную лавку и, полагая, что и у насъ, какъ за границей, ученость продается задешево, потребовалъ «указателя городскихъ древностей и достопримѣчательностей». На такое требованіе, книгопродавецъ предложилъ ему новый переводъ «Монфермельской Молочницы» сочиненіе Поль-де-Кока, важнѣйшую по его словамъ книгу, а если неугодно, такъ «Пещеру Разбойниковъ», «Кровавое Привидѣніе» и прочіе ужасы новѣйшей русской словесности.

Неудовлетворенный такимъ замѣномъ, Иванъ Васильевичъ потребовалъ по-крайней-мѣрѣ «Виды Губернскаго Города». На это книгопродавецъ отвѣчалъ, что виды у него точно есть, и что онъ ихъ дешево уступитъ, и что ими останутся довольны, но только они изображаютъ не Владиміръ, а Цареградъ. Иванъ Васильевичъ пожалъ плечами и вышелъ изъ лавки. Книжный торговецъ преслѣдовалъ его до улицы, предлагая поперемѣнно новыя парижскія каррикатуры съ русскимъ переводомъ, «Правила въ Игру Преферансъ», «Новѣйшій Лечебникъ» и «Ключъ къ Таинствамъ Природы».

Бѣдный Иванъ Васильевичъ пошелъ осматривать городъ безъ руководства, и невольно изумился своему глубокому невѣжеству. Даромъ, что онъ читалъ нѣкогда исторію, но

онъ ничего твердаго и опредѣлительнаго удержать изъ нея не могъ. Въ головѣ его былъ какой-то туманный хаосъ: имена безъ ѡбразовъ, ѡбразы безъ цвѣта. Онъ припомнилъ и Мономаха, и Всеволода, и Боголюбскаго, и Александра-Невскаго, и удѣльное время, и набѣги Татаръ, но припомнилъ, какъ школьникъ твердитъ свой урокъ: кàкъ они тутъ жили? чтѡ тутъ дѣлалось? — кто можетъ это теперь разсказать? Иванъ Васильевичъ осмотрѣлъ золотыя ворота съ бѣлыми стѣнами и зеленой крышкой, постоялъ у нихъ, поглядѣлъ на нихъ, потомъ опять постоялъ, да поглядѣлъ, и пошелъ далѣе. Золотыя ворота ему ничего не сказали. Потомъ онъ пошелъ въ церкви, сперва къ Дмитріевской, гдѣ подивился необъяснимымъ іероглифамъ, потомъ въ соборъ, помолился усердно, поклонился праху князей... но могилы остались для него закрыты и нѣмы. Онъ вышелъ изъ собора съ тяжелою думою, съ тяжкимъ сомнѣніемъ... На площади толпился народъ, расхаживали господа въ круглыхъ шляпахъ, дамы съ зонтиками; въ гостиномъ дворѣ, набитомъ галантерейной дрянью, крикливые сидѣльцы вцѣплялись въ проходящихъ, изъ огромнаго зданія присутственныхъ мѣстъ выглядывали чиновники съ перьями за ушами; въ каждомъ окнѣ было по два, по три чиновника, и Ивану Васильевичу показалось, что всѣ они его дразнятъ... Онъ понялъ тогда, или началъ понимать, что сдѣланное сдѣлано, что его никакою силою передѣлать нельзя; онъ понялъ, что старина наша не помѣщается въ книжонкѣ, не продается за двугривенный, а должна пріобрѣтаться неусып-

нымъ изученіемъ цѣлой жизни. И иначе быть не можетъ. Тамъ, гдѣ такъ мало слѣдовъ и памятниковъ, тамъ, въ особенности, гдѣ нравы измѣняются и отрѣзываютъ исторію на двѣ половины, прошедшее не составляетъ народныхъ воспоминаній, а служитъ лишь загадкой для ученыхъ. Такая грустная истина останавливала Ивана Васильевича въ самомъ началѣ великаго подвига. Онъ рѣшился выкинуть изъ книги путевыхъ впечатлѣній статью о древностяхъ, и пошелъ разсѣяться на городской бульваръ. Мѣстоположеніе этого бульвара прекрасно: на высокой горѣ, надъ самой Клязьмой. Вдали разстилается равнина, сливаясь съ небосклономъ. Иванъ Васильевичъ сѣлъ на скамейку и началъ задумчиво глядѣть въ даль, неопредѣленную и туманную, какъ судьба народовъ. Онъ долго думалъ и не замѣчалъ, что какой-то господинъ, отвернувшись къ нему спиной, сидѣлъ съ нимъ на одной скамейкѣ и тоже размышлялъ, насвистывая какой-то итальянской мотивъ.

— Ба! да это изъ «Нормы», подумалъ Иванъ Васильевичъ и обернулся.

Оба вскрикнули въ одно время.

«Федя!»

— Ваня!

«Какимъ образомъ!»

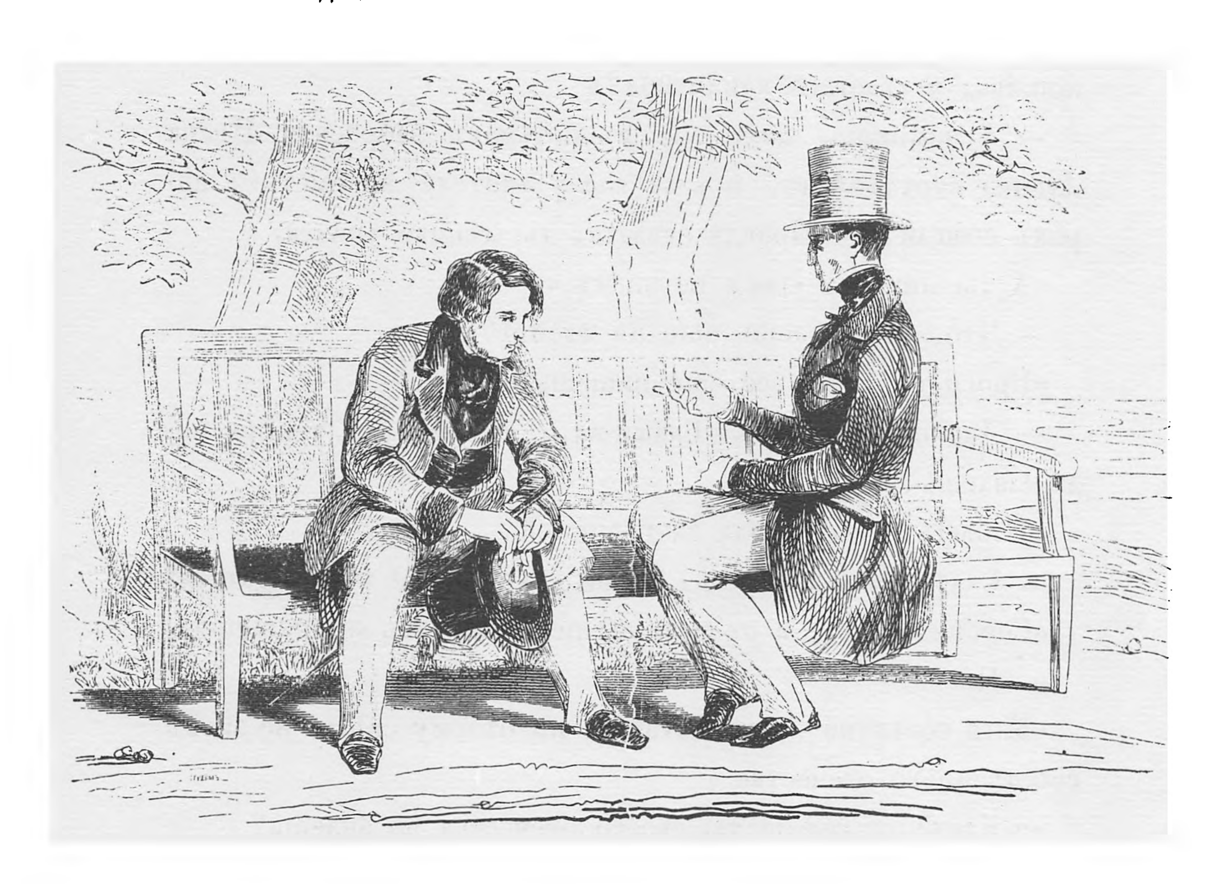
— Какими судьбами!

«Сколько лѣтъ, сколько зимъ!»

— Да, кажется, съ самаго пансіона.

«Да, да... лѣтъ шесть.»

— Нѣтъ, братъ, восемь лѣтъ. Время-то какъ идетъ! — Ты какъ здѣсь?...

«Проѣздомъ, а ты...»

— А я живу.

«Въ губернскомъ городѣ!»

— Да, что̀ дѣлать!

«Эхъ! да какъ ты постарѣлъ!»

— А ты, братъ, такъ перемѣнился, что если бы не го-

лосъ, такъ просто узнать нельзя. Откуда взялись бакенбарды!

«А право, мы хорошо живали въ пансіонѣ.»

— Веселое было время.

«Помнишь ли Ивана Лукича, инспектора, и Сидорку-разнощика, и угловаго кандитера?»

— А помнишь, какъ мы въ потьмахъ забросали Ивана Лукича картофелемъ, и какъ мы у учителя ариѳметики парикъ сожгли? — Правду сказать, ты лѣниво учился.

«А ты никогда урока не зналъ.»

— Чтò, ты играешь еще на флейтѣ?

«Бросилъ. А ты все еще пишешь стихи?»

— Давно пересталъ... Скажи-ка... чтò же ты теперь подѣлываешь?

«Я былъ четыре года за границей.»

— Счастливый человѣкъ! Я чай; скучно было возвращаться?

«Совсѣмъ нѣтъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія.»

— Право?

«Мнѣ совѣстно было шататься по бѣлому свѣту, не знавъ собственнаго отечества.»

— Какъ! не-уже-ли ты своего отечества не знаешь?

«Не знаю, а хочу знать, хочу учиться.»

— Ахъ, братецъ, возьми меня въ учители, я это только и знаю.

«Безъ шутокъ: я хочу поѣздить да посмотрѣть...»

— На чтò же.

«Да на все: на людей и на предметы... во-первыхъ, я хочу видѣть всѣ губернскіе города.»

— Зачѣмъ?

«Какъ зачѣмъ? Чтобъ видѣлъ ихъ жизнь, ихъ различіе.»

— Да между ними нѣтъ различія.

«Какъ?»

— У насъ всѣ губернскіе города похожи другъ на друга. Посмотри на одинъ — всѣ будешь знать.

«Быть не можетъ!»

— Могу тебя увѣрить. Вездѣ одна большая улица, одинъ главный магазинъ, гдѣ собираются помѣщики и покупаютъ шелковыя матеріи для женъ, и шампанское для себя; потомъ присутственныя мѣста, дворянское собраніе, аптека, рѣка, площадь, гостиный дворъ, два или три фонаря, будки, и губернаторскій домъ.

«Однакожь, общества непохожи другъ на друга.»

— Напротивъ, общества еще болѣе похожи, чѣмъ зданія.

«Какъ это?»

— А вотъ какъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть губернаторъ. Не всѣ губернаторы одинаковы: передъ инымъ бѣгаютъ квартальные, суетятся секретари, кланяются купцы и мѣщане, а дворяне дуются съ нѣкоторымъ страхомъ. Куда онъ ни явится, является и шампанское, вино, любимое въ губерніяхъ, и всѣ пьютъ съ поклонами за многолѣтіе отца губерніи... Губернаторы вообще люди образованные и иногда нѣсколько надменные. Они любятъ давать обѣды и благосклонно играютъ въ вистъ съ откупщиками и богатыми помѣщиками.

«Это дѣло обыкновенное», замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой. Кромѣ губернатора, почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть и губернаторша. Губернаторша — лицо довольно странное. Она обыкновенно образована столичной жизнью и избалована губернскимъ низкопоклонствомъ. Въ первое время, она привѣтлива и учтива; потомъ ей надоѣдаютъ безпрерывныя сплетни; она привыкаетъ къ угожденіямъ и начинаетъ ихъ требовать. Тогда она окружаетъ себя голодными дворянками, ссорится съ вице-губернаторшей, хвастаетъ Петербургомъ, презрительно относится о своемъ губернскомъ кругѣ и наконецъ навлекаетъ на себя общее негодованіе до самаго дня ея отъѣзда, въ каковой день все забывается, все прощается и ее провожаютъ со слезами.

«Да два лица не составляютъ города», прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой, постой! Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть еще много лицъ: вице-губернаторъ съ супругой, разные предсѣдатели съ супругами и несчетное число служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ. Жены ссорятся между собой на словахъ, а мужья на бумагѣ. Предсѣдатели, большею частію люди старые и занятые, съ большими крестами на шеѣ, высовываются изъ присутствія только въ табельные дни для поздравленія начальства. Прокуроръ почти всегда человѣкъ холостой и завидный женихъ. Жандармскій штабъ-офицеръ — добрый малый. Дворянскій предводитель — охотникъ до собакъ. Кромѣ служащихъ, въ каждомъ городѣ живутъ и помѣщики, обыкновенно скупые или промотавшіеся. Они постигли великую тайну, что какъ карты созданы для человѣка так и

человѣкъ созданъ для картъ. А потому съ утра до вечера, а иногда и съ вечера до утра козыряютъ они себѣ въ пички да въ бубандрясы, безъ малѣйшей усталости. Разумѣется, что и служащіе отъ нихъ не отстаютъ. Ты играешь въ вистъ?

«Нѣтъ.»

— Въ преферансъ?

«Нѣтъ.»

— Ну, такъ тебѣ и безпокоиться не нужно; ты въ губерніи пропадешь. Да, можетъ-быть, ты жениться хочешь?

«Сохрани Богъ!»

— Такъ и не заглядывай къ намъ. Тебя насильно женятъ. У насъ барышень вдоволь. Всѣ онѣ, по природному внушенію, поютъ варламовскіе романсы, и цѣлой шеренгой расхаживаютъ по столовымъ, гдѣ толкуютъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть вдова съ двумя дочерьми, принужденная прозябать въ провинціи послѣ мнимой блистательной жизни въ Петербургѣ. Прочія дамы обыкновенно надъ ней смѣются, но не менѣе того стараются попасть въ ея партію, потому-что въ губерніяхъ однѣ барышни не играютъ въ карты, да и тѣ, правду сказать, играютъ въ дурачки на орѣхи. Нѣсколько офицеровъ въ отпуску, нѣсколько тунеядцевъ безъ состоянія и цѣли, губернскій острякъ, сочиняющій на всѣхъ стишки да прозванія, одинъ старый докторъ, двое молодыхъ, архитекторъ, землемѣръ и иностранный купецъ заключаютъ городское общество.

«Ну, а образъ жизни?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Образъ жизни довольно скучный. Размѣнъ церемонныхъ визитовъ. Сплетни, карты, карты, сплетни... Иногда встрѣчаешь доброе, радушное семейство, но чаще наталкиваешься на каррикатурныя ужимки, будто-бы подражающія какому-то небывалому большому свѣту. Общихъ удовольствій почти нѣтъ. Зимой назначаются балы въ собраніи, но по какому-то странному жеманству, на эти балы мало ѣздятъ, потому-что никто не хочетъ пріѣхать первымъ. Bon genre сидитъ дома и играетъ въ карты. Вообще, я замѣтилъ, что когда пріѣдешь нечаянно въ губернскій городъ, то это всегда какъ-то случается наканунѣ, а еще чаще на другой день послѣ какого-нибудь замѣчательнаго событія. Тебя всегда встрѣчаютъ восклицаніями. «Какъ жаль, что васъ тогда-то не было, или что васъ тогда-то не будетъ.» Теперь губернаторъ поѣхалъ ревизовать уѣзды; помѣщики разъѣхались по деревнямъ, и въ городѣ никого нѣтъ. Не всякому дано попасть въ благополучныя минуты шумнаго съѣзда. Такія памятныя эпохи бываютъ только во время выборовъ и сдачи рекрутъ, во время сбора полковъ, а иногда въ урожайные годы и во время святокъ. Самые пріятные губернскіе города, въ особенности по мнѣнію барышень, тѣ, въ которыхъ военный постой. Гдѣ офицеры, тамъ музыка, ученья, танцы, свадьбы, любовныя интриги, словомъ, такое раздолье, что чудо.

«Все это хорошо; только одного я не понимаю», сказалъ Иванъ Васильевичъ: «зачѣмъ же ты здѣсь живешь?»

— Зачѣмъ?... Ахъ, братецъ, моя исторія простая и глупая исторія.

«Разскажи, пожалуйста.»

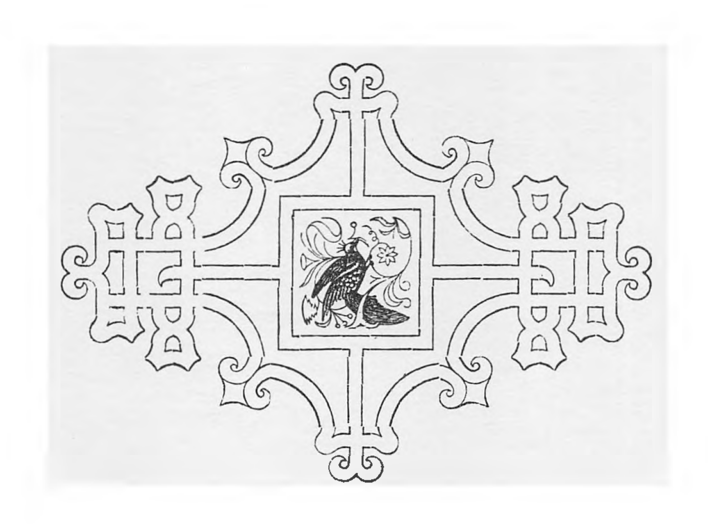
— Тебѣ почти всѣ наши дворяне разскажутъ почти то же, что̀ и я... Сперва богатство, потомъ бѣдность. Сперва столичная жизнь, потомъ хорошо, когда и въ губернскомъ городѣ жить можешь.

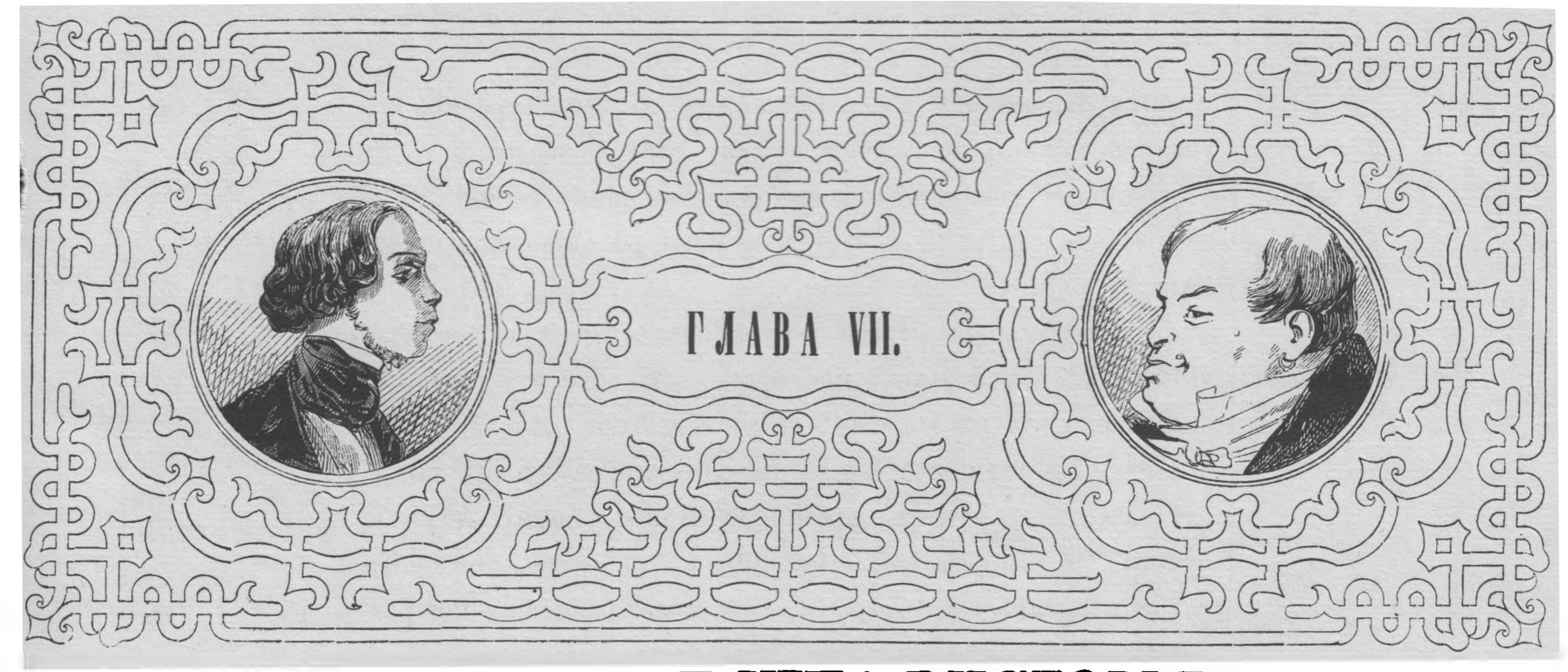
«Да отъ-чего же это?»

— Отъ-того, что мы почти всѣ легкомысленны до сумасбродства. Отъ-того, что мы съ самаго дѣтства всѣ заражены одною болѣзнью.

«Право! да ка̀къ же называется эта болѣзнь?»

— Она называется просто: «жизнь сверхъ состоянія».

ПРОСТАЯ И ГЛУПАЯ ИСТОРІЯ.

Когда мы съ тобою разстались въ пансіонѣ, гдѣ, между прочимъ, мы учились оба довольно дурно, я поѣхалъ въ Петербургъ, разумѣется, съ тѣмъ, чтобъ служить. Жить въ Петербургѣ и не служить — все равно, что быть въ водѣ и не плавать. Весь Петербургъ

кажется огромнымъ департаментомъ, и даже строенія его глядятъ министрами, директорами, столоначальниками, съ форменными стѣнами, съ вице-мундирными окнами. Кажется, что самыя петербургскія улицы раздѣляются, по табели о рангахъ, на благородныя, высокоблагородныя и превосходительныя. Право такъ. Когда я пріѣхалъ, я былъ убѣжденъ, что только я покажусь, всѣ обратятъ на меня вниманіе и что въ короткое время я сдѣлаю блистательную карьеру. Ты помнишь, что въ пансіонѣ я писалъ плохіе стихи, слѣдовательно, думалъ, я отлично буду составлять дѣловыя бумаги. Но вообрази мое удивленіе: при первомъ моемъ опытѣ, я написалъ такой вздоръ, что столоначальникъ мой разсмѣялся и приказалъ мнѣ лишь перебѣлять отношенія... И не только министръ, не только директоръ не поощряли моей неопытности, но даже начальникъ отдѣленія не говорилъ со мной никогда ни слова, и блистательныя мои дарованія остались рѣшительно въ тѣни. Я утѣшался мыслію, что зависть сослуживцевъ заграждаетъ мое повышеніе, а съ другой стороны убѣдился, что на службѣ каждый думаетъ только о себѣ. Служба, братецъ—лѣстница. По этой лѣстницѣ ползаютъ и шагаютъ, карабкаются и прыгаютъ люди зеленаго цвѣта, то толкая другъ друга, то срываясь отъ неосторожности, то зацѣпясь за фалды надежнаго эквилибриста; немногіе идутъ твердо и безъ помощи. Немногіе думаютъ объ общей пользѣ, но каждый думаетъ о своей. Каждый помышляетъ какъ-бы схватить крестикъ, чтобъ поважничать передъ собратьями, да какъ-бы набить карманъ потуже. Не

думай, впрочемъ, чтобъ петербургскіе чиновники брали взятки. Сохрани Богъ! Не смѣшивай петербургскихъ чиновниковъ съ губернскими. Взятки, братецъ, дѣло подлое, опасное и притомъ не совсѣмъ прибыльное. Но мало ли есть проселочныхъ дорогъ къ той же цѣли. Займы, аѳферы, акціи, облигаціи, спекуляціи... Этимъ способомъ при нѣкоторомъ служебномъ вліяніи, при удачной смѣтливости въ дѣлахъ, состоянія точно также наживаются. Честь спасена, а деньги въ карманѣ.

«Что же дальше?»

— Обманувшись въ моемъ честолюбіи, я рѣшился блеснуть въ свѣтѣ. Но и въ свѣтѣ со мной было то же. Я думалъ, что я богатъ, а вышло, что я бѣденъ. Я думалъ, что я всѣхъ удивлю своимъ экипажемъ, своимъ родомъ жизни, а вышло, что все мое достояніе было почти нищенское въ сравненіи съ другими; я принужденъ былъ, по глупому самолюбію, подражать чужой роскоши, а вовсе не соображаться съ моими средствами. Это общій петербургскій порокъ. Жизнь въ Петербургѣ какъ ѳейерверкъ. Много блеска, много дыма, а потомъ ничего. Каждый лѣзетъ въ петлю, чтобъ перещеголять сосѣда передъ людьми; всѣ тянутся одинъ за другимъ: сословія за сословіями, бѣдные за богатыми. Кто небогатъ, тотъ придаетъ себѣ наружность богатства и тѣмъ разоряется въ конецъ; кто богатъ, тотъ ужь пускается въ такую роскошь, строитъ такіе дворцы, что поневолѣ разоряется тоже. Въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, что наши дворяне ищутъ нищеты. У насъ дворянская роскошь придумала множество такихъ требованій, которыя сдѣлались необходимыми,

какъ хлѣбъ и вода; напримѣръ, толпу слугъ, лакеевъ въ ливреяхъ, толстаго дворецкаго, буфетчиковъ и прочей сволочи, отъ 20 до 40 человѣкъ, большія квартиры съ гостиными, столовыми, кабинетами, экипажи въ четыре лошади, ложи, наряды, карты, словомъ, можно сказать, что въ Петербургѣ роскошь составляетъ первую жизненную потребность. Тамъ сперва думаютъ о ненужномъ, а ужь потомъ о необходимомъ. За то и каждый день дворянскія имѣнія продаются съ молотка. А если бъ ты зналъ, какія страсти возбуждаются отъ несоразмѣрности состоянія съ издержками, какія отъ того ужасныя сцены разъигрываются каждый день въ семействахъ, какія гибельныя бываютъ отъ того послѣдствія, сколько людей потеряли отъ безумнаго угара и спокойствіе своей совѣсти, и собственное уваженіе, и помрачили честь свою навсегда! Столичная жизнь, какъ потопъ, все уноситъ, все увлекаетъ съ собой, не давъ и опомниться. Но мы ужь такъ созданы. Прежде всего, мы ищемъ разсѣянія и удовольствія, и нѣтъ у насъ, братецъ, ни твердыхъ правилъ, ни высокой цѣли въ жизни. Во-первыхъ, мы дурно воспитаны; во-вторыхъ, мы слабы передъ искушеніемъ, и хотя мы видимъ передъ собой страшные примѣры, но сами не исправляемся. Тутъ есть о чемъ призадуматься... Да, впрочемъ, ты самъ русскій дворянинъ, слѣдовательно, не разсказывать же мнѣ тебѣ, какъ люди проматываются. Можетъ-быть, въ совершенномъ нашемъ незнаніи разсчета есть какая-то славянская удаль, какое-то отдаленное условіе нашей широкой, размашистой природы. Какъ бы то ни было, пе-

тербургская роскошь дошла до пошлой глупости, и никто не смѣетъ подать примѣръ разсудка и ума. Ростовщики обогащаются, мода владычествуетъ, измѣняя каждый день свои прихоти, и всѣ покоряются безусловно модѣ, и приносятъ ей въ дань все до послѣдней копейки. За то нѣтъ ни у кого семейныхъ воспоминаній. Ни въ одномъ домѣ не найдешь ты дѣдовскихъ слѣдовъ: ни фамильной утвари, ни признаковъ уваженія къ предкамъ. Все поглощается на удовлетвореніе модныхъ затѣй... И повѣришь ли, прекрасный Петербургъ кажется городомъ, взятымъ на-прокатъ. — Что̀ касается до меня, я дѣлалъ, какъ товарищи, то-есть, дѣлалъ долги, и проживалъ вдвое противъ получаемыхъ доходовъ. Впрочемъ, это еще не удивительно: у меня были пріятели, которые ровно ничего не получали, а проживали втрое больше меня. Ка̀къ они дѣлали, до-сихъ-поръ не понимаю. Я былъ вездѣ принятъ, волочился за модными дамами, слушалъ ихъ вздоръ, отвѣчалъ тѣмъ же и всюду и всячески старался веселиться. Но, сказать тебѣ правду, среди насильственнаго вѣчнаго разсѣянія, я былъ совершенно несчастливъ. Подобно многимъ нашимъ молодымъ людямъ, я чего-то хотѣлъ, чѣмъ-то былъ недоволенъ; я жаждалъ какой-то невозможной дѣятельности; словомъ, чувствовалъ себя безполезнымъ, лишнимъ, и укорялъ другихъ въ своемъ ничтожествѣ. Такою черной немочью страдаютъ у насъ многіе. Тогда я вздумалъ жениться.

«Какъ? ты женатъ?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Женатъ, отвѣчалъ, вздохнувъ, его собесѣдникъ: — но все равно что̀ холостой. Опять простая и глупая исторія.

— Въ Петербургѣ прекрасныя дѣвушки. Взглянуть на нихъ — заглядѣнье. Волосы ихъ такъ гладко причесаны, таліи у нихъ такія пышныя, а танцуютъ онѣ такъ мило и такъ много, что нельзя въ нихъ не влюбиться. Я и влюбился. Вальсомъ началась моя любовь, мазуркой рѣшилась моя свадьба. Невѣста моя была дочь богатаго человѣка, который давалъ удивительные обѣды и каждый вечеръ игралъ въ вистъ, въ такъ-называемую большую партію. — Я готовился быть счастливымъ. Но въ Петербургѣ, братецъ, свадьба — половина банкрутства. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, я думаю, обыкновенія, приступая къ счастію, заблаговременно его испортить, и, готовясь къ покою, заранѣе уничтожить возможность быть спокойнымъ. Въ Петербургѣ же — такой обычай, такой законъ. Какъ бы ни глупъ былъ общій примѣръ, надо слѣдовать общему примѣру. У насъ для всего созданы условныя правила, необходимыя, какъ визиты и шляпочные поклоны. Такимъ образомъ, и женихъ обязывается къ самому смѣшному мотовству, какое бы ни было его состояніе, и тутъ-то пожива славянскому размаху. Во-первыхъ, жениху предстоятъ непремѣнные подарки. Портретъ, писанный Соколовымъ, браслетъ пышный, браслетъ чувствительный, турецкая шаль, брильянтовыя украшенія, и несмѣтное число всякой блестящей дряни изъ Англійскаго-Магазина. Потомъ женихъ обязанъ отдѣлать за-ново чужой домъ, обставить комнаты растеніями, взятыми напрокатъ, завести щеголь-

скіе экипажи съ красивыми лошадьми и сверкающими сбруями. Онъ одѣваетъ двухъ огромныхъ лакеевъ въ ливреи съ гербовыми позументами, заготовляетъ сервизы, бронзы, фарфоры, готовится давать обѣды, и только женившись, замѣчаетъ, что именно-то обѣдать и нѣчѣмъ. Отецъ невѣсты, съ своей стороны, отдѣлываетъ на славу спальню, какъ-бы давая примѣръ жениху въ сумасбродствѣ, какъ-бы заботясь гораздо болѣе о пышномъ убранствѣ нанятыхъ стѣнъ, чѣмъ о счастіи и спокойствіи своей дочери. Сверхъ того, онъ наполняетъ множество шкаповъ и сундуковъ разнымъ тряпьемъ и хламомъ, которое, подъ названіемъ приданаго, уноситъ цѣлый капиталъ, и наконецъ, на другой день послѣ свадьбы, даритъ новобрачнаго своимъ полнымъ довѣріемъ. Онъ признается съ полной откровенностью, что петербургская жизнь дорога до чрезвычайности; что поваръ его разоряетъ, что въ вистъ играетъ онъ несчастливо, и въ заключеніе объявляетъ, что надо ожидать его смерти для полученія обѣщанныхъ доходовъ. Немного сконфуженный такимъ страннымъ ожиданіемъ и такой пріятной новостью, зять съ своей стороны сознается въ плачевномъ положеніи своихъ дѣлъ, и потомъ, черезъ нѣсколько дней, ссорится на вѣкъ съ новымъ своимъ семействомъ...

— Такъ и со мной было. Я хотѣлъ уѣхать въ деревню. Жена не захотѣла. Она не такъ была воспитана. Она привыкла и по Невскому гулять, и на балы, и въ театръ ѣздить. Нѣчего было дѣлать. Тутъ, братецъ, началась для меня настоящая каторга. Въ жизни сверхъ состоянія бываютъ

ужасныя минуты. Иногда жена, разряженная, любезничаетъ въ ложѣ съ франтами, а дома дровъ нѣтъ; иногда гости назвались къ обѣду, а поваръ не ставитъ болѣе въ домъ провизіи, и грубитъ тебѣ еще въ добавокъ, и ты не смѣешь его выгнать, потому-что ты ему кругомъ задолжалъ. Страшно сказать, братецъ, а въ настоящемъ модномъ петербургскомъ образѣ жизни не только нельзя сохранить свое достоинство, но едва-ли можно остаться, въ строгомъ смыслѣ слова, честнымъ человѣкомъ. Прежде всего, и во что̀ бы ни стало, нужны деньги, а деньги употребляются на вздоръ. Вечеромъ ты танцуешь, а утромъ у тебя толпятся такъ-называемые гости кабинетные, лихоимцы, афферисты, заимодавцы. Ты закладываешь, продаешь, занимаешь; ты даешь векселя и росписки; ты отдаешь и брильянты, и серебро, и турецкую шаль, и лошадей своихъ; ты проклинаешь жизнь, ты близокъ къ отчаянію. Есть минуты, гдѣ ты готовъ застрѣлиться. И со всѣмъ тѣмъ, ты затянутъ, раздушенъ, завитъ, ты кланяешься и шаркаешь, и отдаешь визиты, и къ тому же можешь быть увѣренъ, что никто рѣшительно тебя не любитъ, и всѣ надъ тобой смѣются.

Такъ пробился я два года. Но тогда замѣтилъ я, что въ свѣтѣ на меня начали глядѣть съ какимъ-то презрительнымъ и обиднымъ сожалѣніемъ. Мнѣ меньше кланялись. Меня забывали въ приглашеніяхъ. Меня въ мазуркѣ перестали выбирать, и мало-по-малу всѣ мои друзья начали отдаляться отъ меня, передавая другъ другу не совсѣмъ имъ непріятную вѣсть о моемъ разореніи. «Самъ виноватъ», го-

ворили они. «Зачѣмъ лѣзетъ онъ за другими? Зачѣмъ живетъ онъ съ нами?» И даже люди, которыхъ я любилъ отъ души, какъ братьевъ, поворотились ко мнѣ спиной, когда узнали, что не могутъ ни объиграть меня, ни пообѣдать хорошенько на мой счетъ, — и не только не видалъ я отъ нихъ ни одного знака участія, но узналъ еще, что они разглашаютъ мое бѣдствіе съ какой-то странной жадностью и нахально острятъ надъ моимъ злополучіемъ. Это было всего для меня досаднѣе. Я возненавидѣлъ Петербургъ и рѣшился уѣхать. Я продалъ все, что̀ имѣлъ, расплатился съ кѣмъ могъ, привелъ дѣла свои въ возможный порядокъ, и въ одно прекрасное утро отправился съ женою въ Москву на жительство.

«Ты жилъ въ Москвѣ?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Жилъ, братецъ. Опять то же самое. Опять продолженіе простой и глупой исторіи! Жена моя хотѣла жить, если не въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. О деревнѣ и думать мнѣ не позволялось. Вотъ и поселился я въ Москвѣ. Я люблю Москву бѣлокаменную, съ вѣковымъ Кремлемъ, съ славнымъ и роднымъ воспоминаніемъ на каждомъ шагу. Москва — сердце Россіи, и это сердце бьется благороднымъ чувствомъ ко всему отечественному. Въ низшемъ слоѣ московскаго населенія господствуетъ прямодушіе; въ высшемъ — блестятъ нѣсколько даровитыхъ, благонамѣренныхъ умовъ, одушевленныхъ любовью къ полезнымъ занятіямъ, стремленіемъ къ прекрасной народной цѣли. Но это узналъ я послѣ. — Я по-

палъ въ какой-то особый кругъ, составляющій въ огромномъ городѣ нѣчто въ родѣ маленькаго досаднаго городка. Этотъ городокъ, братецъ, — городокъ отставной, отечество усовъ и венгерокъ, пріютъ недовольныхъ всякаго рода, вертепъ самыхъ странныхъ разбоевъ, горнило самыхъ странныхъ разсказовъ. Въ немъ живутъ отставленные и отставные, сердитые, обманутые честолюбіемъ, вообще все люди лѣнивые и недоброжелательные. Отъ-того и господствуетъ между ними духъ праздности и празднословія, и не даромъ называютъ этотъ городокъ старухой. Ему прежде всего надо болтать, болтать во что бы ни стало. Онъ разскажетъ вамъ, что сѣрый волкъ гуляетъ по Кузнецкому-Мосту и заглядываетъ во всѣ лавки; онъ повѣдаетъ вамъ на ухо, что турецкій султанъ усыновилъ французскаго короля; онъ выдумаетъ особую политику, особую Европу, — было бы о чемъ поболтать. Но это зло еще небольшое: праздность породила гнуснѣйшія дѣла. Разскажу тебѣ свой дебютъ въ бѣлокаменной. Меня тотчасъ же, по пріѣздѣ, повезли въ одно пріятное общество. Это общество нѣчто въ родѣ министерства праздношатающихся, камеры тунеядцевъ. При моемъ появленіи, всѣ присутствующіе начали искоса на меня поглядывать, какъ-бы на дикаго звѣря, и начали между собою шептаться. Потомъ какой-то господинъ съ большимъ бѣлокурымъ хохломъ подошелъ ко мнѣ и началъ со мною знакомиться, говоря, что онъ оченъ знавалъ батюшку, служилъ съ дядюшкой, и даже немного помнитъ самого дѣдушку. «По этому праву», продолжалъ онъ: «поз-

вольте дать мнѣ вамъ совѣтъ. Видите ли вы тамъ господина съ большими черными усами? Берегитесь его... онъ

предложитъ вамъ играть съ собой и объиграетъ васъ навѣрное...» Я поблагодарилъ прiятеля моего семейства и пошелъ въ другiя комнаты. Вообрази мое удивленiе; за мной

бѣжитъ господинъ съ черными усами и начинаетъ со мною разговоръ.

«Вы давно знакомы съ этимъ бѣлокурымъ хохломъ?» — Нѣтъ, сейчасъ познакомился. — «Ну, такъ берегитесь его; онъ хочетъ васъ объиграть. Я почелъ долгомъ васъ предупредить, потому-что ваша тетушка была всегда очень ко мнѣ милостива, да и къ тому же мы, кажется, нѣсколько сродни.»

Что̀ же это такое! подумалъ я, и съ любопытствомъ началъ прислушиваться къ разговорамъ. Но тутъ я наслушался такихъ словъ, такихъ откровенныхъ признаній, такихъ странныхъ наклонностей, что волосы у меня стали дыбомъ. Иные вольнодумничали въ полголоса и низко кланялись полиціймейстеру; другіе разсказывали съ чувствомъ и восторгомъ о рубцахъ и кулебякахъ, — третьи хвастали сильнымъ пьянствомъ; одинъ господинъ разсказалъ даже весьма забавно, ка̀къ его однажды побили; наконецъ, нѣкоторые разговаривали въ слухъ о такихъ удивительныхъ московскихъ тайнахъ, которыхъ и самъ Сю не рѣшился бы напечатать. Говорили тоже о собакахъ и о женщинахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что о собакахъ относились съ уваженіемъ. Старики играли въ вистъ и громко бранились между собой, послѣ чего, по окончаніи партіи, ходили они обнюхивать ужинъ и потомъ уѣзжали домой. Наконецъ, въ адской комнатѣ, отчаянные игроки съ блѣдными лицами и впалыми щеками играли въ тысячную игру. Кругомъ столовъ толпились любопытные съ безсмысленной жадностью на лицѣ и подлымъ восторгомъ къ слѣпому счастью. Кипы ассигнацій валялись

по зеленому полю, и страшная тишина прерывалась только роковымъ приговоромъ проигрыша. И что̀ тутъ проигрывалось, не говоря уже о деньгахъ! Были тутъ и молчаливые люди, которые сидѣли въ углу и пожимали плечами. Были многіе другіе, которые, привыкнувъ къ подобному образу жизни и прислушавшись къ страннымъ рѣчамъ, по силѣ привычки уже ничего не находили въ нихъ предосудительнаго, а скорѣе нѣчто удалое и молодеческое. Такимъ образомъ они братствуютъ съ людьми, которыхъ бы, при настоящей оцѣнкѣ совѣсти, они не велѣли бы пускать и въ лакейскую. — Это объясняется просто. Пороки петербургскіе происходятъ отъ напряженной дѣятельности, отъ желанія выказаться, отъ тщеславія и честолюбія. Пороки московскіе происходятъ отъ отсутствія дѣятельности, отъ недостатка живой цѣли въ жизни, отъ скуки и тяжелой барской лѣни. Впрочемъ, это относится, разумѣется, не ко всему обществу, а къ малой части того общества, которое наиболѣе заставляетъ говорить о себѣ. Вездѣ есть хорошіе и умные люди... только они обыкновенно удаляются отъ шума и съ трудомъ заводятъ новыя знакомства, тогда какъ городская сволочь тотчасъ бросается въ глаза и завлекаетъ въ разныя глупости такихъ безхарактерныхъ простяковъ, каковъ я, напримѣръ. Мало-по-малу, я началъ привыкать къ странностямъ круга, въ который я попалъ, познакомился со всѣми и отъ того сталъ ко всѣмъ благосклоннѣе. Грѣха таить нѣчего, я пересталъ ужасаться откровенныхъ разсказовъ, постигъ философію стерляжьей ухи и растегаевъ, отклонился отъ людей

образованныхъ и радушныхъ, которыхъ такъ много въ Москвѣ, но остался въ кругу извѣстной шайки, такъ-что наконецъ, въ одинъ прекрасной вечеръ, сѣлъ я играть по маленькой съ бѣлокурымъ хохломъ и съ черными усами. Само собою разумѣется, что они объиграли меня на чистоту, и сдѣлались тотчасъ со мной весьма фамильярны, трепали меня по плечу, называли меня братцомъ, скотиной, фефелой, словомъ, оказывали мнѣ самые милые знаки дружбы. Это было досадно... Когда я вздумалъ ихъ остановить, — они разсердились и начали уже ругаться. Хохолъ назвалъ меня шпіономъ, а усы вздумали поносить поведеніе жены моей самымъ мерзкимъ образомъ. Ты знаешь, я человѣкъ горячій. Правой рукой вцѣпился я въ хохолъ, а лѣвой въ усы, и началась настоящая драка. Насъ розняли; мы положили, какъ водится, стрѣляться на другой день въ Марьиной-Рощѣ, и я съ отчаяніемъ поѣхалъ домой. И что̀ же, братецъ? Я вдругъ понялъ, что люблю жену отъ души и что еслибъ она и я были иначе воспитаны, то могли бы быть очень счастливы; души наши были неиспорченныя, но испорчены были наши привычки; словомъ, недостатокъ твердыхъ правилъ, необходимость свѣтскаго развлеченія ввергали насъ въ ужасную пропасть. Жена моя недурна собой, петербургская дама. Ее приняли въ Москвѣ съ восторгомъ и завистью, превозносили въ глаза и терзали заочно. Впрочемъ, это вездѣ такъ дѣлается. Она не думала остерегаться. Какъ-то протанцовала она нѣсколько мазурокъ сряду съ однимъ офицеромъ. Двѣ, три барыни перемигнулись, два, три

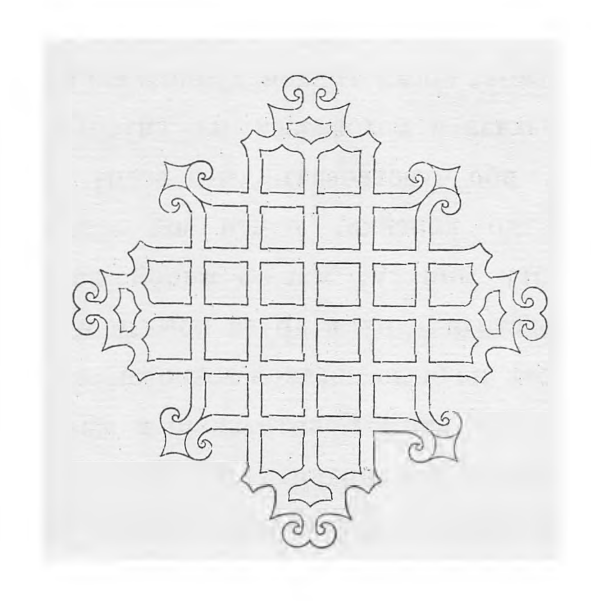
шалуна съострили на ея счетъ и вотъ — пылинка раздулась горой. На другой день, на Тверской разсказывали, что жена моя явно живетъ съ любовникомъ; на Дмитріевкѣ, что у ней два любовника; на Арбатѣ, что у ней три любовника. Черезъ недѣлю, вѣсть эта дошла и до Замоскворѣчья и до Красныхъ-Воротъ, но тамъ уже любовники жены моей расплодились до числа баснословнаго. Московскія барыни возили съ собою поддѣльныя письма, разсказывали съ чувствомъ и негодованіемъ совершенно невозможные случаи, притомъ каждая придумывала какое-нибудь слово. Слово дѣлалось при повтореніи анекдотомъ, анекдотъ — романомъ, и московская чудовищная сплетня принялась широко и размашисто разгуливать по матушкѣ-бѣлокаменной на счетъ жены моей. Когда пріѣхалъ я къ себѣ, послѣ гадкой драки, мы объяснились съ женой. Она плакала и жаловалась на гнусныя сплетни; я также плакалъ, ибо чувствовалъ, что всему виноватъ, что промоталъ все до копейки, и что мы остаемся нищими. Странно: въ эту минуту, мы съ женой помирились, все другъ другу простили, другъ друга поняли и полюбили, но жить намъ вмѣстѣ не было никакой возможности. Вдругъ стучатся въ двери. Это что? Квартальный и жандармы. Меня велѣно взять сейчасъ и отправить во Владиміръ. У воротъ стояла телега. Посадили меня, грѣшнаго, и повезли. — Жена уѣхала къ отцу въ Петербургъ, а я живу здѣсь, братецъ, подъ присмотромъ полиціи, гуляю на бульварѣ, смотрю на виды и вотъ тебѣ конецъ моей простой и глупой исторіи. Да пойдемъ-ка ко мнѣ выкурить трубочку.

«Нельзя, братецъ; меня дожидается старикъ мой; и то, я думаю, уже сердится.»

— Зайди хоть на минутку. Дай съ товарищемъ душу отвести.

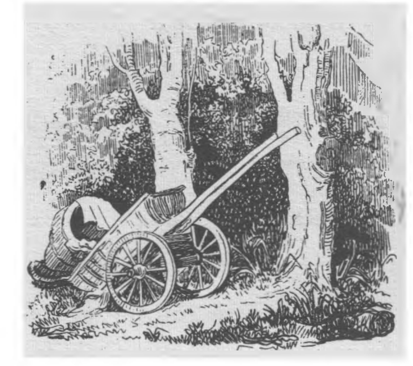
«Нельзя, право... Проводи-ка лучше меня къ трактиру. Старикъ право сердится.»

И въ-самомъ дѣлѣ, у трактира Василій Ивановичъ сидѣлъ уже въ экипажѣ, и ворчалъ что-то про молодыхъ людей. Иванъ Васильевичъ мигомъ вскочилъ на свое мѣсто и тарантасъ медленно спустился по горѣ и отправился снова въ туманную даль.

ГЛАВА VIII.

ЦЫГАНЕ.

ванъ Васильевичъ сидѣлъ въ уголкѣ комнаты постоялаго двора и грустно о чемъ-то размышлялъ. Книга путевыхъ впечатлѣній лежала передъ нимъ въ неприкосновенной бѣлизнѣ.

«Въ-самомъ-дѣлѣ», думалъ онъ: «отъ-чего въ жизни ожиданія наши, и желанія, и надежды никогда не сбываются?

Загадываешь одно, а выходитъ противное и даже не противное, а что-то совершенно другое, неожиданное. Въ воображеніи все обрисовывается въ яркихъ, пріятныхъ и рѣзкихъ краскахъ, а на дѣлѣ все сливается въ какой-то мутный хаосъ скучной дѣйствительности. Вотъ, напримѣръ, долго желалъ я погулять на западѣ, подышать воздухомъ юга, поглядѣть на мудрыхъ людей нашего вѣка, взглянуть поближе на европейское просвѣщеніе, на современную славу, на все, чѣмъ шумятъ и хвастаютъ люди. И вотъ пошатался я по Европѣ, видѣлъ много трактировъ, и пароходовъ, и желѣзныхъ дорогъ, осмотрѣлъ многія скучныя коллекціи, и нигдѣ не находилъ тѣхъ живыхъ впечатлѣній, которыхъ надѣялся. Въ Германіи удивила меня глупость ученыхъ; въ Италіи страдалъ я отъ холода; во Франціи опротивѣла мнѣ безнравственность и нечистота. Вездѣ нашелъ я подлую алчность къ деньгамъ, грубое самодовольствіе, всѣ признаки испорченности и смѣшныя притязанія на совершенство. И поневолѣ полюбилъ я тогда Россію и рѣшился посвятить остатокъ дней на познаніе своей родины. И похвально бы, кажется, и нетрудно.»

Только теперь вотъ вопросъ: кàкъ ее узнаешь? Хватился я сперва за древности, — древностей нѣтъ. Думалъ изучить губернскія общества, — губернскихъ обществъ нѣтъ. Всѣ они, какъ говорятъ, форменныя. Столичная жизнь — жизнь не русская, а перенявшая у Европы и мелочное образованіе, и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ-быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ вседневномъ быту русской жизни? Но вотъ я ѣду четвертый день, и слушаю

и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и, хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая; земли, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть; дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются... Вотъ и все... а тамъ: то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнѣ ползаютъ, то щи сальными свѣчами пахнутъ... Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобною дрянью?... И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдохнуть не даетъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго. Все тоже да тоже... и завтра будетъ какъ ныньче. Здѣсь станція, тамъ опять та же станція, а тамъ еще та же станція; здѣсь староста, который проситъ на водку, а тамъ опять до безконечности все старосты, которые просятъ на водку... что̀ же я стану писать? Теперь я понимаю Василія Ивановича. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ правъ, когда увѣрялъ, что мы не путешествуемъ, и что въ Россіи путешествовать невозможно. Мы просто ѣдемъ въ Мордасы. Пропали мои впечатлѣнія!» Тутъ Иванъ Васильевичъ остановился. Въ комнату вошелъ хозяинъ постоялаго двора, красивый высокій парень, обстриженный въ кружокъ, съ голубыми глазами, съ русой бородкой, въ синемъ армякѣ, перетянутъ краснымъ кушакомъ. Иванъ Васильевичъ невольно имъ залюбовался, порадовался въ душѣ красотѣ русскаго народа и немедленно вступилъ въ любознательный разговоръ.

«Скажи-ка мнѣ, пріятель... здѣсь уѣздный городъ?»

— Такъ точно-съ.

«А что̀ здѣсь любопытнаго?»

— Да чему, батюшка, быть любопытному! Кажись, ничего нѣтъ.

«Древнихъ строеній нѣтъ?»

— Никакъ нѣтъ-съ... Да-бишь... былъ точно деревянный острогъ, нѣча сказать, никуда не годился... Да и тотъ въ прошедшемъ году сгорѣлъ.

«Давно, видно, былъ построенъ.»

— Нѣтъ-съ, не такъ давно, а лѣсомъ мошенникъ подрядчикъ надулъ совсѣмъ. Хорошо, что и сгорѣлъ... право-съ.

Иванъ Васильевичъ взглянулъ на хозяина съ отчаяніемъ...

«А много здѣсь живущихъ?»

— Нашей братьи мѣщанъ довольно-съ, а то служащіе только.

«Городничій?...»

— Да-съ, извѣстное дѣло: городничій, судья, исправникъ и прочіе — весь комплетъ.

«А какъ они время проводятъ?»

— Въ присутствіе ходятъ, пуншты пьютъ, картишками тѣшатся... Да бишь, спохватился улыбнувшись хозяинъ: — теперь у насъ за̀ городомъ цыганскій таборъ, такъ вотъ они повадились въ таборъ таскаться. Словно, московскіе баря, али купецкіе сынки. Такой куражъ, что чудо. Судья на скрипкѣ играетъ. Артамонъ Ивановичъ, засѣдатель, отхватываетъ

въ присядку; ну и хмѣльнаго-то тутъ не занимать стать... Гуляютъ-себѣ да и только. Эвтакая, знать, нація.

«Цыгане, Цыгане!» воскликнулъ съ радостью Иванъ Васильевичъ, вскочивъ съ своего стула. «Цыгане, Василій Ивановичъ, Цыгане... Первая глава для моихъ впечатлѣній. Цыгане — народъ дикій, необузданный, кочующій, которому душно въ городѣ, который въ лѣсъ хочетъ, въ таборъ свой, въ поле, въ степь, на просторъ. Ему свобода первое благо, первая потребность. Свобода вся жизнь его... Какъ они сюда попали?...»

— Задержаны, батюшка, по приказанію начальства. Баютъ, будто секретарь просилъ съ нихъ по золотому съ кибитки для пропуска. Видно, шататься не велѣно. Они, съ дури что ли, или точно денегъ у нихъ не было, не дали; — ну и сидятъ теперь, голубчики, не прогнѣвайся, шестой мѣсяцъ никакъ, подъ карауломъ.

Восторгъ Ивана Васильевича немножко утихъ. Однако, онъ приготовилъ свою книгу и началъ чинить карандашъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался тяжелый шорохъ и улыбающійся ликъ Василія Ивановича показался въ дверяхъ.

— Цыгане, сказалъ онъ: — га, га, Цыганочки. Вишь какіе проказники. Точно на ярмаркѣ или въ Москвѣ... Цыганъ себѣ, изволите видѣть, завели... Вотъ что?... А есть ли хорошенькія? — прибавилъ онъ, прищуривая лѣвый глазъ и улыбаясь значительно.

«Всякія есть,» отвѣчалъ хозяинъ: «есть и хорошія. Стешка есть такая лихая, чудо-баба, какъ выпьетъ... Стряпчій, что̀ ни получитъ по мѣсту, такъ къ ней и несетъ. Совсѣмъ, говорятъ, издерживается. Ну, вотъ Матреша, есть исправничья, Наташка есть, голосистая и недотрога такая. Судья, баютъ, тысячи сулилъ. — Не надо, говоритъ, мнѣ вашихъ тысячь. Вотъ какая-съ. А голосъ, какъ у соловья. Нѐчего сказать, знатно поютъ... Ну, да, если хотите, сами услышать можете. Они всего въ полверстѣ отсюда... Коль вашимъ милостямъ угодно, я проводить могу.»

Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Василія Ивановича.

Василій Ивановичъ взглянулъ на Ивана Васильевича.

— Пойдемъ, сказалъ Василій Ивановичъ.

«Пойдемъ», сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Они отправились.

Посреди дороги Иванъ Васильевичъ остановился.

— Однако, сказалъ онъ: — надѣюсь, мы никого изъ этихъ чиновниковъ тамъ не застанемъ?

«Никого,» отвѣчалъ проводникъ. «Теперь присутствіе.»

— Ну, такъ пойдемъ.

У самой опушки лѣса, около большаго поля, цыганскій таборъ рисовался въ живописномъ безпорядкѣ. Телеги, съ протянутыми къ деревьямъ холстами въ видѣ шатровъ, привязанныя лошади, смуглые ребятишки на перинахъ, дымящіеся костры, безобразныя старухи въ оборванныхъ манті-

яхъ, коричневыя лица, всклокоченные волосы, все рѣзко обозначалось въ этой странной и дикой картинѣ. Иванъ Васильевичъ былъ очень доволенъ, и хотя онъ и долженъ былъ зажать носъ отъ цыганскаго запаха, однако заманчивость неожиданнаго приключенія и надежда наконецъ начать книгу свою, располагали духъ его къ самой пріятной снисходительности.

Василій Ивановичъ пыхтѣлъ и торопился.

«Эй вы, черномазыя!» закричалъ проводникъ. «Вылѣзайте-ка, черти, живѣй! Вишь господа къ вамъ пожаловали.»

Весь таборъ зашевелился. Старухи бѣгали между телегъ и сзывали молодыхъ. Молодыя поспѣшно наряжались за холстами, ребятишки прыгали, — мужчины низко кланялись и настраивали гитары. «Живѣе, живѣе, бабы, господа дожидаются!» кричалъ атаманъ. И вотъ изъ-подъ навѣсовъ хлынула толпа Цыганокъ запачканныхъ, растрепанныхъ, въ ситцевыхъ грязныхъ платьяхъ, въ оборванныхъ розовыхъ передникахъ.

Иванъ Васильевичъ остолбенѣлъ. Какъ! и у Цыганъ водворились жалкія европейскія моды. Какъ! и они не съумѣли удержать своей первобытной физіономіи? Погибли Хитаны, Эсмеральды, Прециозы; — Прециоза одѣта щеголихой Смоленскаѓо Рынка; Эсмеральда въ пѣгомъ газовомъ платьѣ, украденномъ на Басманной. Но этого мало. Цыганки перемигнулись и вдругъ, съ разными ужимками, затянули въ общемъ жалобномъ пискѣ не кочевую цыганскую пѣснь, а рус-

скій водевильный романсъ. Гдѣ же тутъ своебытность и народность? Гдѣ найдешь ихъ въ Европѣ, когда и Цыгане даже ихъ утратили?»

Книга путевыхъ впечатлѣній выпала изъ рукъ Ивана Васильевича.

За то Василій Ивановичъ былъ въ восхищеніи. Онъ шевелилъ плечами, притопывалъ ногой, даже подтягивалъ довольно хриплымъ голосомъ и утопалъ въ удовольствіи. Цыганки окружали его со всѣхъ сторонъ. Тѣ, которыя не пѣли, называли его красавцемъ, солнышкомъ, гадали ему на ла-

дони, и сулили несмѣтныя богатства. Пьяная Стешка плясала, разводя руками. Матрена кричала какъ-будто ее рѣжутъ, и вотъ всѣ вдругъ захлопали въ ладоши и начали провозглашать многія лѣта Василію Ивановичу. И Василій Ивановичъ улыбался и, забывъ про Авдотью Петровну, сыпалъ двугривенными и четвертаками въ жадную толпу.

«Вотъ такъ, вотъ такъ!» говорилъ онъ: «Лихо. Ну, теперь... «Эй, вы, уланы»... или, знаешь, вотъ что: «Ты не повѣришь, ты не повѣришь.» Хорошо!... Ну-ка плясовую... Вотъ такъ! Хорошо! Славно!... Молодцы!... Лихо! Ну, потѣшили... Ай-да спасибо!... Иванъ Васильевичъ, а Иванъ Васильевичъ, чтò ты стоишь, какъ-будто восемь въ сюрахъ проигралъ... Взгляни-ка на право... Видишь ли въ красномъ платкѣ? Какъ-бишь ее, Наташа, что ли?... Какова? А?...»

Ивану Васильевичу сдѣлалось сперва досадно, а потомъ грустно. — Онъ взглянулъ на Наташу.

Наташа, не смотря на свой уродливый нарядъ, была точно хороша собой. Большіе черные глаза сверкали какъ молнія; смуглыя черты были нѣжны и правильны, и бѣлые какъ сахаръ зубы рѣзко отдѣлялись на малиновыхъ устахъ.

Иванъ Васильевичъ вынулъ изъ галстуха золотую булавочку и подошелъ къ красавицѣ. — Наташа, сказалъ онъ: — ты родилась Цыганкой, оставайся Цыганкой, не носи глупыхъ передниковъ, не презирай своего народа, не пой русскихъ

романсовъ. Пой свои родныя пѣсни, и въ память обо мнѣ возьми мою булавку.

Цыганка живо приколола булавку къ платку, взглянула на молодаго человѣка полу-весело, полу-задумчиво и сказала ему въ-полъ-голоса :

«Я люблю наши пѣсни, я стану носить твою булавку. Я тебя не забуду.»

Иванъ Васильевичъ отошелъ въ сторону, и, не знаю почему, ему стало еще грустнѣе. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

«А каково поютъ?» спросилъ за нимъ голосъ.

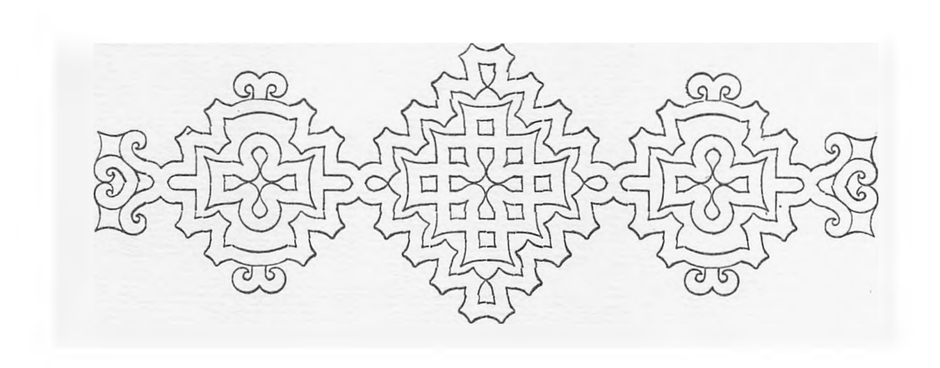
Иванъ Васильевичъ обернулся. За нимъ стоялъ ихъ проводникъ и лукаво на него поглядывалъ. «Не правда ли, что хорошо поютъ? Барину, никакъ, нравится», продолжалъ онъ, указывая на Василія Ивановича, умильно стоящаго среди Цыганокъ, которыя снова хлопали въ ладоши, припѣвая многія лѣта Василію Ивановичу.

— Поютъ хорошо.

Ивану Васильевичу не хотѣлось ни говорить, ни оставаться. Онъ съ трудомъ оттащилъ Василія Ивановича, который при дикихъ восклицаніяхъ на силу рѣшился покинуть своихъ смуглыхъ обольстительницъ и, въ заключеніе, бросилъ имъ съ восторгомъ красную ассигнацію.

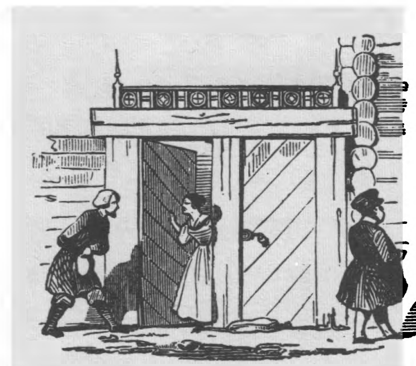
Наконецъ, оба отправились молча къ станціонному двору.

«Не дурно поютъ» продолжалъ неугомонный проводникъ... «Жаль только, что бѣдняжки сидятъ подъ карауломъ. Ну, да впрочемъ, сидѣть на чистомъ воздухѣ въ лѣсу... не то, что̀ сидѣть, какъ я, напримѣръ, сидѣлъ, хоть бы сказать, въ острогѣ...»

ГЛАВА IX.

ПЕРСТЕНЬ.

ы сидѣлъ въ острогѣ? съ любопытствомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Сидѣлъ, баринъ, нѣча грѣха таить, безвинно сидѣлъ.»

— А за что?

Рослый дѣтина провелъ рукой по русой бородкѣ, попра-

вилъ усъ и улыбнулся. Голубые глаза его оживились огнемъ понятливости и веселья.

«За частниху» сказалъ онъ.

— Какъ за частниху? подхватилъ Василій Ивановичъ, смѣясь всѣмъ туловищемъ: — за жену частнаго пристава? Статочное ли это дѣло? Да ты, братъ, я вижу, балагуръ. Потѣшь-ка, братъ, разскажи, какъ это у васъ было. Дай послушать твои проказы.

«Изволь, баринъ, разскажу, пожалуй... Изволишь ты видѣть: у меня свой постоялый дворъ для проѣзжающихъ, и сарай есть, и сѣно держимъ. Милости просимъ кому угодно, самоваръ всегда готовъ, а настойка такая, я вамъ доложу, что только облизывайся. Это, знаешь, ужь такъ для угощенія, по разницѣ продавать не велѣно... ну, да кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ. Добрые люди, дай Богъ имъ здоровья, меня не забываютъ: такъ ко мнѣ на дворъ и заворачиваютъ. А внизу, изволишь ты видѣть, баринъ, у меня лавка со всякой всячиной для крестьянскаго обихода. Тутъ и крупа всякая, и рукавицы, и кушаки, и хомуты, и бичевье, и черносливъ, — словомъ, что надо.

«Года два, что ли, тому, прислали намъ изъ города новаго частнаго. Собой такой маленькой, круглый, словно бочка, не больно молодой, да и сказать то надо правду, крѣпко испивалъ. «Что» говоримъ мы, ребята: «вѣдь дряннаго намъ частнаго прислали. Ну, а чтò же ты тутъ станешь дѣлать? Даромъ что дрянной, все-таки частный!» Дѣлать нѣчего, — пошли къ нему на поклонъ; кто взялъ фунтъ чая, кто голо-

ву сахара, кто другаго товара изъ лавки. Нельзя же и не поздравить съ пріѣздомъ. Вотъ, пришли мы, купечество да мѣщанство, кто въ мундирахъ, кто въ новомъ платьѣ, какъ водится, съ хлѣбомъ съ солью, и стоимъ себѣ у стѣнки. А частный-то павлиномъ расхаживаетъ-себѣ въ халатѣ, да только гостинцы подбираетъ. Какъ теперь помню, вотъ Ѳедька Сидоринъ толкаетъ меня въ бокъ: «Смотри» говоритъ: «въ двери никакъ частниха выглядываетъ. О, да какая быстроглазая!» А отъ чего бы не посмотрѣть въ-самомъ-дѣлѣ? ну, ужь, частниха, сказать правду, маковъ цвѣтъ! Собой такая румяная, а глаза, что̀ угольи, такъ и искрятся. Подстрекнулъ меня нелегкій, заглядѣлся на красотку. Чай она замѣтила, хлопнула дверью — и была такова.

«Вотъ, съ того времени, грѣха таить нѐчего, нашла на меня дурь несказанная: не сплю, не ѣмъ, свѣтъ постылъ... Только и думаешь, какъ-бы забраться къ частному. Бѣжишь, бывало: «ваше благородіе, сосѣднія свиньи покоя не даютъ, прикажите хозяину держать ихъ на привязи»; то молъ «Десятскіе, ваше благородіе, дерутся и требуютъ, чтобъ ихъ водкой поили даромъ, говорятъ, что они люди казенные... Что̀ прикажете съ ними дѣлать?» То молъ «Ваше благородіе, въ пожарномъ струментѣ колесо сломано, на какія суммы прикажете починить?» Мало ли чего передумалъ. Да еще такъ принаровишь, когда знаешь, что частный лежитъ замертво. Стучишь себѣ, стучишь. Марья Петровна и выйдетъ въ кацавеечкѣ. — Кого вамъ угодно?— «А что, его благородіе дома-съ?» — Нездоровъ-съ, голова болитъ, прилегъ ма-

ленько. — Гмъ, дѣло извѣстное... Ничего-съ. Ужотка зайду. Доложите, что Иванъ Петровъ Ѳадѣевъ приходилъ по своему дѣлу.

«Вотъ-съ, недолго спустя, Марья Петровна начала уже прогуливаться мимо моей лавки и заговаривать. — Что это, Иванъ Петровъ, какъ холодно ныньче. — «Видно, сударыня, морозило ночью.» Или: «Каково торгуется, Иванъ Петровъ?» — Ничего-съ, изрядно, не можемъ жаловаться.

«Наконецъ, и самый частный началъ ко мнѣ похаживать въ лавку. Прійдетъ, бывало, и отдувается: — Что это, братецъ, я озябъ что-то. Нѣтъ ли водки, хоть бы согрѣться немного. — «Какъ не быть, ваше благородіе, извольте кушать на здоровье. А водка точно знатная... Я ему рюмочку, другую, третью. Частный мой такъ нагрѣется, что еле до дома дойдетъ. Такъ по этакой-то-съ акказіи, я и сталъ ему задушевнымъ пріятелемъ. Только и слышу, бывало: — Иванъ Петровъ, зайди закусить. Иванъ Петровъ, вечеркомъ ко мнѣ милости просимъ; пройдемся по пуншту. — Съ утра до вечера все, бывало, зоветъ къ себѣ. А мнѣ то-то и надо. Частный за ворота... а я въ дверь... словомъ...» Тутъ разскащикъ улыбнулся и остановился опять.

«Словомъ... Ну, да что̀ тутъ много толковать! Прошелъ мѣсяцъ, другой. Сижу я въ своей лавкѣ и торгую по обычаю. Вижу я, идетъ частный и отдувается. Я вскричалъ Сенькѣ: «подай анисовой, частный идетъ.» Вошелъ частный.

— Здравствуй, Иванъ Петровъ.

«Здравія желаю, ваше благородіе.»

— Что это, братецъ, я озябъ что-то. Нѣтъ ли чѣмъ погрѣться?

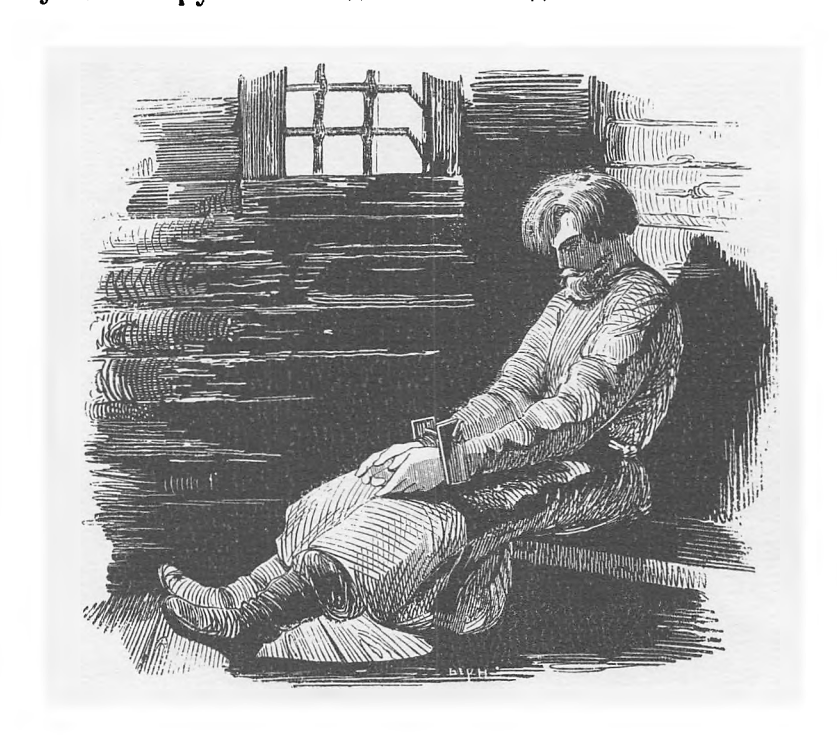
«Какъ не быть!» Вотъ я взялъ-было рюмку и подношу ему съ поклономъ: прошу молъ кушать на здоровье. А онъ какъ надуется вдругъ весь красный, и глаза сдѣлались у него словно оловянныя ложки. Господи Боже, что̀ это съ нимъ? Смотритъ мнѣ на руку и стоитъ какъ вкопанный. Я самъ взглянулъ на руку... Ахъ-ти, грѣхъ какой, кольцо-то я забылъ снять.

«А надо тебѣ, баринъ, сказать, что частниха подарила мнѣ колечко червоннаго золота съ голубымъ цвѣточкомъ, и просила носить на память, только не показывать мужу.

«Какъ только ушелъ онъ, я и смекнулъ, что дѣло-то плохо; да давай Богъ ноги, задами, черезъ заборы, прямо къ частнихѣ. «Бѣда, Марья Петровна, бѣда, возьмите вашъ перстень.»

«Не успѣлъ я вернуться, а меня ужь схватили трое десятскихъ за шиворотъ, да и тащатъ въ острогъ. «Помилуйте, я купеческій племянникъ, не смѣйте меня трогать.» Ни чуть не бывало, связали руки, да и посадили въ острогъ, въ темную, и наручники надѣли. Вотъ дескать.

«Небольно весело, баринъ, сидѣть въ острогѣ. Духота такая, что не вытерпишь. На рукахъ желѣзы. Хочешь руки поднять — нельзя. Хочешь лечь — нѣгдѣ. Хочешь ѣсть —

вода тебѣ, да хлѣбъ. Не приведи Богъ попасть въ острогъ!

«Вотъ, разнеслась молва по городу, что Иванъ Петровъ Ѳаддѣевъ укралъ у частнаго перстень червоннаго золота. Меня, дай Богъ здоровья, добрые люди любили. Пошли просить городничаго, чтобъ онъ самъ при себѣ сдѣлалъ слѣдствіе. Городничій нашъ, добрый такой, служилъ въ мушкэтерскомъ полку поручикомъ, самъ отправился къ частному и взялъ съ собой секретаря правленія и стряпчаго. А съ горя частный такъ назюзился, что лыка не вязалъ Послали за мною. Привели меня съ инвалидами, какъ преступника. Стыдно было передъ народомъ, а дѣлать нѐчего.

— На тебя показываетъ частный приставъ, говоритъ мнѣ городничій : — что ты укралъ у него въ домѣ женино кольцо, червоннаго золота съ голубыми камешками.

«Я не кралъ никогда ничего, ваше высокоблагородіе» говорю я, «была ли когда молва въ народѣ, что Иванъ Петровъ Ѳаддѣевъ — мошенникъ и воръ?»

А частный такъ и мычитъ. «Воръ, воръ! я вамъ говорю воръ. Еще вчера видѣлъ я у Марьи Петровны на правой рукѣ это кольцо. Да извольте сами спросить.» Частный позвалъ жену и привелъ ее къ городничему. «Вотъ» говоритъ: «хоть убейте... убей меня громъ, еще вчера на этомъ пальцѣ было... фу-ты пропасть!... Какъ же оно здѣсь опять очутилось?...»

«Какое кольцо?» спросила Марья Петровна. «У меня никакого кольца не крали. Вотъ сердоликовое, вотъ съ супирчикомъ, вотъ золотое червоннаго золота съ голубыми цвѣ-

точками. Стыдно тебѣ» говорила она мужу: «пить до того, что изъ ума выживаешь!»

«Частный разинулъ ротъ, одурѣлъ совсѣмъ, а городничій, стряпчій и секретарь перемигнулись и смекнули дѣло. Да какъ прыснутъ разомъ, начнутъ голубчики хохотать... Животы себѣ надорвали...

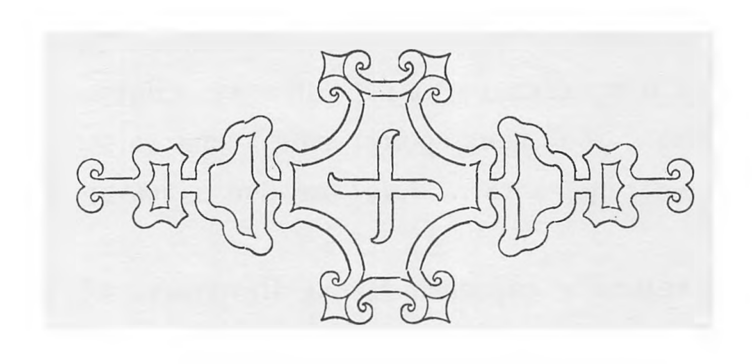
«Меня тутъ же и отпустили домой.

«Такъ все и кончилось. Городничій сказалъ только: — А тебѣ, братъ, урокъ. Не носить перстеньковъ, да не ухаживать за барынями, а взять себѣ въ домъ хорошую хозяйку, которая смотрѣла бы у тебя за всѣмъ.

«Слушаю-съ» отвѣчалъ я, да и давай Богъ ноги домой. А радость-то какая. Сенька, Сидоръ, всѣ сосѣди, всѣ православные пировали у меня до утра.

«На другой день частный и частниха выѣхали изъ города.

«А я въ первый мясоѣдъ взялъ себѣ жену у сосѣда Сидора, и вотъ третій годъ» прибавилъ Ѳаддѣевъ: «живемъ-себѣ... слава Богу... нѐчего сказать... ладно.»

ГЛАВА X.

НѢЧТО О СЛОВЕСНОСТИ.

утники ѣдутъ по большой дорогѣ. Дорога песчаная. Тарантасъ тянется шагомъ.

«Признаюсь», сказалъ зѣвая и потягиваясь Василій Ивановичъ: «скучненько немного, и виды по сторонамъ очень не замысловаты...»

«На лѣво гладко...

«На право гладко...

«Вездѣ одно и то же. Хоть бы придумать чѣмъ-нибудь позаняться.»

— Чтеніемъ, напримѣръ, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

«Пожалуй, хоть бы и чтеніемъ. Я очень люблю иногда, какъ дѣлать нѣчего, книжечки читать. Очень, иногда, забавныя исторіи пишутъ. Да кстати, коли смѣю спросить, вы, можетъ-быть, сами сочиняете?...»

— Нѣтъ-съ.

«И хорошо, братъ, дѣлаешь. Дворянину неприлично идти въ писаки. И потомъ» прибавилъ, вздохнувъ значительно, Василій Ивановичъ: «не всякому данъ talent...тъ.»

— Для нынѣшней словесности не нужно таланта, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

«Не всякому дано дарованье.»

— Не нужно дарованья!

Василій Ивановичъ взглянулъ на Ивана Васильевича.

Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Василія Ивановича.

— Да, продолжалъ Иванъ Васильевичъ: — теперь не нужно дарованья — нужна одна смышленость. Теперь словесность — ремесло, какъ ремесло сапожника или токаря. Писатели не что иное, какъ литературныхъ-дѣлъ-мастера, и скоро подѣлаютъ они себѣ вывѣски, какъ въ кандитерскихъ и булочныхъ.

«Ну, ужь позволь», прервалъ Василій Ивановичъ: «это ты ужь просто, кажется, аллегорію говоришь.»

— Нѣтъ, я говорю правду. Не-уже-ли вы не знаете, какіе жалкіе и мелкіе разсчеты скрываются подъ громкими названіями? Вы еще вѣрите, когда вамъ говорятъ, что словесность — выраженіе народнаго духа и бытія; вы вѣруете въ высокое ея призваніе научать людей, исправлять пороки и направлять душу къ чистымъ наслажденіямъ. Все вѣдь это вздоръ.. Словесность есть одинъ изъ тысячи способовъ добывать себѣ деньги, и всѣ прекрасныя чувства, всѣ глубокія мысли, которыми наполнены теперь книги, можно исчислить на ассигнаціи и серебро. Уничтожьте продажу книгъ — и словесность исчезнетъ. Въ наше продажное время, поэзія разлагается на акціи и восторгъ берется на откупъ. Скоро заведутъ сочинительскія фабрики и готовыя мысли, и чувства будутъ продаваться по таксѣ, смотря по достоинству, какъ продаются теперь у портныхъ фраки и панталоны.

«Въ прошедшемъ году», замѣтилъ Василій Ивановичъ: «я купилъ себѣ на Кузнецкомъ-Мосту фланелевый сюртукъ. Ка̀къ бы вы думали? никуда не годился. Французъ-мошенникъ обманулъ.»

— Такъ обманываютъ васъ тѣ, которыхъ вы читаете съ удовольствіемъ, какъ добрый и честный человѣкъ. Вы съ довѣрчивостію покупаете кафтанъ, а кафтанъ вашъ сшитъ изъ тряпокъ, и то на-живую-нитку. Теперешніе портные, или литераторы, славно себѣ набили руку для выкройки. У нихъ все въ дѣло идетъ: и политика, и религія, и нравственность, и юридическіе вопросы, и философскія задачи, а паче всего любовныя похожденія всѣхъ возможныхъ родовъ. Взгля-

ните на современную европейскую литературу; взгляните въ балаганные кулисы. Вамъ, право, станетъ тошно. Передъ вами все нарумянено, раскрашено, фальшиво; всюду мишура и фольга, всюду жадное стремленіе обобрать публику. — Но публика не поддается, а проходитъ-себѣ своимъ путемъ передъ словесностью, какъ передъ нищимъ, и лишь изрѣдка бросаетъ ей залежалую гривну. Въ-самомъ-дѣлѣ, Европа до того стара и опытна, что уже не можетъ болѣе играть добросовѣстно въ литературу. Въ Европѣ чистыя чувства задушены пороками и разсчетомъ. Въ ней нѣтъ болѣе тѣхъ дѣвственныхъ призывовъ, которые необходимы для изліянія дѣвственныхъ и неподдѣльныхъ впечатлѣній. Кое-гдѣ встрѣтятся еще, можетъ-быть, нѣсколько людей, одушевленныхъ благороднымъ огнемъ, но они не воскресятъ погибшаго; изъ лохмотьевъ не сдѣлать имъ порфиры. Вотъ почему въ странѣ, еще во многомъ дѣвственной, въ странѣ, еще не утратившей вполнѣ святыни своей первобытной народности, въ странѣ могучей и доблестной, какъ Россія, должны быть свои родники, чистые, свѣтлые, не смѣшанные съ грязью испорченныхъ образованностей.

«Такъ-съ», сказалъ Василій Ивановичъ, который слушалъ довольно небрежно и ничего не понималъ. «Вы любите нашу русскую литературу?»

— Сохрани меня Богъ! съ живостью прервалъ его товарищъ. — Я не говорилъ такой глупости. И къ тому же, о какой литературѣ вы говорите? ихъ двѣ у насъ.

«Какъ двѣ?»

— Да! одна даровитая, но усталая, которая показывается въ люди рѣдко, смиренно, иногда съ улыбкою на лицѣ, а всего чаще съ тяжкою грустію на сердцѣ. Другая наша литература напротивъ кричитъ на всѣхъ перекресткахъ, чтобъ только ее приняли за настоящую Русскую литературу, и не узнали про настоящую. Эта литература приводитъ мнѣ всегда на память крикливыхъ сидѣльцевъ Апраксина-Двора, которые чуть не хватаютъ прохожихъ за горло, чтобъ сбыть имъ свой гнилой товаръ. Признаюсь, я не видалъ ничего смѣшнѣе, удивительнѣе, уродливѣе и отвратительнѣе этой подложной литературы.

«Отъ-чего это?»

— Отъ-того, что въ-самомъ-дѣлѣ литературы тутъ нѣтъ, а одно только названіе. Отъ-того, что наши даровитые писатели всегда удалялись, и теперь удаляются отъ ея прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ ея странную дѣятельность; отъ-того, что она, теперь въ особенности, не что иное, какъ жалкій наростъ на народной почвѣ; отъ-того, что у нея нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Впрочемъ, если хотите, у насъ есть многое множество такихъ литературъ: нѣсколько петербургскихъ, нѣсколько московскихъ, нѣсколько губернскихъ, и въ каждой литературѣ есть нѣсколько партій, которыя въ муравьиныхъ кучкахъ двигаются и хлопочутъ и суетятся какъ Лиллипуты Гулливера. Ревностные члены разрозненнаго тѣла, они угощаютъ святую Русь стишками на манеръ Ламартина, драмами на фасонъ Шиллера, повѣстями — жалкими пародіями заграничныхъ и безъ того каррикатурныхъ

повѣстей, и наконецъ той чудовищной неблагопристойностію, которую называютъ, съ позволенія сказать, журнальной критикой... Но все это, слава Богу, не русское. Русскій никогда

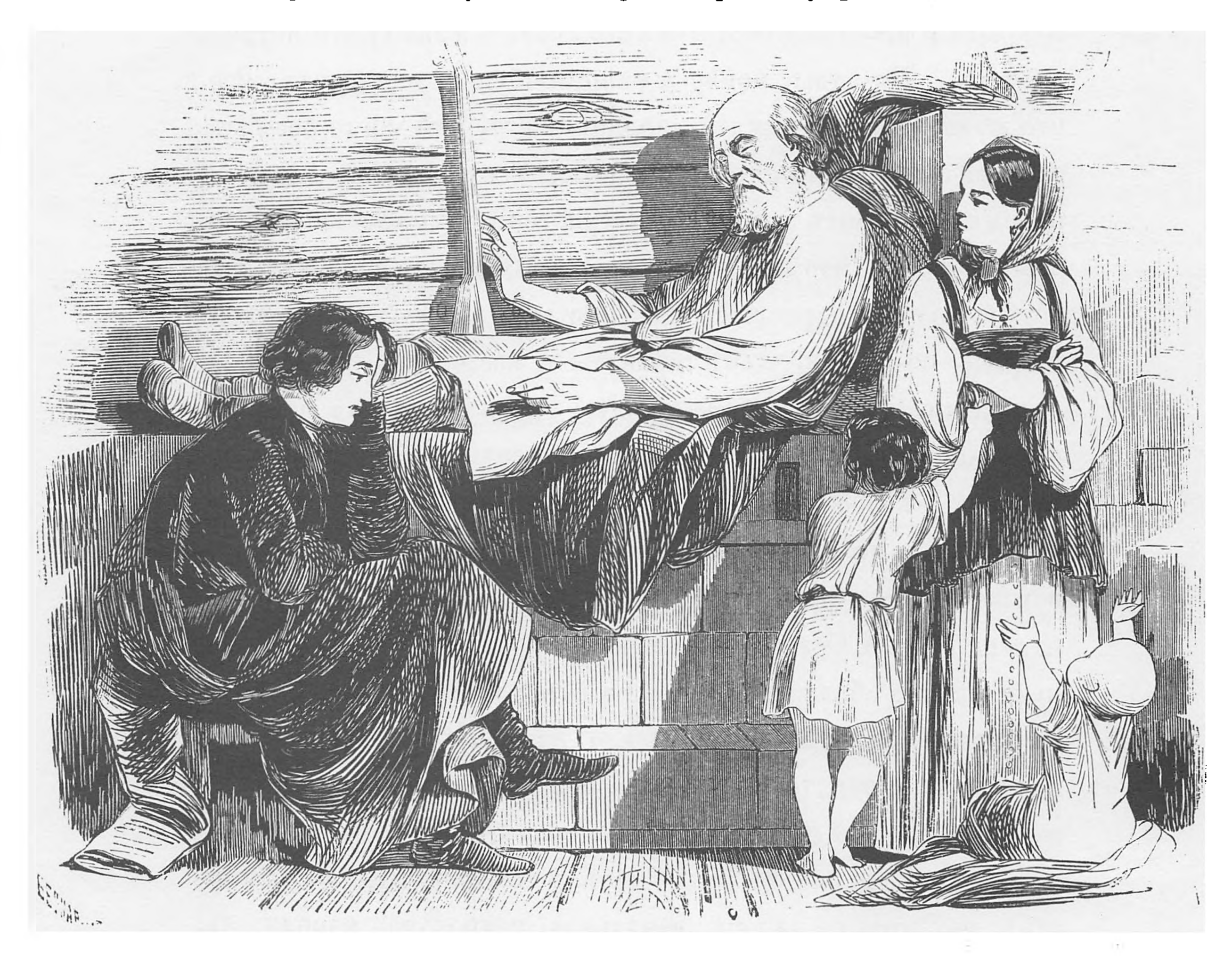

не узнаетъ своего роднаго генія въ жалкомъ фиглярѣ, который коверкается и пляшетъ передъ нимъ въ лохмотьяхъ и, повѣрьте, на толкучемъ рынкѣ собирателей чужаго ума, Русскій человѣкъ не отзовется ни на одинъ голосъ ему незнакомый и непо-

нятный. Ему не то надо. Ему давай родные звуки, родныя картины, чтобъ забилось его сердце, чтобъ засвѣтлѣло въ его душѣ. Ему говори его языкомъ о любимыхъ его повѣрьяхъ, о мудрыхъ и простыхъ обычаяхъ его края, о живыхъ его потребностяхъ... Но, увы, повѣрья наши и обычаи исчезаютъ. Все, что̀ живетъ еще въ памяти народной, все, что̀ могло бы быть основой словесности народной, теряется съ каждымъ днемъ съ перемѣной нашихъ нравовъ. Русскій геній издыхаетъ, задыхаясь отъ всего, что̀ на него накидали. Бѣдный ребенокъ, онъ хотѣлъ только подро̀сти да пріосаниться, чтобъ молвить слово твердое, по-сво̀ему, чтобъ гаркнуть на вселенную, по-нашему, по-нашенски, во всю богатырскую грудь; а мы на него навьючили французскій парикъ, да нѣмецкій кафтанъ, да опутали его въ ободранныя ткани театральнаго гардероба, и не видимъ мы, не хотимъ видѣть, что бѣдный мальчикъ чахнетъ и плачетъ неутѣшно. — Но что̀ дѣлать, спро̀сите вы. Отвѣчать не трудно. Освободить ребенка, бросить въ печку театральный хламъ и обратиться снова къ естественнымъ, къ роднымъ началамъ. Просвѣщеніе отдалило насъ отъ народа; черезъ просвѣщеніе обратимся снова къ нему. Кто знаетъ: быть-можетъ, въ простой избѣ таится зародышъ будущаго нашего величія, потому-что еще въ одной избѣ, и то гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, хранится наша первоначальная, нетронутая народность.

Люди совѣстливые! Не ищите родныхъ вдохновеній въ петербургскихъ залахъ, гдѣ танцуютъ и говорятъ по-французски. Повѣрьте, вы найдете ихъ скорѣе въ бѣдной хатѣ, заваленной снѣгомъ, на теплой лежанкѣ, гдѣ слѣпой старикъ

повѣдаетъ вамъ на распѣвъ чудныя преданія, полныя огня и душевной молодости. Спѣшите вслушиваться въ разсказы старика, потому-что завтра старикъ умретъ съ своими

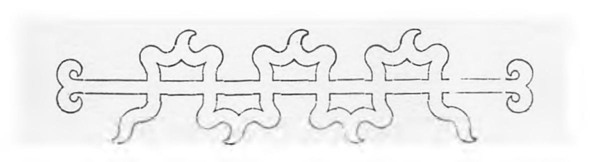

напѣвами на устахъ, и никто, никто не повторитъ ихъ болѣе за нимъ.

Многое уже погибло такимъ образомъ невозвратно. Многое пропадаетъ съ каждымъ днемъ. Старина наша исчезаетъ и

уноситъ народность съ собой. — А что̀ же получаемъ мы въ замѣнъ? — не свѣжую пищу, не румяные плоды, а душевную ветошь, тлѣющую падаль. Скажите же, не лучше ли намъ бросить въ окно литературную дрянь и приняться съ терпѣніемъ подбирать все наше первобытное, слово къ слову, гдѣ бы оно ни было, не брезгая, какъ модная графиня, простотою крестьянской, а дорожа, какъ Русскій, всѣмъ, что̀ остается въ насъ русскаго. Познаніемъ старины нашей дойдемъ мы до познанія нашего языка, нашего народнаго духа, нашего народнаго требованія. И тогда будетъ у насъ словесность своебытная, живая и сильная, выраженіе не переимчивой, вялой бездарности, а полезнаго, трудолюбиваго успѣха, предметъ народной гордости, народнаго наслажденія, народнаго усовершенствованія... Я немного разгорячился, продолжалъ Иванъ Васильевичъ. — Но не правъ ли я?... Признайтесь, вы, кажется, размышляете?...

Василій Ивановичъ не отвѣчалъ ни слова. Краснорѣчивая выходка Ивана Васильевича, какъ вообще все, что̀ касалось до русской литературы, произвела на него обычное свое дѣйствіе: онъ спалъ сномъ праведнаго.

ГЛАВА XI.

РУССКІЙ БАРИНЪ.

огода была пасмурная. Не то дождь, не то туманъ облекали мертвую окрестность влажною пеленой. Впереди вилась дорога темно-коричневой лентой. На одинокой верстѣ сидѣла галка. По обѣимъ сторонамъ тянулись изрытыя поля, да кое-гдѣ мелкій ельникъ. Казалось, что даже природѣ было скучно.

Василій Ивановичъ, завернувшись въ халатъ, ергакъ и шушунъ, лежалъ навзничь, стараясь силой воли одолѣть толчки тарантаса и заснуть наперекоръ мостовой. Подлѣ него на корточкахъ сидѣлъ Иванъ Васильевичъ, въ тулупчикѣ на заячьемъ мѣху, заимствованномъ по необходимости у товарища. Съ неудовольствіемъ поглядывалъ онъ то на сѣрое небо, то на сѣрую даль, и тихо насвистывалъ «Nel furor della tempesta» — арію, которую, какъ извѣстно, онъ въ особенности жаловалъ. Никогда время не идетъ такъ медленно, какъ въ дорогѣ, въ особенности на Руси, гдѣ, сказать правду, мало для взора развлеченья, но за то много безпокойства для боковъ. Напрасно Иванъ Васильевичъ старался отъискать малѣйшій предметъ для впечатлѣнія. Все кругомъ безлюдно и безжизненно. Прошелъ имъ на встрѣчу одинъ только мужикъ съ лаптями на спинѣ, да снялъ имъ шапку изъ учтивости, да двѣ клячи съ завязанными передними ногами привѣтствовали около плетня поѣздъ ихъ довольно странными прыжками. Иванъ Васильевичъ схватилъ-было уже свою книгу и хотѣлъ-было бросить ее съ негодованіемъ въ большую лужу, въ которой тарантасъ едва не остался, какъ вдругъ онъ разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и протянулъ руку. Вдали показался какой-то странный комъ, какъ черное пятно на коричневомъ грунтѣ. Иванъ Васильевичъ встрепенулся.

«Василій Ивановичъ, Василій Ивановичъ!»

— А?... Что, батюшка?...

«Вы спите?...»

— Да, чорта-съ-два, будешъ тутъ спать!

«Взгляните-ка на дорогу.»

— Чего я тамъ не видалъ?

«Никакъ кто-то ѣдетъ.»

— Купцы вѣрно на ярмарку.

«Нѣтъ; это, кажется, карета.»

— Что̀, что̀?... А, да и въ-самомъ-дѣлѣ... Ужь не губернаторъ ли?

Тутъ Василій Ивановичъ поправилъ немного безпорядокъ своего дорожнаго костюма, изъ лежачаго положенія съ трудомъ перешелъ въ сидячее, поправилъ козырекъ картуза, очутившійся на лѣвомъ ухѣ, и поднявъ ладонь надъ глазами, слегка приподнялся надъ пуховикомъ.

— А, да и въ-самомъ-дѣлѣ карета, да и стоитъ еще. Вѣрно изломалось что-нибудь. Рессора опустилась; шина лопнула. Въ этихъ рессорныхъ экипажахъ то-и-дѣло что починка. То ли дѣло, знаешь, хорошій тарантасъ. Не изломается, не опрокинется. Только дорога бы хорошая, такъ даже и не тряско. Между-тѣмъ, они подвигались къ предмету ихъ любопытства. Въ-самомъ-дѣлѣ, посреди дороги стояла карета, и даже карета щегольская, дорожный дормезъ. Ни сзади, ни спереди не было видно чемодановъ, перевязанныхъ веревками, ни коробовъ, ни кульковъ, употребляемыхъ православными путешественниками. Карета, исключая грязныхъ прысковъ, была устроена какъ для гулянья. Изъ окна выглядывалъ господинъ въ очкахъ и турецкой ермолкѣ, и ругалъ своихъ людей самыми скверными словами, какъ-

будто они были виноваты, что въ англійской каретѣ лопнула рессора.

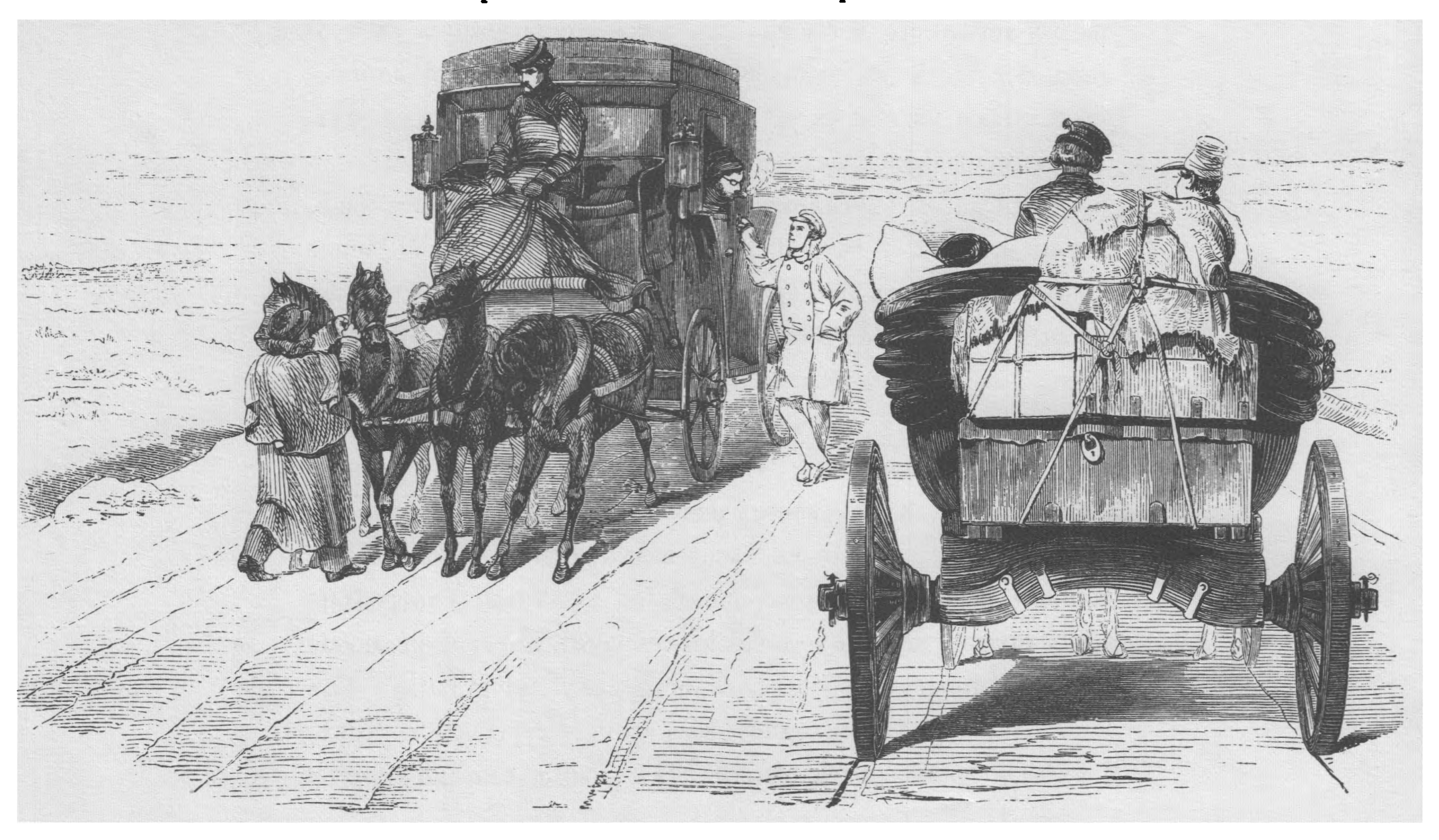
— Эй, вы! закричалъ онъ довольно неучтиво подъѣзжающему тарантасу. — Помогите, пожалуйста.

«Стой!» закричалъ Василій Ивановичъ.

Иванъ Васильевичъ ахнулъ.

«Князь... Какъ это вы здѣсь... въ Россіи?»

Князь съ недовѣрчивостью взглянулъ на нежданнаго знакомца, и спросилъ сквозь дымъ сигарки: — А вы какъ

меня знаете? Иванъ Васильевичъ поспѣшно сбросилъ тулупчикъ на заячьемъ мѣху, выскочилъ изъ тарантаса и подбѣжалъ къ дверцамъ кареты.

— Здравствуйте, князь. Вы меня не узнаете: я Иванъ Васильевичъ... Мы съ вами видѣлись прошлаго года въ Парижѣ.

«Ахъ, это вы? Que diable! какой чортъ думалъ васъ здѣсь встрѣтить.»

— Да вы-то сами какъ сюда заѣхали? Я думалъ, что вы всегда живете за границей.

«Грѣшный человѣкъ! Я душой Русскій, но не могу жить въ родинѣ. Понимаете, кто привыкъ къ цивилизаціи, къ жизни интеллектуальной, тотъ безъ нихъ жить не можетъ. Эй, вы, скоты», прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ слугамъ: «возьмите ихъ кучера, да дѣлайте скоро. Чего вы, канальи, смотрѣли? Я пять сотъ палокъ вамъ, канальи. Выдрать прикажу, чтобъ помнили. Русскій народъ! cara patria!» продолжалъ онъ презрительно, обращаясь къ Ивану Васильевичу: «другаго языка не понимаютъ. Безъ палки ни на шагъ. Мои люди остались за границей, а со мной болваны, знаете, которые еще батюшкѣ служили.»

— Куда же вы ѣдете? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Ахъ, не спрашивайте, пожалуйста. Такая тоска, что ужасть. Въ деревню ѣду. Нѣчего дѣлать. Бурмистръ оброка не высылаетъ; чортъ ихъ знаетъ, что̀ пишутъ. Неурожай у нихъ тамъ какой-то, деревня какая-то сгорѣла. А мнѣ что̀ за дѣло? Я человѣкъ европейскій, я не мѣшаюсь въ дѣла сво-

ихъ крестьянъ; пускай живутъ какъ хотятъ, только чтобъ деньги доставляли аккуратно. Я ихъ наскрозь знаю. Такіе мошенники, что ужасти. Они думаютъ, что я за границей, такъ они могутъ меня обманывать. Да я знаю, какъ надо поступавать. Сыновей бурмистра въ рекруты, неплательщиковъ въ рабочій домъ, возьму весь доходъ на годъ впередъ, да на зиму въ Римъ... Ну, а вы что̀ подѣлываете?...»

— Да я такъ-съ... Хотѣлъ-было путешествовать.

«Какъ! по Россіи?»

— Да-съ.

«Ахъ, это оригинальная идея. Ка̀къ бишь это говорится? Охота пуще, пуще чего-то...»

— Пуще неволи...

«Да, да, пуще невольно. Что̀ же вы хотите здѣсь видѣть?»

— То, чего не увидишь за границей.

«Право! желаю вамъ удовольствія и успѣха. По-моему — умирать за родину, только жить за границей.»

— Разумѣется! сказалъ Иванъ Васильевичъ. — За границей жить веселѣе.

«То-есть не вездѣ. Въ Германіи, напримѣръ, жить зимой несносно. Философы, ученые, музыканты, педанты на каждомъ шагу. Парижъ — такъ. Парижъ на всѣ вкусы. Лѣтомъ Баденъ. Зимой Парижъ. Иногда Италія. Вотъ жизнь, такъ жизнь! Вы помните маленькую герцогиню бенвильскую?»

— Какъ же.

«Она теперь съ нашимъ Русскимъ, съ Сережой.»

— Право? Каковы наши молодцы!

«А про нашихъ барынь и говорить нѣчего. Такъ весело живутъ, что страхъ. Помните вы?...»

Тутъ князь началъ что-то довольно тихо говорить на ухо Ивана Васильевича.

Иванъ Васильевичъ прерывалъ только съ удивленіемъ:

— Какъ, и она?...

Князь улыбался и продолжалъ-себѣ шопотомъ: «И она; да и какъ еще... да то-то и то-то, да съ тѣмъ-то, и съ тѣмъ-то... да вотъ еще... каковы наши дамы?... а?...»

— Ну! А вы что, князь? спросилъ наконецъ Иванъ Васильевичъ.

«Да я все тотъ же. Скучаю. Жениться поздно. Остепениться рано. Для службы старъ, для дѣла не гожусь. Люблю жить спокойно. Правду сказать, радости мало, ну, а коекакъ время убиваю... Скажите, пожалуйста, чтò это за странная фигура сидитъ съ вами въ вашей бричкѣ?»

— Въ тарантасѣ, сказалъ запинаясь Иванъ Васильевичъ.

«А! эта штука называется тарантасомъ? Та-ран-тасъ. Такъ ли?»

— Да.

«Тарантасъ. Буду помнить... Ну, а кто ѣдетъ съ вами?»

— Это Василій Ивановичъ. Помѣщикъ казанскій. Онъ неуклюжъ немного... и оригиналъ большой, но человѣкъ не глупый и разсудительный.

«Право, я этакой странной фигуры давно не видывалъ. Ну, починили, что ли?»

— Починили, ваше сіятельство!

«Ну, прощайте, любезный, надѣюсь съ вами еще видѣться въ Парижѣ... Не забудьте, Rue de Rivoli, bis 17. Недѣли черезъ двѣ я надѣюсь перебраться изъ Россіи... Откровенно говорить, я совершенно отвыкъ отъ здѣшнихъ нравовъ... Ну, пошелъ!» закричалъ онъ, высунувшись въ окно. «А ты, Степанъ, хорошенько ямщика въ спину, слышишь ли? въ спину его, каналью, чтобъ гналъ онъ клячь, пока не издохнутъ.»

Грозный кулакъ Степана поднялся надъ ямщикомъ и карета помчалась стрѣлой, закидавъ грязью и тарантасъ и нашихъ путнитовъ.

— Батюшка, спрашивалъ Василій Ивановичъ, пока Иванъ Васильевичъ снова карабкался на свое сѣдалище. — Скажи-ка, изъ милости, кто это такой?...»

«Знакомый мой парижскій.»

— Французъ?

«Нѣтъ, Русскій. Только въ Россіи жить онъ не можетъ — не по его нраву. Отвыкъ совсѣмъ.»

— Изволите видѣть! Куда же онъ ѣдетъ?

«Въ деревню, собирать недоимки.»

— А гдѣ его деревня?

«Въ Саратовѣ.»

— Помилуй, братецъ, да тамъ третій годъ ничего не родится.

«Ему какое дѣло! Онъ слышать о томъ не хочетъ.»

— Вотъ какъ-съ. Ну, а какъ оберетъ онъ крестьянъ своихъ, такъ тотчасъ и за границу?

«Тотчасъ.»

— На житье?...

«На житье...»

— Поросенокъ! промолвилъ вдругъ краснорѣчиво Василій Ивановичъ, и снова повалился на свой пуховикъ.

И снова потянулась мертвая окрестность; снова сырой туманъ облекъ путниковъ, и снова стали мелькать одинокія версты въ безбрежной пустынѣ.

Прошелъ часъ, другой. Путники, казалось, о чемъ-то думали. Вдругъ Василій Ивановичъ прервалъ молчаніе довольно страннымъ монологомъ.

— А въ-самомъ-дѣлѣ, чортъ знаетъ что̀ это за народъ, русскіе дворяне... Много, изволишь ты видѣть, денегъ завелось, такъ надо съ Нѣмцами протранжирить, чтобъ русскому человѣку невзначай чего-нибудь не досталось. Ужь точно будто въ Россіи и жить нельзя, что всѣ они вонъ такъ и лѣзутъ. Видно, курьозъ тамъ большой, то-есть такой курьозъ, какого мы и представить не можемъ. Скажи-ка, братецъ, что̀ за границей люди такъ же ходятъ на ногахъ, какъ и мы, дурни?

«Совершенно такъ.»

— Шутишь. Такъ-таки и ходятъ, и женятся и умираютъ тоже?

«И умираютъ.»

— Что̀ ты говоришь! По-крайней-мѣрѣ, тамъ нищихъ нѣтъ, притѣсненій нѣтъ, голода не бываетъ?

«Все есть.»

— Статочное ли дѣло! Ну, скажи мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, такъ что̀ же ты видѣлъ такого особенно замѣчательнаго за границей?

«Россію», отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ.

— Вотъ-те-на! Такъ, кажется, и не сто̀яло безпокоиться ѣздить такъ далеко?

«Напротивъ. Россію понять и оцѣнить можно только посмотрѣвъ на другія страны.»

— Объясни, батюшка.

«Объяснить не трудно. Вы знаете, что истина обнаруживается только посредствомъ сравненій; слѣдовательно, только посредствомъ сравненій можемъ мы оцѣнить преимущества и недостатки нашей родины. И, кромѣ того, чужой примѣръ можетъ указать намъ на то, чего мы должны остерегаться, и что̀ должны мы перенять.»

— Что̀ же бы перенять, по твоему?

«Къ-сожалѣнію, многое. Во-первыхъ, чувство гражданственности, гражданской обязанности, котораго у насъ нѣтъ. Мы привыкли сваливать все на правительство, забывая, что ему нужны орудія. Мы служимъ не по убѣжденію, не по

долгу, а для выгодъ тщеславія, и хоть мы любимъ свою родину, но любимъ ее какъ-то молодо, неразсудительно-горячо. Общее благо у насъ пустое имя, котораго мы даже не понимаемъ. Съ чувствомъ гражданственности получимъ мы стремленіе къ вещественному и умственному усовершенствованію, поймемъ всю святость прочнаго воспитанія, всю высокую пользу наукъ и художествъ, все, что̀ улучшаетъ и облагороживаетъ человѣка. Германія передастъ намъ свою семейственность, Франція свою пытливость въ наукахъ, Англія свои торговыя познанія и чувство государственныхъ обязанностей, Италія даже перенесетъ на морозную нашу почву свои божественныя искусства.»

— Вотъ какъ! сказалъ Василій Ивановичъ. — А чего же намъ остерегаться?

«Того, что̀ губитъ Европу... Духа самонадѣянности, кичливости и гордости. Духа сомнѣнія и невѣрія, съ которыми движеніе впередъ дѣлается невозможнымъ. Духа раздора и безпокойства, который все уничтожаетъ. Остережемся надменности германской, англійскаго эгоизма, французскаго разврата и итальянской лѣни, и передъ нами откроется такой путь, какой никакому народу не открывался. Взгляните на неизмѣримое пространство нашей земли, на единство ея образованія, на гигантское ея построеніе, и на душѣ вашей станетъ страшно... И потомъ взгляните на народъ, населяющій эту землю, народъ правдивый, веселый, умный, духа непоколебимаго и силы исполинской, и вамъ станетъ легко

на душѣ, и вы порадуетесь судьбѣ великой земли. Но лучшій залогъ, лучшій признакъ настоящаго и будущаго величія Россіи, это могучее ея смиреніе. У насъ нѣтъ, какъ за границей, ни пустыхъ возгласовъ, ни вздорнаго шума изъ пустяковъ, потому-что мы другъ передъ другомъ не должны надуваться, чтобъ придать себѣ важности. Въ насъ спокойствіе и сознаніе силы, отъ-того мы не только иногда кажемся равнодушными къ родинѣ, но какъ-будто совѣстимся передъ Европой и хотимъ извиниться въ своихъ преимуществахъ. Только не трогайте святой Руси. Не то всѣ встанемъ безъ крика, и незваныхъ гостей однѣми шапками закидаемъ.»

— Да, да, да, сказалъ Василій Ивановичъ: — такъ по твоему замѣчательно за границей...

«Прошедшее.»

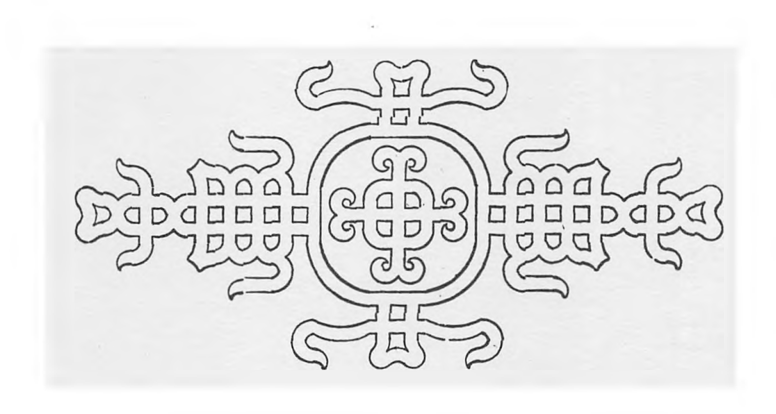
— А въ Россіи?

«Будущее.»

— Да, да... Ну... Хорошо. Только правду тебѣ сказать... не понимаю я, ка̀къ вашу братью пускаютъ шататься по свѣту... Набираетесь такихъ мыслей и говорите такіе экивоки, что съ разу даже и не поймешь.

«Э, Василій Ивановичъ, путешествія вреда никому не приносятъ. Умный видитъ и становится умнѣе, и тѣмъ уже приноситъ пользу. А дураковъ и въ Россіи не нужно... много и безъ путешествующихъ останется.»

Разговаривая такимъ образомъ, они, хоть медленно, но все-таки подвигались. Ночь прошла кое-какъ въ сопровожденіи толчковъ и прерываемаго засыпанія, и на другой день рано развилась передъ ними чудесная панорама въѣзда въ Нижній-Новгородъ.

ГЛАВА XII.

ПЕЧОРСКІЙ-МОНАСТЫРЬ.

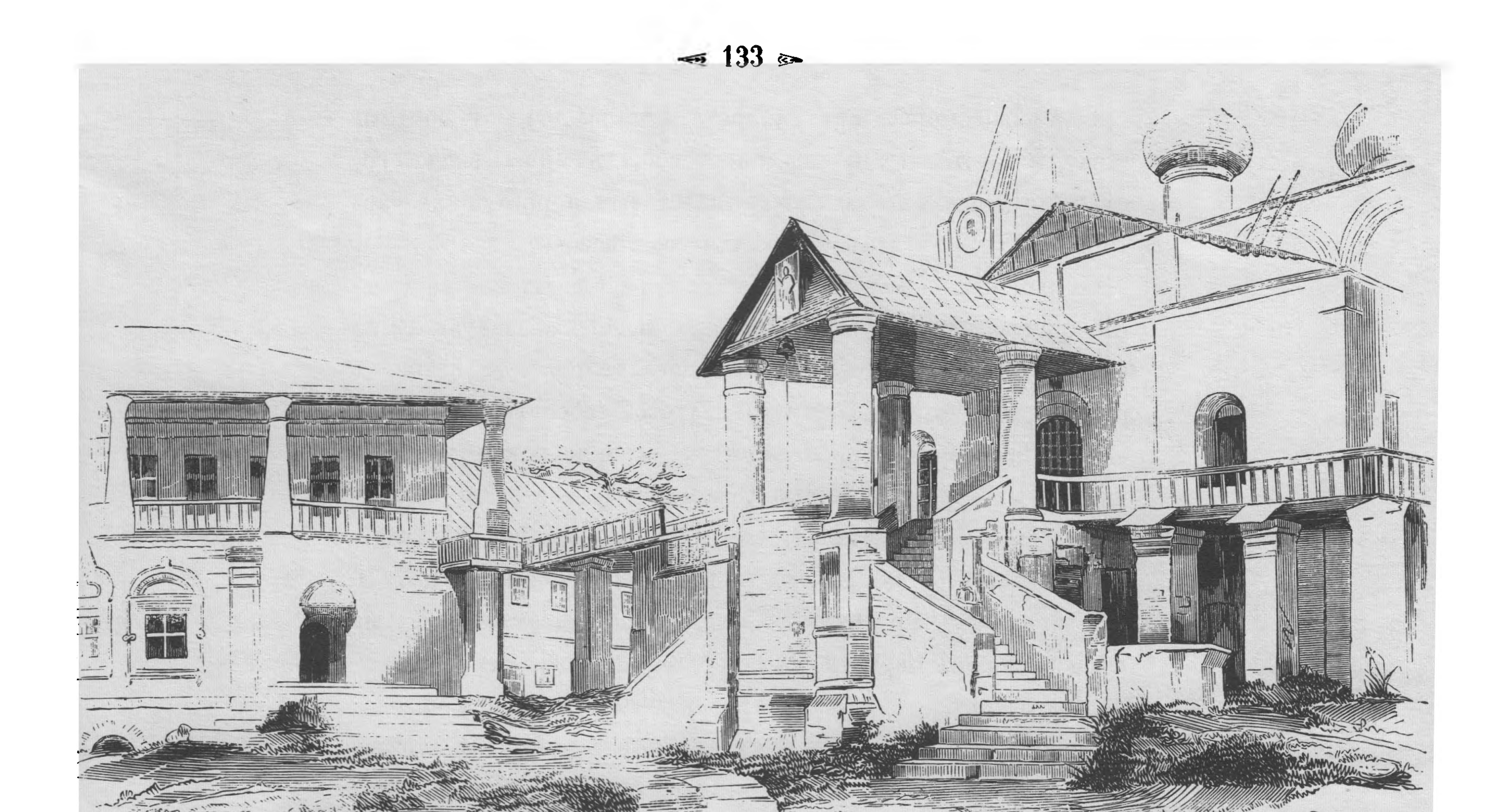
сли когда-нибудь прійдется вамъ быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите поклониться Печорскому-Монастырю. Вы его отъ души полюбите.

Уже подходя къ нему, вы почувствуете, что въ душѣ вашей становится свѣтло и безмятежно.

Сперва все бытіе ваше какъ-будто расширится, и существованіе ваше станетъ вамъ яснѣе, отъ одного взгляда на роскошную картину приволжскаго берега. — Налѣво, у ногъ вашихъ, подъ ужасною крутизною, вы увидите широкую рѣку-матушку, любимую народомъ, прославленную русскими повѣрьями и пѣснями; — гордо играетъ она и блещетъ серебряной чешуей, и плавно и величественно тянется въ сизую даль. Направо, на скатѣ горы, громоздятся дружною кучей между кустовъ и деревьевъ живописныя хаты, а надъ ними на обрывѣ, вдавшемся въ рѣку, вы видите бѣлую ленту монастырской ограды, изъ-среди которой возвышаются куполы церквей и келліи иноковъ.

Обогните гору; спуститесь по широкой дорогѣ къ монастырскимъ воротамъ и отряхните всѣ ваши мелочныя страсти, всѣ ваши мірскія помышленія. Вы въ монастырской оградѣ.

Вокругъ васъ печально тянутся длинныя строенія. Посреди двора двѣ старинныя церкви соединяются крытыми наружными переходами. Здѣсь, въ этихъ церквахъ, безмолвныхъ свидѣтеляхъ нашей забытой старины, подъ тяжелыми ихъ сводами и рѣзными иконостасами, много было вылито и слезъ и молитвъ отъ набѣговъ Татаръ, отъ вторженій Поляковъ, о славѣ и многолѣтіи князей нижегородскихъ.

Ступени церквей уже заросли травой. Кругомъ, между густымъ кустарникомъ, бѣлѣютъ памятники и уныло наклоняются на землю надгробные кресты. Здѣсь все дико и мрачно. Здѣсь порогъ суеты человѣческой. Здѣсь все тихо, все молчитъ, все мертво и лишь изрѣдка монахъ въ черной рясѣ мелькаетъ тѣнью между могилъ.

Скромный домикъ архимандрита примыкаетъ къ обители всей братьи. Домикъ простъ и нероскошенъ, но изъ оконъ его, съ ветхаго его балкона открывается самая роскошная картина, пестрѣютъ вдали всѣ богатства Россіи.

Съ одной стороны, на гористомъ берегѣ возвышается древній кремль и чешуйчатыя колокольни высоко обозначаются на голубомъ небѣ, и весь городъ наклоняется и тянется къ приволжскому скату. Съ другой, луговой стороны, взоръ объемлетъ необозримое пространство, усѣянное селами и орошенное могучими теченіями Оки и Волги, которыя смѣшиваютъ свои разноцвѣтныя воды у самаго подножія города, и, смѣшиваясь, образуютъ мысъ, на которомъ кипитъ и бушуетъ всему міру извѣстная ярмарка; на этомъ мѣстѣ Азія сталкивается съ Европой; Востокъ съ Западомъ; тутъ рѣшается благоденствіе народовъ; тутъ ключъ нашихъ русскихъ сокровищъ. Тутъ пестрѣютъ всѣ племена, раздаются всѣ нарѣчія и тысячи лавокъ завалены товарами и сотни тысячь покупателей тѣснятся въ рядахъ, балаганахъ и временныхъ гостинницахъ. Тутъ все населеніе толпится около одного кумира, — кумира торговли. Повсюду разбитыя палатки, привязанныя обозныя телеги, дымящіеся самовары, персидскіе, армянскіе, турецкіе кафтаны, перемѣшанные съ европейскими нарядами, повсюду ящики, бочки, кули, повсюду товаръ какой бы онъ ни былъ: и брильянты, и сало, и книги, и деготь, и все, чѣмъ только ни торгуетъ человѣкъ. Но этого мало: вода не уступаетъ землѣ. Ока и Волга тянутся одна съ другой, какъ два огромныя войска, сверкая другъ пе-

редъ другомъ безчисленнымъ множествомъ флаговъ и мачтъ. Тутъ суда всѣхъ именованій, со всѣхъ концовъ Россіи, съ издѣліями далекаго Китая, съ собственнымъ обильнымъ хлѣбомъ, съ полнымъ грузомъ, ожидающія только размѣна, чтобъ снова идти или въ Каспійское-Море, или въ ненасытный Петербургъ.

Какая картина, и какая противоположность! Внизу — жизнь во всемъ разгулѣ страстей, на верху спокойствіе келліи; тамъ перемѣнчивость, опасенія, страхъ, буйство и страсти; здѣсь безмятежная совѣсть и слово прощенія на устахъ. И каждое утро и каждый вечеръ надъ шумнымъ торжищемъ вселенной мирный пастырь тихо творитъ молитву, и невольно думаетъ и задумывается о ничтожествѣ земной суеты.

А ночью, когда небо усѣяно звѣздами, когда въ Волгѣ отражается мѣсяцъ и кое-гдѣ мелькаетъ на берегу забытый огонекъ, а вдали звонко раздается заунывная пѣсня бурлака, какъ хорошо на этомъ мѣстѣ, какая душевная прохлада навѣвается тогда свыше, какое тихое, свѣтлое счастіе наполняетъ тогда цѣлое бытіе. Повѣрьте мнѣ: если вамъ прійдется быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите поклониться Печорскому-Монастырю.

Къ тому же, войдя въ него, вы какъ-то невольно переноситесь въ другое время, къ другимъ обычаямъ, къ другой жизни. Передъ вами воскресаетъ какой-то странный остовъ погибшей старины. Вамъ показываютъ древнюю ризницу, древнюю утварь, древніе синодики. Вы стоите посреди полуобрушившихся строеній; вы живете прошедшей жизнію, и рѣдкіе

остатки нашего народнаго искусства какъ-бы печально упрекаютъ насъ въ нашемъ непростительномъ нерадѣніи.

И да не покажутся странными эти слова. Искусства существовали у нашихъ предковъ, и если не въ наружномъ развитіи, то по-крайней-мѣрѣ въ художественной понятливости и въ художественномъ направленіи. Наши пѣсни, образа, изукрашенныя рукописи служатъ тому доказательствомъ. Но зодчество оставило значительнѣйшіе слѣды, и въ такомъ обиліи, въ такомъ совершенствѣ, что теперешнія наши зданія, утративъ оригинальность, характеръ и красоту, чуждыя русскому духу и требованію, кажутся совершенно ничтожными и неумѣстными. Но тутъ раждается вопросъ: возможно ли народное зодчество и ка̀къ отъискать его начала, ка̀къ создать его правила? Оно возможно только посредствомъ изученія и разложенія оставшихся памятниковъ. И какъ бы это ни показалось страннымъ, но ужь съ перваго взгляда находимъ мы два важныя указанія въ двухъ зданіяхъ, менѣе прочихъ утратившихъ свой первобытный образъ: въ церквахъ и избахъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, изба и церковь не могутъ ли сдѣлаться основаніемъ русскаго искусства, такъ какъ народность и вѣра служатъ основаніемъ русскаго величія?

Изучая зданія сіи не въ цѣломъ, а въ подробностяхъ, мы находимъ почти цѣлую исторію нашей родины: наличники, карнизы, перила, крыши, окна, все отдѣльно принадлежитъ къ извѣстной эпохѣ, къ особому случаю. И тутъ, какъ во всемъ, Европа сталкивается у насъ съ Азіей, и восточные

арабески нерѣдко сплетаются съ итальянскими украшеніями. Замѣчательно тоже, что наружность нашихъ храмовъ приняла форму азіатскихъ минаретовъ, вѣроятно по вторженіи Татаръ; но внутренность ихъ осталась чисто-византійская. Не служитъ ли это символомъ того, что если враги и поработили нашъ край, то сила ихъ была только наружная, а что, въ глубинѣ сердца своего, святая Русь никогда не измѣняла своему закону и никогда не измѣнитъ своему призванію? Вообще, можно сказать, что въ нашей народной архитектурѣ господствуютъ три начала: начало византійское, или греческое, перенесенное вмѣстѣ съ вѣрою, во времена Владиміра; начало татарское или испорченное арабское, водворенное съ Татарами, и, наконецъ, начало временъ возрожденія, заимствованное у Запада въ царствованіе Іоанна-Грознаго? Изученіе этихъ началъ и взаимной ихъ соотвѣтственности могло бы служить основой для нашихъ зодчихъ. Имъ предстояла бы, кажется, великая и прекрасная задача, посредствомъ мелкихъ украшеній, отдѣльныхъ частей, уцѣлѣвшихъ подробностей, словомъ, посредствомъ всѣхъ указаній, разбросанныхъ по Россіи, возсоздать исчезающее искусство, отнюдь неуничтожая освященную вѣками связь трехъ различныхъ началъ, но изучивъ только каждое начало въ настоящемъ его источникѣ. И отъ-чего бы, кажется, не придать снова нашимъ строеніямъ тотъ чудный оригинальный видъ, который такъ изумлялъ путешественниковъ; зачѣмъ уничтожать тѣ странныя фантастическія формы, тѣ чешуйчатыя крыши, тѣ фаянсовые наличники и подоконники, тѣ из-

разцовые карнизы, замѣняющіе на сѣверѣ камень и мраморъ, которые такъ живописны для взора и придаютъ каждому зданію такой нежданный и своебытный видъ. Пусть зодчество водворитъ на Руси народное искусство, а за нимъ послѣдуютъ и живопись, и ваяніе, и музыка. Первыя увѣковѣчатъ нашу жизнь и нашу славу, а послѣдняя будетъ шевелить и возвышать душу близкими сердцу звуками, и новыми узами прикуетъ насъ къ нашей родинѣ.

Но обратимся снова къ Печорскому-Монастырю. Его исторія проста. Прежде онъ былъ богатъ. Теперь онъ бѣденъ. Прежде къ нему было приписано 8000 душъ и онъ имѣлъ много вкладчиковъ, которые всѣ записаны въ синодикахъ, съ тѣмъ, чтобъ въ память ихъ творимы были молитвы. Теперь вотчины отошли въ другое владѣніе. Щедрые вкладчики исчезли. Однѣ лишь молитвы остались неизмѣнными, какъ прежде.

Самый древній монастырскій синодикъ ведется съ царствованія Іоанна-Грознаго и заключаетъ въ себѣ именные списки многихъ владѣтельныхъ и боярскихъ домовъ, перемѣшанныхъ съ скромными подаяніями о упокоѣ душъ подъячихъ Приказной-Избы, судовыхъ ярыжекъ, посадскихъ, дьяковъ и простыхъ крестьянъ. Странно видѣть эту огромную книгу смерти, гдѣ вся мертвая старина вытягивается передъ нами безконечной паннихидой. Тутъ поименованы князья кіевскіе, владимірскіе, московскіе, нижегородскіе; тутъ исчислены епископы и архимандриты, изъ которыхъ

однихъ монастырскихъ 35. Тутъ встрѣчаются имена русскаго боярства: роды Годуновыхъ, Рѣпниныхъ, Бѣльскихъ, Воротынскихъ, и многихъ другихъ; родъ Столыпина-Ромодановскаго; родъ гостя Василія Шустова, родъ мурзъ мордовскихъ, какой-то князь Симеонъ-убіенный, родъ боярина и дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова и многіе, многіе другіе, которые исчезли навсегда, оставивъ лишь одно имя на пожелтѣвшихъ листкахъ синодика. И въ этихъ нѣмыхъ названіяхъ скрываются, можетъ-быть, тайны, затерянныя на вѣкъ, высокія мысли, прекрасныя дѣла, твердыя чувства, и много счастья, и много горя, и много надеждъ, и много обмановъ, цѣлыя важныя событія, быть-можетъ цѣлая исчезнувшая лѣтопись, цѣлый міръ, погибшій навсегда.

Въ кормовомъ синодикѣ хранятся описи вкладовъ и между ними поражаютъ васъ слѣдующія слова:

«Царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ написать въ синодикѣ «князей иболяръ и прочихъ опальныхъ людей по своей го«сударственной грамотѣ. А далъ по нихъ на поминокъ ихъ «800 рублей, а паннихиду архимандриту служить соборомъ. «Въ 1620 году, по убіенномъ архимандритѣ Іовѣ дано вкла«дами деньгами 70 рублей и рухляди на 123 рубля 13 ал«тынъ 4 деньги. Въ 1625 году, царь и великій князь Ми«хаилъ Ѳедоровичъ прислалъ въ монастырскую казну къ ар«химандриту Макарію 30 рублей на поминовеніе царицы «Маріи Володімеровны. И въ память такихъ дней», гласитъ

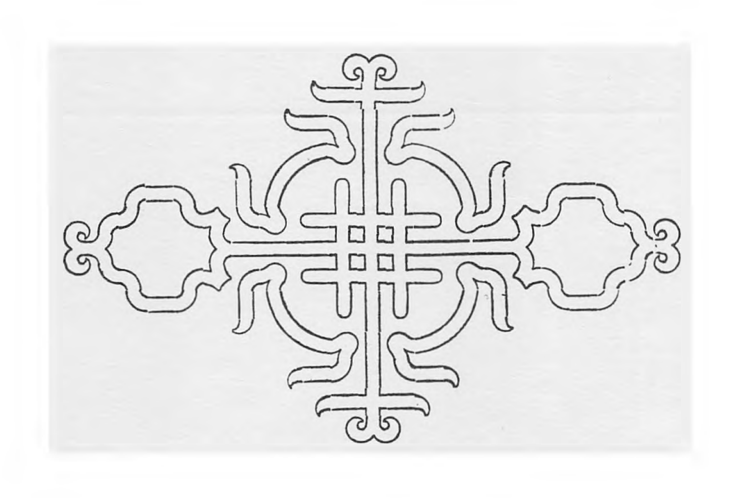
синодикъ «ставить на братію кормы большіе, съ калачами, «съ рыбою и съ медомъ.»

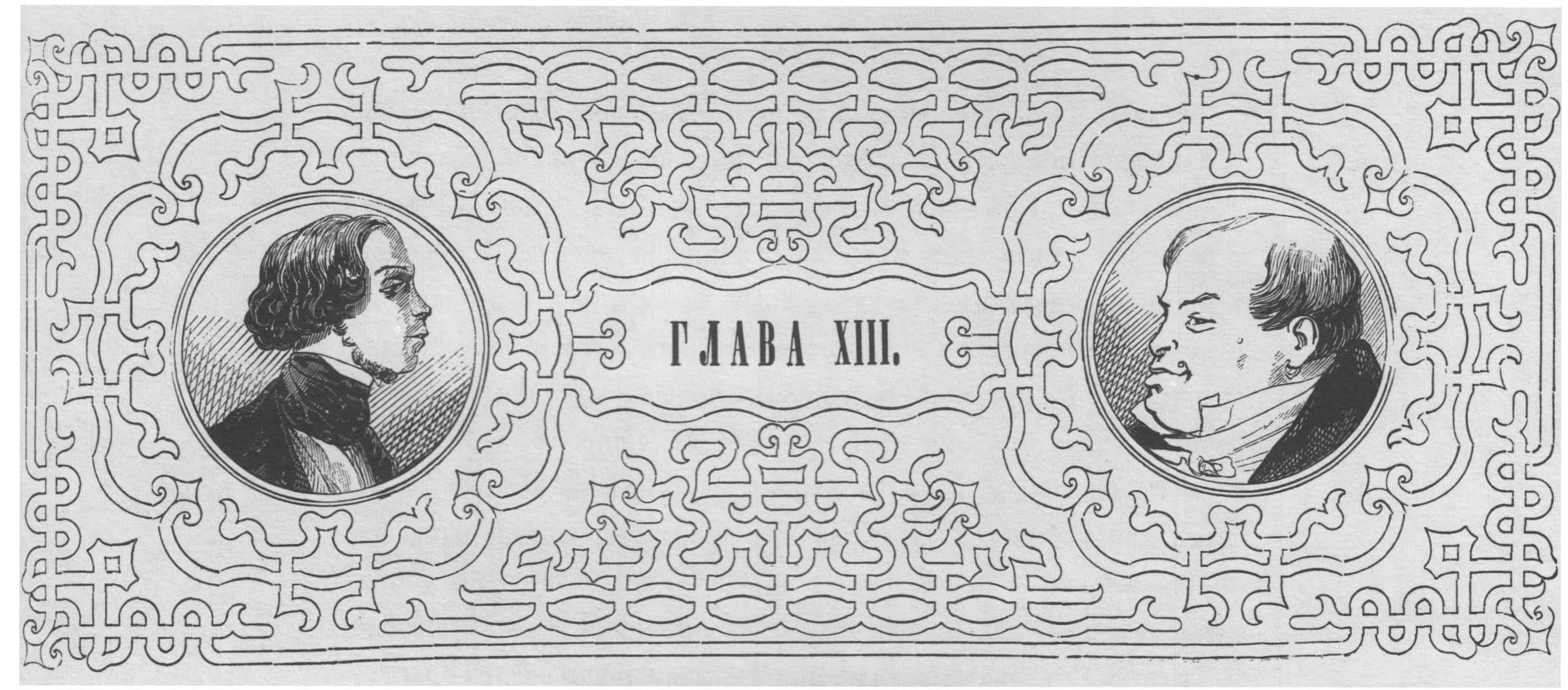
Такъ стоитъ Печорскій-Монастырь съ XIV-го столѣтія, съ царствованія великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, не вмѣшиваясь въ дѣла мірскія, но лишь тщательно записывая въ свои лѣтописи тлѣнія имена грѣшныхъ, за которыхъ онъ молится. Въ исторіи извѣстно только, что, во время нашествія Татаръ, обитель была опустошена, а въ 1596 году она вдругъ спустилась по скату горы на 50 сажень. Такое необычайное событіе было признано цѣлою Россіей за горестное предзнаменованіе. Но царская щедрость царя Михаила Федоровича прочно возстановила монастырь на новомъ основаніи. До-сихъ-поръ видна еще часовня, уцѣлѣвшая на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла цѣлая обитель. Еще извѣстно, что когда Россія изнывала подъ игомъ Поляковъ, печорскій архимандритъ Ѳеодосій былъ посланъ съ чиновными и избранными людьми въ пурецкую волость къ князю Пожарскому, склонилъ его принять начальство надъ войскомъ и тѣмъ спасъ Россію отъ тяготѣющаго надъ нею ярма.

Съ того времени, Печорскій-Монастырь забытъ въ русской исторіи. Съ того времени, мірскія волненія не переступали болѣе за его благочестивую ограду; и тихо и грустно стоитъ онъ надъ Нижнимъ, прислушиваясь печально къ неумолчмому шуму кипящаго базара. Онъ все видѣлъ на своемъ вѣку: и междоусобія, и татарскіе набѣги, и польскія сабли, и боярскую спѣсь, и царское величіе. Онъ видѣлъ древнюю Русь; онъ видитъ Русь настоящую, и по-прежнему тихо сзы-

ваетъ онъ православныхъ къ молитвѣ, по–прежнему мѣрно и заунывно звонитъ въ свои колокола.

Повѣрьте мнѣ: если вы будете въ Нижнемъ–Новгородѣ, сходите помолиться въ Печорскій-Монастырь.

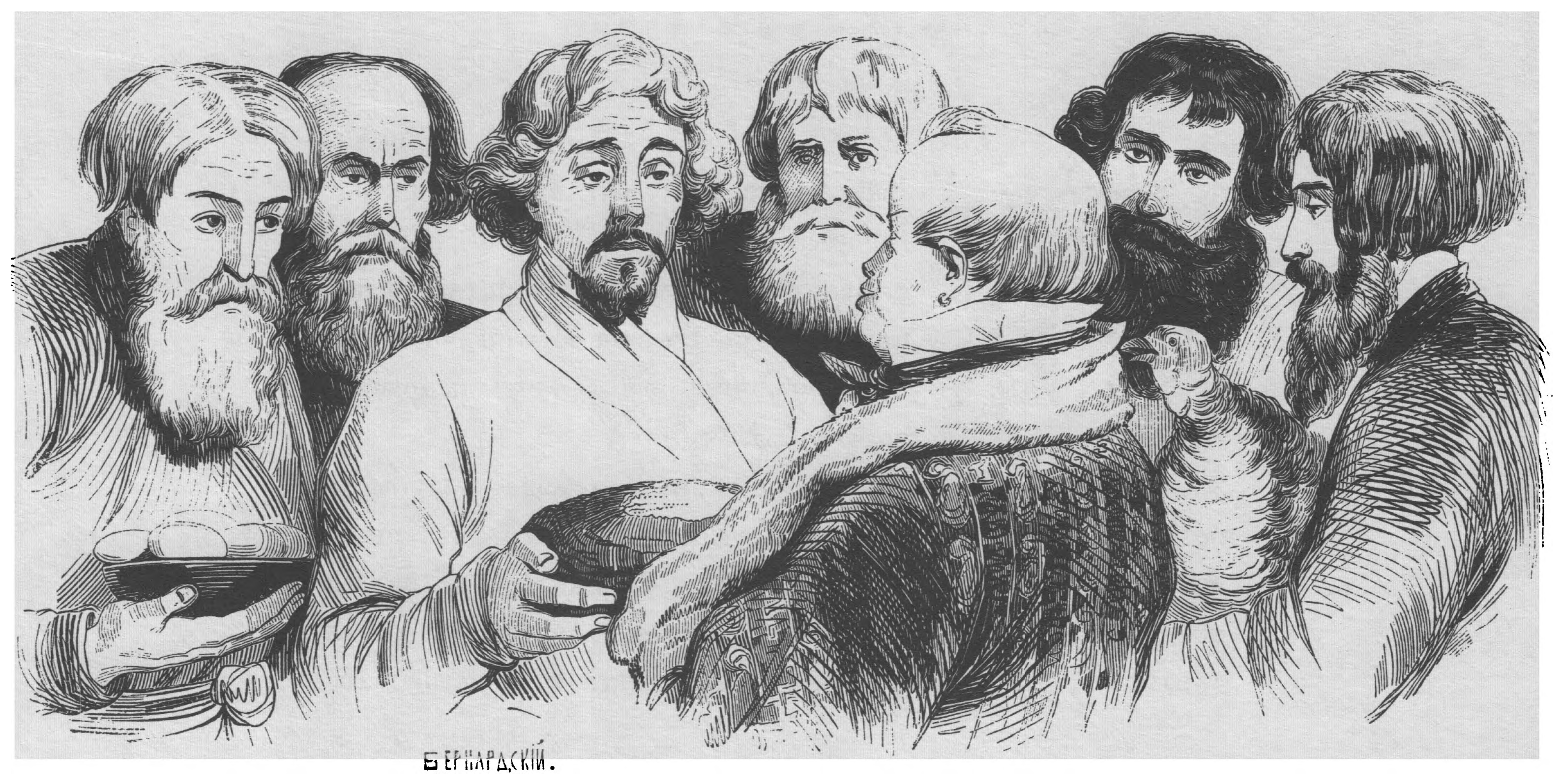
ПОМѢЩИКЪ.

Тарантасъ медленно катился по казанской дорогѣ.

Иванъ Васильевичъ презрительно поглядывалъ на Василія Ивановича и мысленно бранилъ его самымъ неприличнымъ образомъ.

— О, дубина, дубина, говорилъ онъ про себя: — самоваръ безтолковый, подъяческая природа, ты самъ не что иное, какъ тарантасъ, уродливое созданіе, начиненное дрянными предразсудками, какъ тарантасъ начиненъ перинами. Какъ тарантасъ, ты не видалъ ничего лучше степи, ничего далѣе

Москвы. Лучъ просвѣщенія не пробьетъ твоей толстой шкуры. Для тебя искусство сосредоточивается въ вѣтреной мельницѣ, наука въ молотильной машинѣ, а поэзія въ ботвиньѣ, да въ кулебякѣ. Дѣла тебѣ нѣтъ до стремленія вѣка, до современныхъ европейскихъ задачъ. Были бы лишь у тебя щи, да баня, да погребецъ, да тарантасъ, да плѣсень твоя деревенская. Дубина ты, Василій Ивановичъ! И бѣдныя мои путевыя впечатлѣнія погибаютъ отъ тебя; я просилъ тебя остаться въ Нижнемъ, дать мнѣ время все обѣгать, все осмотрѣть, все описать. Куда! ярмарка, говорилъ ты, еще не началась. Монастырей и церквей и въ Москвѣ много, тамъ бы успѣлъ насмотрѣться. А теперь, батюшка, не прогнѣвайся, нѣкогда. Авдотья Петровна дожидается. Мужички давно встрѣчу загото-

вляютъ. Жнитво на дворѣ. Староста Сидоръ хоть и толковый мужикъ, на него положиться бы и можно, да вдругъ запьетъ, мошенникъ; русскій человѣкъ не можетъ быть безъ присмотра. Авдотья Петровна хозяйство, правда, понимаетъ, ну, да иной разъ, извѣстно, надо и прикрикнуть и по зубамъ съѣздить, а для женщины все-таки это дѣло деликатное. Словомъ, садись, Иванъ Васильевичъ. Ступай не останавливаясь. Тарантасъ-то чужой. Да и везутъ-то тебя въ долгъ.

При такомъ грустномъ воспоминаніи, Иванъ Васильевичъ почелъ нужнымъ вступить съ Васильемъ Ивановичемъ въ дипломатическій разговоръ.

«Василій Ивановичъ!»

— Что, батюшка?

«Знаете ли, о чемъ я думаю?»

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

«Я думаю, что вы славный хозяинъ.»

— И, батюшка, какой хозяинъ. Два года хлѣба не молотилъ.

«Въ-самомъ-дѣлѣ, я думаю, Василій Ивановичъ, не легко сдѣлаться хорошимъ хозяиномъ?»

— Да, поживи-ка лѣтъ тридцать въ деревнѣ, авось сдѣлаешься. Коли есть способность, а не то, не прогнѣвайся.

«Спасибо за совѣтъ.»

— Изволишь видѣть, сударь ты мой, я тебѣ скажу правду такую, какую никакой Нѣмецъ не пойметъ. Дай русскому

мужику выборъ между хорошимъ управляющимъ и дурнымъ помѣщикомъ, знаешь ли, кого онъ выберетъ?

«Разумѣется, хорошаго управляющаго.»

— То-то, что нѣтъ. Онъ выберетъ дурнаго помѣщика. «Блажной маленько» скажетъ онъ: «да свой, батюшка; онъ отецъ нашъ, а мы дѣти его.» — Понимай ихъ, какъ знаешь.

«Да,» сказалъ Иванъ Васильевичъ: «между крестьянами и дворянствомъ существуетъ у насъ какая-то высокая, тайная, святая связь, что̀-то родственное, необъяснимое и непонятное всякому другому народу. Этотъ, странный для нашихъ временъ, отголосокъ патріархальной жизни непохожъ на жалкое отношеніе слабаго къ сильному, удрученнаго къ притѣснителю; напротивъ того, это отношеніе, которое выражается свободно, отъ души, съ чувствомъ покорности, а не боязни, съ невольнымъ сознаніемъ обязанности уже давно освященной, съ полною увѣренностью на защиту и покровительство.»

— Да, да, да, прервалъ Василій Ивановичъ. — Ты понимаешь, что въ хозяйствѣ ты съ наемщикомъ ничего путнаго не сдѣлаешь. Русскій мужикъ долженъ тебя видѣть и знать, что онъ для тебя работаетъ, и что ты видишь его, и тогда онъ будетъ работать весело, охотно, успѣшно. Послѣ де-Бога и великаго Государя, законъ велитъ служить барину. На чужихъ работать обидно, да и не приходится вовсе, а на барина самъ Богъ велитъ. Они для тебя, ты для нихъ. Вотъ самый русскій обычай и лучшее хозяйство.

«А правила для управленія, Василій Ивановичъ?»

— Да какія, братъ, правила! Привычка, сноровка, да

Божья воля. Не суйся за хитростями, и смотри, чтобъ мужикъ былъ исправенъ, да не допускай нищихъ; заведи подворную опись, не для переплета, а для дѣла, понимаешь ли? да и смотри въ оба, чтобъ у мужика было полное имущество, полный, такъ сказать, комплектъ.

«Что̀ жь это такое?»

— Вотъ что̀. У исправнаго мужика должна быть всегда въ наличности хорошая крытая изба съ сараемъ, двѣ лошади, одна корова, десять овецъ, одна свинья, десять куръ, двѣ телеги, двое саней, одна соха, одна борона, одна коса, двое серповъ, одна колода, двѣ кадушки, одинъ боченокъ, одно рѣшето, одно сито. Кромѣ того, если у него нѣтъ особой промышлености, то онъ въ яровомъ и въ озимомъ полѣ долженъ имѣть по двѣ засѣянныя десятины, и выгонъ для скота. Изволишь ты видѣть: есть все это у мужика — мужикъ исправенъ. Есть у него лошадка лишняя, да клади двѣ хлѣба въ запасѣ — мужикъ богатъ. Нѣтъ у него чего нибудь изъ этого — мужикъ нищій. Простая, кажется, механика. Первое мое правило, Иванъ Васильевичъ, чтобъ у мужика все было въ исправности. Пала у него лошадь — на̀ тебѣ лошадь,— заплатишь по-маленьку. Нѣтъ у него коровы — возьми корову, деньги не пропадутъ. Главное дѣло — не запускать. Не долго такъ разстроить имѣніе, что и поправить потомъ будетъ не въ силу.

— Если можешь и съумѣешь, что̀ бы тебѣ ни говорили мужики, заведи для нихъ общественную запашку и мірской капиталъ. Изъ этихъ денегъ плати за нихъ подушныя и вообще

исполняй самъ отъ себя казенныя повинности, дорожныя, подводныя, разумѣется, что̀ только возможно. Даже при сдачѣ рекрутъ бери издержки на себя. Мужикъ отвѣчаетъ тебѣ, а ты за него и за себя отвѣчаешь правительству, и даешь ему примѣръ повиновенія и исполненія своей обязанности.

«А мірскія дѣла, раскладки, приговоры?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Мірскія дѣла предоставь, братецъ, *міру*. Знаешь ли, что у насъ на Руси ведется въ волостяхъ съ-изтари такой порядокъ, какой ни Нѣмецъ, ни Французъ, какъ они себѣ ни ломай голову, не выдумаютъ. Посмотри, какъ они ровно и справедливо каждый годъ мѣняютъ между собой участки земли; послушай, ка̀къ они рѣшаютъ тяжбы и ссоры; вникни, братъ, хорошенько, какъ они иногда умно притворяются, и какъ иногда мудро говорятъ.

«Я думаю» замѣтилъ Иванъ Васильевичъ: «что мірскія сходки должны быть отдаленнымъ преданіемъ прежнихъ вечевыхъ сходбищъ.»

— Не знаю, батюшка. Это ужь не мое дѣло. Мое дѣло, чтобъ мужикъ былъ сытъ и здоровъ, безъ баловства только. Плати оброкъ исправно, на барщину выходи какъ слѣдуетъ. Поработалъ три дни — и поклонился; ступай куда хочешь, а дѣло свое исполни. Чай, вѣдь за три дни работы и за вашей-то за границей нѣтъ такихъ угодій для крестьянина... А?.

«Конечно», замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— То-то же. Нѣмцы да Французы жалѣютъ объ нашемъ мужикѣ: «мученикъ-де!» говорятъ, а глядишь, мученикъ-то

здоровѣе и сытѣе и довольнѣе многихъ другихъ. А у нихъ, слыхалъ я, мужикъ-то ужь точно труженикъ; за все плати: и за воду, и за землю, и за домъ, и за прудъ, и за воздухъ, за что̀ только можно содрать. Плати аккуратно. Голодъ, пожаръ, — все равно. Плати, каналья! Ты вольный человѣкъ. Не то вытолкаютъ по-шеямъ, умирай съ дѣтьми гдѣ знаешь... намъ дѣла нѣтъ. Ужь эти мнѣ Французы! прибавилъ Василій Ивановичъ: — все кричатъ, что у насъ безчеловѣчно поступаютъ. А у нихъ-то каково? Добро бы придумали что-нибудь путное, а то чортъ знаетъ что̀ за дичь городятъ. У русскаго человѣка уши вянутъ; ну, а признайся, тебѣ, чай, нравится?...

«Почему же?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Да ты, братъ, вѣдь либералъ. Всѣ вы, молодые люди, либералы. Все не по вашему. И то не такъ, и это не такъ, а спросишь, наставьте, добрые люди, — такъ и станете въ тупикъ.

«У васъ много дворовыхъ?» прервалъ поспѣшно Иванъ Васильевичъ.

— Грѣшный, братъ, человѣкъ. Много этихъ окаянныхъ расплодилось. Для прислуги, знаешь, надо; ну, да и Авдотьѣ Петровнѣ нельзя уже чѣмъ и не потѣшиться. Полотно дома, знаешь, ткутъ; ковры прекрасные; право, можно похвастать. Намедни послалъ я еще коврикъ домашней работы исправнику въ подарокъ. Знатный коврикъ, знаешь, съ ландшафтомъ, и охотникъ съ ружьемъ въ птицу стрѣляетъ. Повѣришь ли? Исправникъ говоритъ, что это первый въ уѣздѣ.

Ну, Авдотья Петровна и рада. Ей, знаешь, и пріятно: дѣло бабье.

«А фабрикъ у васъ нѣтъ?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— И слава Богу! Сохрани тебя Создатель отъ фабрикъ съ хозяйственнымъ устройствомъ. У насъ теперь между помѣщиками вошла въ моду страсть строить фабрики на домашній манеръ. Разсчетъ-то, кажется, прекрасный. Свой мужикъ долженъ нарубить и приготовить лѣсъ, потомъ долженъ строить, потомъ долженъ работать на фабрикѣ, подвозить дрова, чинить и дѣлать машины и потомъ на своихъ лошадяхъ развозить по городамъ товаръ. Все свой мужикъ. Ничего, кажется, не стòитъ, потому-что, изволишь видѣть, — *своими*. А на повѣрку что̀ выходитъ?... Вся эта лишняя работа на столько же отнимаетъ земледѣльческой работы, которая, кажется, все-таки самая важная. Хорошіе мужики дѣлаются пьяными мастеровыми; дѣти ихъ становятся голодными дворовыми, ободранными, пьяными, неблагодарными бестіями, которыхъ кормишь, чортъ знаетъ за что, и которые всѣмъ недовольны и первые буяны въ селѣ. Лошади крестьянскія перепадаютъ. Силы крестьянъ истощатся. Заведется распутство, а къ тому обманывать и обкрадывать тебя такъ будутъ, что любо, — какъ ты ни остерегайся, и въ имѣніи пойдетъ все вверхъ дномъ, такая катавассія, такой конфузъ, что своихъ не найдешь. Вотъ тебѣ и фабрика. Нѣтъ, по-моему, если мѣсто у тебя по коммуникаціямъ и выгодное для фабрики, есть у тебя изобиліе лѣса, вода безъ употребленія, а главное дѣло чистый, свободный капиталъ, независимый отъ

имѣнія, не доставшійся посредствомъ залога, такъ тогда съ Богомъ заводи фабрику, но заводи ее на коммерческой ногѣ, какъ-бы въ самой Москвѣ, на Кузнецкомъ-Мосту. Ты ужь фабрикантъ, а не помѣщикъ. Не смѣшивай этихъ двухъ дѣлъ. Не требуй отъ мужика ни прута лишняго, ни лишняго шага, да помни крѣпко, братецъ, что тамъ, гдѣ заведется фабрика на домашній манеръ, мужики нищіе, да слѣдовательно и помѣщикъ-то самъ недалеко отъ того же.

«Я думаю» спросилъ Иванъ Васильевичъ: «что конторская отчетность должна быть очень затруднительна?»

— Ни чуть не бывало. У меня этимъ дѣломъ завѣдываетъ жена, Авдотья Петровна. Сперва дѣлается разводка на треку впередъ. Потомъ въ полевомъ журналѣ записывается, чтò въ треку исполнено. Для ужина и замолота особая тетрадь, да двѣ приходо-расходныя книги: одна для хлѣба, другая для денегъ. Вотъ тебѣ и вся наша мудрость.

«А есть ли у васъ госпиталь и прочія врачебныя средства? заводите ли вы пріюты для крестьянскихъ дѣтей во время полевыхъ работъ? учредили ли вы ланкастерскую школу взаимнаго обученія?»

— Эге, ге, ге... братъ, чего захотѣлъ! У меня Авдотья Петровна сама лечитъ больныхъ простыми средствами. Иногда и помогаетъ, а учитъ читать у насъ кого угодно пономарь. Два мальчика сами напросились. Такіе, право, бойкіе, а другіе не охотники... Отцы, говорятъ, грамотѣ не знали, къ чему жь и намъ знать?

«Ну, а что̀ же вы дѣлаете въ голодные годы?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Да Богъ милуетъ. Давно не было бѣды, да и запасы у меня въ порядкѣ. Ссуды ни у кого, слава Богу, родясь не просилъ. Пятьнадцать лѣтъ никакъ тому назадъ, хозяйство-то еще, знаешь, было слабенькое, ужь точно была невзгода. Озимь еще съ осени червь поѣлъ. Весной Богъ не далъ дождя. Словомъ, ни колоса, ни зерна, ровно ничего. Запасовъ не было. Что̀ станешь тутъ дѣлать? Пришли ко мнѣ мужики и плачутся. «Бѣда, батюшка, Василій Ивановичъ! ни себя, ни дѣтей кормить нѐчѣмъ. Знать послѣдній часъ пришелъ.» — Ну, говорю я, ребятушки, что̀ жь тутъ дѣлать? У меня, слава Богу, есть зерно въ амбарѣ. Могъ бы, правда, по 30 рублей за четверть спустить, да Богъ не пошлетъ благословенія на такое дѣло. Берите, пока хватитъ. Авось и прокормимся какъ-нибудь... Слава Богу, всѣмъ достало.

«Да это прекрасно!» воскликнулъ Иванъ Васильевичъ.

— Что жь тутъ хорошаго? Не умирать же имъ, впрямъ, съ голода. Да этого мало. Кругомъ меня помѣщики все богатые, знатные, знаешь, такіе, живутъ-себѣ за границей, — гдѣ имъ подумать о мужикѣ. Знаешь ли, до чего доходило? Цѣлое село выйдетъ на большую дорогу обстановить проѣзжаго.

«Какъ, грабятъ?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Нѣтъ, братъ, не грабятъ, а станутъ мужики на колѣни: «самъ, батюшка, видишь, не дай умирать, а за душу Бога молить.» И ко мнѣ пришли, и я имъ все отдалъ, что̀

осталось послѣ моихъ собственныхъ, отдалъ, разумѣется, въ займы.

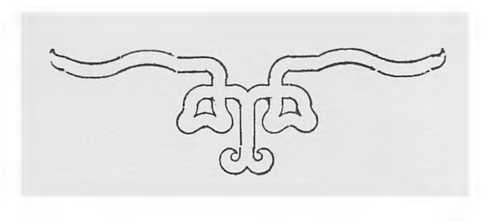
«И никогда не получили обратно?»

— Знаешь же ты русскаго мужика! Все получилъ до зерна. Правда, цѣна-то была уже другая... ну, да на сердцѣ за то было весело...

«Такъ васъ любятъ?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Самъ увидишь, какъ домой прiѣдемъ. Весь народъ сбѣжится. «Батюшка-де Василiй Ивановичъ прiѣхалъ...» Старый и малый, всѣ высыпятъ на господскiй дворъ, кто съ гусемъ, кто съ медомъ, кто съ чѣмъ попало. — «Здравствуй-де, батюшка, Василiй Ивановичъ. Что-де ты такъ долго къ намъ не жаловалъ. А мы-такъ о твоей милости стосковались.» — Здорово, православные. Чай поминали меня? — «Какъ, батюшка, не поминать. Ты сына моего отъ рекрутчины спасъ; ты, батюшка, домъ мнѣ построилъ; ты, батюшка, корову мнѣ далъ; ты, батюшка, дочь мою крестилъ; Дай Богъ тебѣ, батюшка, здравствовать.

Глаза Василiя Ивановича засверкали; Иванъ Васильевичъ взглянулъ на него съ почтенiемъ... и самъ тарантасъ показался ему едва-ли не лучше самаго щегольскаго iохимскаго дормеза.

ГЛАВА XIV.

КУПЦЫ.

На другой день, около вечера, тарантасъ въѣхалъ въ небольшой, но весьма странный городокъ. Весь городокъ заключался въ одной только улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой маленькіе сѣро-бревенчатые домики учтиво кланялись проѣзжающимъ. Въ окнахъ большая

часть стеколъ были выбиты и замѣнены масляной бумагой, изъ-за которой кое-гдѣ высовывались истертые виц-мундиры, рыжія бороды, да подбитые чайники.

«Уѣздный городъ?» спросилъ, потягиваясь, Иванъ Васильевичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ ямщикъ: — заштатный...

Между-тѣмъ, въ движеніи тарантаса происходило что-то совершенно необычайное. Твердая его поступь вдругъ стала робка и нерѣшительна, какъ-будто бы онъ сдѣлалъ какую-нибудь глупость. Не-уже-ли онъ, который никогда не чинится, никогда не опрокидывается, онъ — краса и радость безбрежной степи, осрамился на самой срединѣ дороги и какъ щедушный рессорный экипажъ долженъ подлежать починкѣ въ городской кузницѣ? Печально и робко остановился онъ у станціоннаго двора. Сенька слѣзъ съ козелъ, обошелъ около него кругомъ, посмотрѣлъ подъ него, пощупалъ дрогу, пошатнулъ спицы, потомъ покачалъ головой и, снявъ картузъ, обратился къ Василію Ивановичу съ неожиданной рѣчью:

— Какъ прикажете, сударь, а эвдакъ онъ двухъ верстъ не пройдетъ. Весь разсыплется.

«Что?» спросилъ съ гнѣвомъ и ужасомъ Василій Ивановичъ.

Еслибъ Василію Ивановичу доложили, что староста его пьянъ безъ просыпа, что Авдотья Петровна обкушалась и

нездорова, его бы огорчили подобныя извѣстія, но все-таки не такъ, какъ измѣна надежнаго, любимаго тарантаса.

«Что?» повторилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ. «Что?... сломался?...»

— Да по мнѣ все равно-съ, продолжалъ съ жестокостью Сенька. — Какъ будетъ-съ угодно-съ. Сами извольте-съ взглянуть. Въ переднемъ колесѣ шина лопнула... А вотъ-съ въ заднемъ три спицы выпали, да и весь-то еле держится. А впрочемъ-съ... какъ прикажете-съ. По мнѣ-съ все равно.

«Что же, чинить надобно?» жалобно спросилъ Василій Ивановичъ.

— Да какъ прикажете-съ. А извѣстно-съ, надобно чинить.

«Да въ Москвѣ изъ каретнаго ряда подмастерья давно ли осматривалъ?»

— Не могу знать-съ... Какъ будетъ-съ угодно. А эвдакъ-съ, сами изволите видѣть, эвдакъ не дойдетъ-съ до станціи. Добро бы еще одна хоть спица выпала, такъ все бы легче. Можно бы проѣхать еще станцію, а можетъ и двѣ бы станціи... а то сами изволите видѣть... Да и колеса такія непрочныя... Лѣсъ-то гнилой совсѣмъ... А впрочемъ, по мнѣ все р...

«Ну, молчи ужь, дуракъ!» сердито закричалъ Василій Ивановичъ. «Полно зѣвать-то по пустому... Маршъ за кузнецомъ, да живо, слышишь ли.»

Сенька помчался на кузницу, а пріѣзжіе грустно вошли на станцію. Смотритель былъ пьянъ и спалъ, поручивъ заботы управленія безграмотному старостѣ. Смотрительша была въ гостяхъ у супруги цаловальника.

Съ полъ-часа дожидались кузнеца. Наконецъ явился кузнецъ, съ черной бородой, съ черной рожей и чернымъ фартукомъ. За починку запросилъ онъ сперва 50 рублей на ассигнаціи, потомъ, послѣ долгихъ преній, помирился на трехъ цѣлковыхъ и покатилъ колеса на кузницу.

Староста засвѣтилъ въ чуланѣ лучину, значительно поворочалъ подорожную между пальцами и наконецъ сказалъ съ важностью:

— Лошади подъ экипажъ-съ готовы, какъ только ваша милость прикажете закладывать.

«Вотъ тебѣ и лошади!» заревѣлъ съ досадой Василій Ивановичъ: «вотъ тебѣ наконецъ и лошади появились, когда ѣхать-то именно нѐ въ чемъ. Да чортъ ли намъ въ твоихъ лошадяхъ!... Иванъ Васильевичъ!...»

— Чтò прикажете-съ?

«Да не напиться ли намъ съ горя чайку? Эй, борода, слышь ты. Прикажи-ка самоваръ поставить. Чай есть у васъ самоваръ?...»

— Самоваръ-то есть — какъ не быть самовару! — да поставить нѐкому. Смотритель нездоровъ. Хозяйка ихняя въ гостяхъ, да и ключи съ собой унесла. А вотъ недалечко здѣсь

харчевня. Тамъ все получить можете. Коли угодно, вашу милость туда проводятъ...

«Что жь, пойдемъ», сказалъ Василій Ивановичъ.

— Пойдемъ, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Эй, ты! закричалъ староста: — Сидорка, лысый чортъ, проводи господъ къ харчевнѣ.

Они отправились. Харчевня, какъ всѣ харчевни, — большая изба, крытая когда-то тесомъ, съ большими воротами и сараемъ. У воротъ кибитка съ вздернутыми вверхъ оглоблями. Лѣстница ветхая и кривая. На верху ходячимъ подсвѣчникомъ половой съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ. Вправо буфетная, расписанная еще съ незапамятныхъ временъ въ видѣ боскета, который еще кое-гдѣ высовываетъ фантастическія растенія изъ-подъ копоти и отпавшей штукатурки. Въ буфетѣ красуются за стекломъ стаканы, чайники, графины, три серебряныя ложки и множество оловянныхъ. У буфета суетятся два, три мальчика, обстриженные въ кружокъ, въ ситцевыхъ рубашкахъ и съ пожелтѣвшими салфетками на плечѣ. За буфетной небольшая комната, выкрашенная охрой и украшенная тремя столами, съ пѣгими скатертями. Наконецъ, сквозь распахнувшуюся дверь выглядываетъ желтоватый бильярдъ, по которому важно гуляетъ курица.

Въ комнатѣ, выкрашенной охрой, около одного изъ столиковъ сидѣли три купца, рыжій, черный и сѣдой. Мѣдный самоваръ дымился между ихъ бородъ, и каждый изъ нихъ, облитый тройнымъ потомъ, вооруженный кипящимъ блюдеч-

комъ, прихлебывалъ, прикрякивалъ, поглаживалъ бороду и снова принимался за работу.

— Ну, а мука какова̀? спрашивалъ рыжій.

«Ничего-съ», отвѣчалъ сѣдой: «нынѣшній годъ съ рукъ сошла аккуратно. Грѣшно жаловаться. Вотъ-съ въ прошломъ

году, такъ могу сказать. Не приведи Богъ! Семь рублевъ съ куля терпѣли.»

— Ге, ге, ге, замѣтилъ рыжій.

«Что жь», прибавилъ черный. «Не все барышъ. У хлѣба не безъ крохъ. Выгружать, видно, много приходилось?»

— Да на одной Волгѣ раза три, что ли? Такія мели подѣлались, что не дай Господи. А партія-то, признательно сказать, закуплена была у насъ значительная.

«Коноводная?» спросилъ рыжій.

— Никакъ нѣтъ. Тихвинка, да три подчалки. Ну, а ужь перегрузка извѣстное дѣло. Кожу дерутъ, мошенники. Бога не боятся. Что̀ станешь съ ними дѣлать!

«Кто жь отъ барыша бѣгаетъ?» замѣтилъ рыжій.

— Вѣстимо! прибавилъ черный.

«Та-акъ-съ!» добавилъ сѣдой.

Рыжій продолжалъ:

— А я такъ въ прошедшемъ году сдѣлалъ оборотецъ. Куплено было, изволите видѣть, у меня у Татаръ около Самары нѣсколько муки первѣйшаго, могу сказать, сорта, да кулей пятьсотъ, что ли, взято у помѣщика, самой этакой, признательно сказать, мизеристой. Помѣщикъ-то никакъ въ карты проигрался, такъ и пришлась-то она, по истинѣ, больно сходно. Гляжу я — мучишка-то дрянь, ну, словно мякина. Даромъ съ рукъ не сойдетъ. Что жь, говорю я, тутъ думать. Взялъ да и перемѣшалъ ее съ хорошей, да и спустилъ всю въ Рыбнѣ откупщику за первый, изволите видѣть, сортъ.

«Что жь, коммерческое дѣло», сказалъ черный.

— Оборотецъ извѣстный — докончилъ сѣдой.

Между-тѣмъ, Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ распорядились тоже около одного столика, потребовали себѣ чая и съ любопытствомъ начали прислушиваться къ разговору трехъ купцовъ.

Вошелъ четвертый въ синемъ изношенномъ армякѣ и остановился въ дверяхъ. Сперва перекрестился онъ три раза передъ угольнымъ образомъ, а потомъ, тряхнувъ головой, почтительно поклонился сѣдому.

— Сидору Авдеевичу наше почтеніе.

«А, здорово, Потапычъ. Просимъ покорно выкушать парочку съ нами.»

— Много доволенъ, Сидоръ Авдеевичъ. Все ли по добру, по здорову?

«Слава Богу.»

— И хозяюшка и дѣтушки?

«Слава Богу.»

— Ну, слава тебѣ Господи. Въ Рыбну, что ли, изволите.

«Въ Рыбну. Да присядь-ка, Потапычъ.»

— Не извольте безпокоиться. И постоять можемъ.

«А чашечку?...»

— Много доволенъ.

«Одну хоть чашечку.»

— Благодарю покорно. Дома пилъ.

«Эй, братъ, чашечку.»

— Ей-Богу дома пилъ.

«Полно. Выпей-ка въ прикусочку на здоровье.»

— Не могу, право.

Сѣдой протянулъ Потапычу чашечку, а Потапычъ, поблагодаривъ, выпилъ чашечку духомъ, послѣ чего поставилъ ее бережно на столъ вверхъ дномъ на блюдечко и поблагодарилъ снова.

«Ну вотъ энтакъ-то ладно. Спасибо, Потапычъ. Нутка, еще чашечку.»

— Нѣтъ, ужь ей-ей не въ моготу. Много доволенъ за ласку и угощенье. Чувствительно благодаренъ. Да я-съ, Сидоръ Авдеевичъ, къ вашей милости съ просьбой.

«Передать что ли по торговлѣ въ Рыбнѣ?»

— Такъ точно-съ. Трифону Лукичу. Покорнѣйше просимъ.

«Много, что ли?»

— Тысячь съ пятокъ.

«Пожалуй, братъ.»

Тутъ Потапычъ вынулъ изъ-за пазухи до невѣроятія грязный лоскутокъ бумаги, въ которомъ завернуты были деньги, и поклонившись почтительно подалъ ихъ сѣдому.

Сѣдой развернулъ испачканный свертокъ, внимательно пересчиталъ ассигнаціи и золотые и потомъ сказалъ:

— Пять тысячъ двѣсти семьнадцать рублевъ съ полтиною. Такъ ли?

«Такъ точно.»

— Хорошо, братъ. Будетъ доставлено.

Сѣдой поднялъ полу своего армяка, всунулъ довольно

*

небрежно свертокъ въ боковой карманъ своихъ шароваръ и занялся постороннимъ разговоромъ.

— Каково торгуется, Потапычъ?

«По-маленьку-съ. Къ чему Бога гнѣвить?»

— Ты, вѣдь, помнится, саломъ промышляешь?

«Чѣмъ попало-съ. И сало и поташъ продаемъ. Дѣло наше маленькое. Капиталъ небольшой, да и весь-то въ оборотѣ. А, впрочемъ, жаловаться не можемъ.»

— Ну-ка Потапычъ, теперь еще чашечку.

«Нѣтъ-съ, ужь право. Средствія нѣтъ. Чувствительно доволенъ. Никакъ не могу.»

Не смотря на упорное отнѣкиваніе, Потапычъ снова выпилъ чашечку въ прикусочку, потомъ, поблагодаривъ снова, почтительно раскланялся съ сѣдымъ, чернымъ и рыжимъ, каждому поочередно пожелалъ тѣлеснаго здравія, хорошаго пути, всякаго благополучія и наконецъ исчезъ въ дверяхъ.

Вся эта сцена возбудила въ сильной степени любопытство Ивана Васильевича.

— Позвольте спросить,— сказалъ онъ, присосѣживаясь къ купцамъ. — Онъ вамъ родственникъ вѣрно?

«Кто-съ?»

— Да вотъ этотъ, что сейчасъ вышелъ. Потапычъ.

«Никакъ нѣтъ-съ. Я его, признательно-то сказать, почти что и не знаю вовсе. Онъ долженъ быть мѣщанинъ здѣшній.»

— Такъ вы дѣлà съ нимъ ведете по перепискѣ?

Сѣдой улыбнулся.

«Да онъ, чаю, и грамотѣ не знаетъ. А дѣловъ у меня съ нимъ не бываетъ. Обороты наши будутъ-съ поважнѣе ихнихъ», прибавилъ сѣдой съ лукавымъ самодовольствіемъ.

— Такъ отъ-чего же онъ не посылаетъ своихъ денегъ по почтѣ?

«Да извѣстно-съ, чтобъ не платить за пересылку.»

— А какъ же онъ не потребовалъ отъ васъ росписки?

Черный и рыжій засмѣялись, а сѣдой взбѣсился не на шутку.

«Росписку!» закричалъ онъ: «росписку. Да если бъ онъ отъ меня потребовалъ росписку, я бы ему его же деньгами рожу раскроилъ. Слава Богу, никакъ ужь пятый десятокъ торгую, а энтакого еще со мной срама не бывало.»

— Изволите видѣть-съ, милостивый государь, не имѣю удовольствія знать, какъ васъ чествовать, — сказалъ рыжій, — вѣдь-съ это только между дворянами такая заведенція, что росписки, да векселя. У насъ, въ торговомъ дѣлѣ, такой-съ этакъ-съ сказать политики не употребляется вовсе. Одного слова достаточно. Канцеляріями-то, изволите видѣть, заниматься нѣкогда. Оно хорошо для господъ служащихъ, а нашему брату не сподручно приходится. Вотъ-съ, примѣромъ будь сказано, продолжалъ онъ, указывая на сѣдаго, они торгуютъ, можетъ статься, на мильйонъ рублевъ серебромъ въ годъ, а весь разсчетъ на какихъ-нибудь лоскуткахъ, да и то такъ только для памяти.

«Да это непонятно», прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Гдѣ жь вамъ и понять? Дѣло коммерческое, безъ плана и фасада. Мы съ дѣтства попривыкаемъ. Сперва, изволите видѣть, въ прикащикахъ, либо въ сидѣльцахъ даже, а ужь послѣ и сами-съ вступаемъ въ капиталъ. Тутъ уже, признательно сказать, дремать нѣкогда. Фабрику завелъ — сиди на фабрикѣ. Лавку открылъ — не пропускай хорошаго покупателя. Дѣло коли на сторонѣ есть выгодное, запрягай кибитку, не жалѣй костей, никому не ввѣряйся. Самъ лучше увидишь, по простому своему разуму. Признательно сказать, работа не легкая. Самъ у себя батракъ. Да и притомъ еще частехонько изъянъ терпишь. Ну, а неровенъ часъ, иногда и благословитъ Господь и дрянной товаръ пойдетъ въ-тридорогѣ. А ужь признательно-то сказать, объ прихотяхъ да турусахъ думать и не приходится. Вотъ-съ, примѣромъ буде сказано, кафтанъ-то, чтѣ на мнѣ, никакъ ужь одиннадцатый годъ сшитъ, а въ кафтанѣ-то тысячь сотня съ хвостикомъ; да вотъ-съ у нихъ не меньше будетъ, а вотъ-съ у нихъ такъ и побольше.

«И вы не боитесь, чтобъ васъ ограбили?» съ удивленіемъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Ничего, батюшка. Богъ милостивъ. Кибитка у насъ, изволите видѣть, дрянная. Да и народъ здѣсь, слава Богу, не такой азардной. Ну, бечевку, постромку какую-нибудь и украдетъ, пожалуй, а развѣ ужь злодѣй какой-нибудь посягнетъ на такія деньги. Вотъ-съ, мы никакъ пятнадцатый годъ по этой дорогѣ ѣздимъ. Слава Богу. Ни отъ кого обиды не видали.

— Знаете-съ, — подхватилъ сѣдой: — вотъ-съ когда плохо: когда нашъ братъ зазнается, да въ знать полѣзетъ, да начнетъ стыдиться своего званія, да бороду обрѣетъ, да по нѣмецкому начнетъ копышаться. Дочерей выдастъ за князей, сыновей запишетъ въ дворяне. Тогда купецъ онъ не купецъ, баринъ не баринъ. Одѣтъ, кажется, знатнымъ человѣкомъ, а все отдаетъ сивухой. Тогда и дѣлишки поразстроятся, и распутство начнется, гульба, пьянство... Бога не станетъ бояться. А ужь тамъ и кредитъ лопнетъ, и не только безъ росписки, да и по векселю гроша ему никто между нами не повѣритъ. Коли нѣтъ души, на чемъ хочешь пиши. Ей-Богу, такъ-съ.

Иванъ Васильевичъ призадумался нѣсколько минутъ. Занимаясь за границей судьбами Россіи, онъ, разумѣется, не забылъ торговли, этого важнаго двигателя народнаго благоденствія. Только, за неимѣніемъ свѣдѣній, онъ составилъ себѣ о русскомъ торговомъ направленіи какое-то утопическое понятіе, не совсѣмъ сходное съ дѣйствительностью, не совсѣмъ сообразное съ возможностью. И тутъ, какъ всегда, въ порывѣ безпокойнаго воображенія, онъ иногда приближался къ истинѣ, иногда увлекался через-чуръ за истину, а иногда отъ незнанія и необдуманности давалъ рѣшительные промахи. Обо всѣхъ предметахъ объяснялся онъ сгоряча, но поверхностно, потому-что не имѣлъ терпѣнія ничего изучить глубоко.

«Позвольте», сказалъ онъ съ обыкновенною горячностью:

«вымолвить нѣсколько словъ. Мнѣ кажется, что у насъ въ Россіи много людей покупающихъ и продающихъ, но что настоящей систематической торговли у насъ нѣтъ. Для торговли нужна наука, нужно стеченіе образованныхъ людей, строгіе математическіе разсчеты, а не одно удалое авось. Вы наживаете мильйоны, потому-что обращаете потребителя въ жертву, противъ котораго всѣ обманы позволительны, и потомъ откладываете копейку къ копейкѣ, отказывая себѣ не только въ удовольствіяхъ, но даже въ удобствахъ жизни. У васъ только одна выгода настоящей минуты въ глазахъ, и притомъ каждый думаетъ только о себѣ отдѣльно, опасаясь товарищей и не заботясь объ общей пользѣ. Вы только одно имѣете въ виду, какъ-бы купить подешевле и продать подороже. Въ частной жизни вы пяти копеекъ не возьмете у незнакомаго, а въ торговомъ дѣлѣ вы немилосердно обкрадываете роднаго брата. Честность у васъ раздвоивается на два понятія: въ первомъ, обманъ у васъ называется обманомъ, во второмъ — барышомъ. Такимъ образомъ, торговля дѣлается нерѣдко грабительствомъ, а не размѣномъ. Масса потребителей страждетъ отъ того, и слѣдовательно цѣлый край бѣднѣетъ въ пользу корыстолюбивыхъ незаконныхъ взятокъ.»

«Помилуйте!» воскликнулъ рыжій. «Мы не приказные, примѣромъ сказать.»

— Хуже. Ихъ взятки добровольныя, а ваши насильственныя. Еще вы хвастаете, что обогащаетесь своимъ трудомъ,

своими боками, въ скверныхъ кибиткахъ, въ дырявыхъ кафтанахъ. Да вѣдь при вашемъ состояніи эта крайность не лучше крайности тѣхъ изъ вашихъ собратій, которые гуляютъ съ Цыганами, или, чего добраго, получивъ классъ, воображаютъ себя дворянами. Вы хвастаете невѣжествомъ, потому-что смѣшиваете развратъ съ просвѣщеніемъ. Вы гнушаетесь просвѣщенія, потому-что видите его въ кургузомъ платьѣ, въ нѣмецкихъ мёбеляхъ и бронзахъ, въ шампанскомъ, которое попиваютъ ваши сынки, словомъ, въ глупой наружности, въ жалкихъ привычкахъ. Повѣрьте, это не просвѣщеніе, не образованіе. Просвѣщеніе не обрѣетъ вамъ бороды, не перемѣнитъ вашего кафтана. Ему дѣла нѣтъ до того. Просвѣщеніе покажетъ вамъ, что обманъ, какъ бы онъ ни былъ выгоденъ, все-таки обманъ; оно наставитъ васъ въ наукахъ, для васъ необходимыхъ, дастъ вамъ познаніе мѣстъ и мѣстныхъ требованій, опытность въ исчисленіяхъ, въ мореплаваніи, въ оборотахъ, основанныхъ не на мирномъ разбоѣ, а на вѣрныхъ условленныхъ разсчетахъ, приносящихъ всѣмъ пользу. Просвѣщеніе приведетъ въ твердыя правила то прекрасное чувство довѣрія, которое и безъ того между вами господствуетъ въ частной жизни. Тогда вы не будете прятаться другъ отъ друга, какъ теперь въ своихъ дѣлахъ, а напротивъ плотно свяжетесь между собой, и посредствомъ совмѣстнаго обращенія вашихъ капиталовъ вы не только обогатитесь сами, но и возвеличите свое отечество. Большія выгоды добываются только большими средствами, совокупленіемъ силъ, а сколько у насъ неисчислимыхъ источниковъ

богатства, которые остаются неприкосновенными отъ недостатка двигателей. Призваніе русскаго купечества, призваніе ваше — раскопать руды народнаго богатства, разлить жизнь и силу по всѣмъ жиламъ государства, заботиться о вещественномъ благоденствіи края, такъ какъ дворянство должно заботиться о его нравственномъ усовершенствованіи. Соедините ваши усилія въ прекрасномъ дѣлѣ и не сомнѣвайтесь въ успѣхѣ. Чѣмъ Россія хуже Англіи, а у англійскаго купечества сотни мильйоновъ людей во владѣніи, не говоря о сокровищахъ. Поймите только свое призваніе, освѣтитесь лучемъ просвѣщенія, и неоспоримая ваша любовь къ отчизнѣ доведетъ васъ до духа единства и общности и тогда, повѣрьте мнѣ, не только вся Россія, — весь міръ будетъ въ вашихъ рукахъ.

При этомъ краснорѣчивомъ заключеніи, рыжій и черный вытаращили глаза. Ни тотъ, ни другой не понимали, разумѣется, ни слова.

Сѣдой, казалось, о чемъ-то размышлялъ.

— Вы, можетъ-быть, отвѣчалъ онъ послѣ долгаго молчанія: — кое-что, признательно сказать, и справедливое тутъ говорите, хошъ и больно грозное. Да изволите видѣть, люди-то мы не грамотные. Дѣловъ всѣхъ разсудить не въ состояніи. Какъ разъ подвернутся Французы, да afферисты, заведутъ компаніи, а тамъ глядишь — и поклонился капиталу. Чего добраго, въ несостоятельные попадешь. Нѣтъ ужь, батюшка, по старому-то оно не такъ складно, да ладно. Нашъ порядокъ съизстари такъ ведется. Отцы наши такъ дѣлали и не

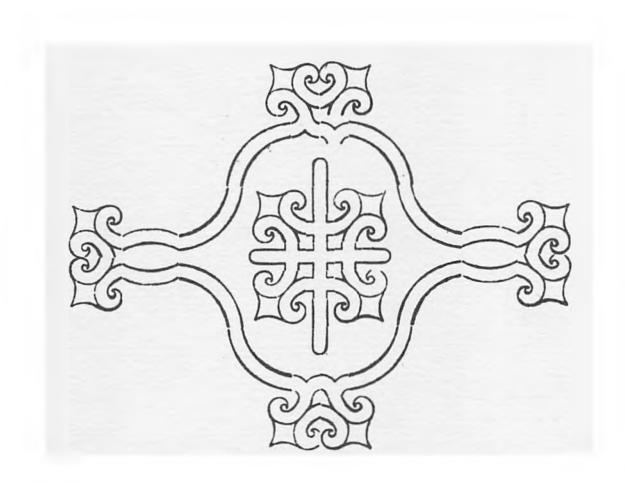
промотались, слава Богу, и капиталъ намъ оставили. Да вотъ-съ, и мы потрудились на своемъ вѣку и тоже, слава Богу, не промотали отцовскаго благословенія, да и дѣтей своихъ надѣлили. А дѣти пущай дѣлаютъ какъ знаютъ. Ихняя будетъ воля... Да не прикажете ли, сударь, чашечку?...

«Нѣтъ, спасибо.»

— Одну хоть чашечку.

«Право, не могу...»

— Со сливочками!...

ГЛАВА XV.

НѢЧТО О ВАСИЛІѢ ИВАНОВИЧѢ.

Давно пора, кажется, познакомить поближе читателя съ героями тарантаса. Читатель вообще человѣкъ любопытный, охотникъ до анекдотовъ. Онъ ни во что не ставитъ мысль, породившую разсказъ, чувство, его одушевляющее. Онъ ищетъ въ книгѣ не поученій, а новыхъ знакомыхъ, новыхъ лицъ, похожихъ

на того барина или на ту барыню, съ которыми онъ ведетъ шляпочное знакомство. Кромѣ того, читатель любитъ пламенныя описанія, хитрую завязку, наказанный порокъ, торжествующую любовь, словомъ, сильныя впечатлѣнія. Читатель вообще въ этомъ немного похожъ на Ивана Васильевича.

Сочинитель сего замѣчательнаго странствованія, грѣха таить нѣчего, думалъ-было угодить своему балованному судіѣ, разсказавъ ему какую-нибудь пеструю небывальщину. Къ-несчастію, это было невозможно. Скучная правда рѣшительно воспротивилась жгучимъ страстямъ Василія Ивановича и перепутаннымъ похожденіямъ Ивана Васильевича по казанской дорогѣ. Сочинителю остается только сдѣлать одно въ угоду читателю: представить ему съ должнымъ почтеніемъ двѣ мелкія, но повозможности подробныя біографіи двухъ главныхъ лицъ сего разсказа.

Начинается съ Василія Ивановича.

Василій Ивановичъ родился въ Казанской-Губерніи, въ деревнѣ Мордасахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ и мирно развился подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно рости. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя кнутикомъ трехъ мальчишекъ, изображающихъ тройку лошадей и постегивая весьма порядочно пристяжныхъ, когда онѣ недостаточно закидывали головы на сторону. Любилъ онъ также тѣшить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городками,

но главное основаніе системы его воспитанія заключалось въ голубятнѣ. Василій Ивановичъ провелъ лучшія минуты своего дѣтства на голубятнѣ, сманивалъ и ловилъ крестьянскихъ чистыхъ голубей и пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія касательно козырныхъ и турмановъ.

Отецъ Василія Ивановича, Иванъ Федотовичъ, имѣлъ какъ-то несчастье испортить себѣ въ молодости желудокъ. Такъ-какъ по близости доктора не обрѣталось, то какой-то сосѣдъ присовѣтовалъ ему прибѣгнуть для поправленія здоровья къ постоянному употребленію травничка. Иванъ Федотовичъ до того пристрастился къ своему способу леченія, до того усиливалъ пріемы, что скоро пріобрѣлъ въ околодкѣ весьма недиковинную славу человѣка пьющаго запоемъ. Со-временемъ, барскій запой сдѣлался постояннымъ, такъ-что каждый день утромъ, аккуратно въ десять часовъ, Иванъ Федотовичъ съ хозяйской точностью былъ ужь немножко подшефе, а въ одиннадцать совершенно пьянъ. А какъ пьяному человѣку скучно одному, то Иванъ Федотовичъ окружилъ себя дурами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговалъ онъ, правда, себѣ и карлу, но карла пришелся слишкомъ-дорого, и былъ тогда же отправленъ въ Петербургъ къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спинѣ, съ рогами, хвостами и прочими смѣшными украшеніями. Иногда морили ихъ голодомъ для смѣха, били по носу и по щекамъ, травили собаками, кидали въ воду, и вообще упо-

требляли на всѣ возможныя забавы. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день, а когда Иванъ Федотовичъ ложился почивать, пьяная старуха должна была разсказывать ему сказки, оборванные казачки щекотали ему легонько пятки и обгоняли кругомъ его мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку, и отнюдь не спать или утомляться, потому-что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника.

Мать Василія Ивановича, Арина Аникимовна, имѣла тоже свою дуру, но ужь больше для приличія и такъ сказать для штата. Она была женщина серьёзная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала кого выдрать и кому водки поднести, присутствовала при молотьбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закормы, надсматривала ткацкую, мужчинъ приказывала наказывать при себѣ, а женщинъ иногда и сама трепала за косу. Само собой разумѣется, что кругомъ ея образовалась цѣлая куча разностепенной дворни, приживалокъ, наушницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыя, какъ водится, цаловали у Василія Ивановича ручку, кормили его тайкомъ медомъ, поили бражкой и угождали ему всячески, въ ожиданіи будущихъ благъ.

Василій Ивановичъ былъ и безъ того пухлый ребенокъ, рѣдко вымытый, никогда не чесаный, жадный, своевольный, безъ присмотра и наблюденія. Онъ росъ-себѣ по однимъ простымъ законамъ природы, какъ ростетъ капуста или горохъ. Никто не заботился о его нравственномъ направленіи, о его умственномъ и душевномъ развитіи. Никто

не объяснялъ ему прекрасныхъ символовъ вѣры, никто не говорилъ ему, что одного наружнаго благочестія недостаточно и что каждый человѣкъ долженъ созидать невидимый храмъ въ душѣ своей, долженъ прославлять Всевышняго не одними словами, а чувствами и жизнью.

На одиннадцатомъ году, Василій Ивановичъ началъ курсъ своего ученья подъ руководствомъ приходскаго дьячка и складывалъ съ большимъ отвращеніемъ года два сряду всякому памятныя буки азъ ба, вѣди азъ ва. Послѣ чего онъ началъ и писать, но о каллиграѳіи и правописаніи не было упомянуто вовсе, такъ что и понынѣ Василій Ивановичъ такія иногда мудреныя чертитъ кавыки, такія иногда подъ перомъ его рождаются дикія слова, что глазамъ не вѣрится. Потомъ учили его катихизису по вопросамъ и отвѣтамъ и ариѳметикѣ по тому же способу. Но тутъ всѣ усилія остались, кажется, тщетны, потому-что наука ему рѣшительно не далась. Впрочемъ, къ совершенному оправданію его родителей, надо сказать, что они взяли для воспитанія сына и домашняго учителя. Оный учитель былъ Малороссіянинъ, кажется отставной унтер-офицеръ именемъ Вухтичъ. Получалъ онъ жалованья шестьдесятъ рублей въ годъ, да отсыпной муки по два пуда въ мѣсяцъ, да изношенное платье съ барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. Кромѣ того, такъ какъ платья было немного, потому-что Иванъ Федотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ кормѣ. Василій Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю, ѣздилъ вер-

хомъ на его спинѣ, дразнилъ его языкомъ и нерѣдко швырялъ ему книгой прямо въ носъ. Если же терпѣливый Вухтичъ и выйдетъ, бывало, наконецъ изъ терпѣнія и схватится за линейку, Василій Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ жаловаться тятинькѣ, что учитель его такой, сякой, бьетъ-де его палкой и бранитъ дурными словами. Тятинька съ-пьяна раскричится на Вухтича. «Ахъ, ты, сѣдой этакой песъ, я тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ. Вотъ я тебя... смотри, по шеямъ велю выпроводить. Не давать коровѣ его сѣна...» А кумушки и приживалки окружатъ Василія Ивановича и начнутъ его утѣшать... Ненаглядное ты наше красное солнышко, свѣтъ наша радость, баринъ вы нашъ, позвольте ручку поцаловать... Не слушайтесь, ягода, золотой вы нашъ, хохла поганаго. Онъ мужикъ, нашъ братъ... Гдѣ ему знать какъ съ знатными господами обиходъ имѣть...»

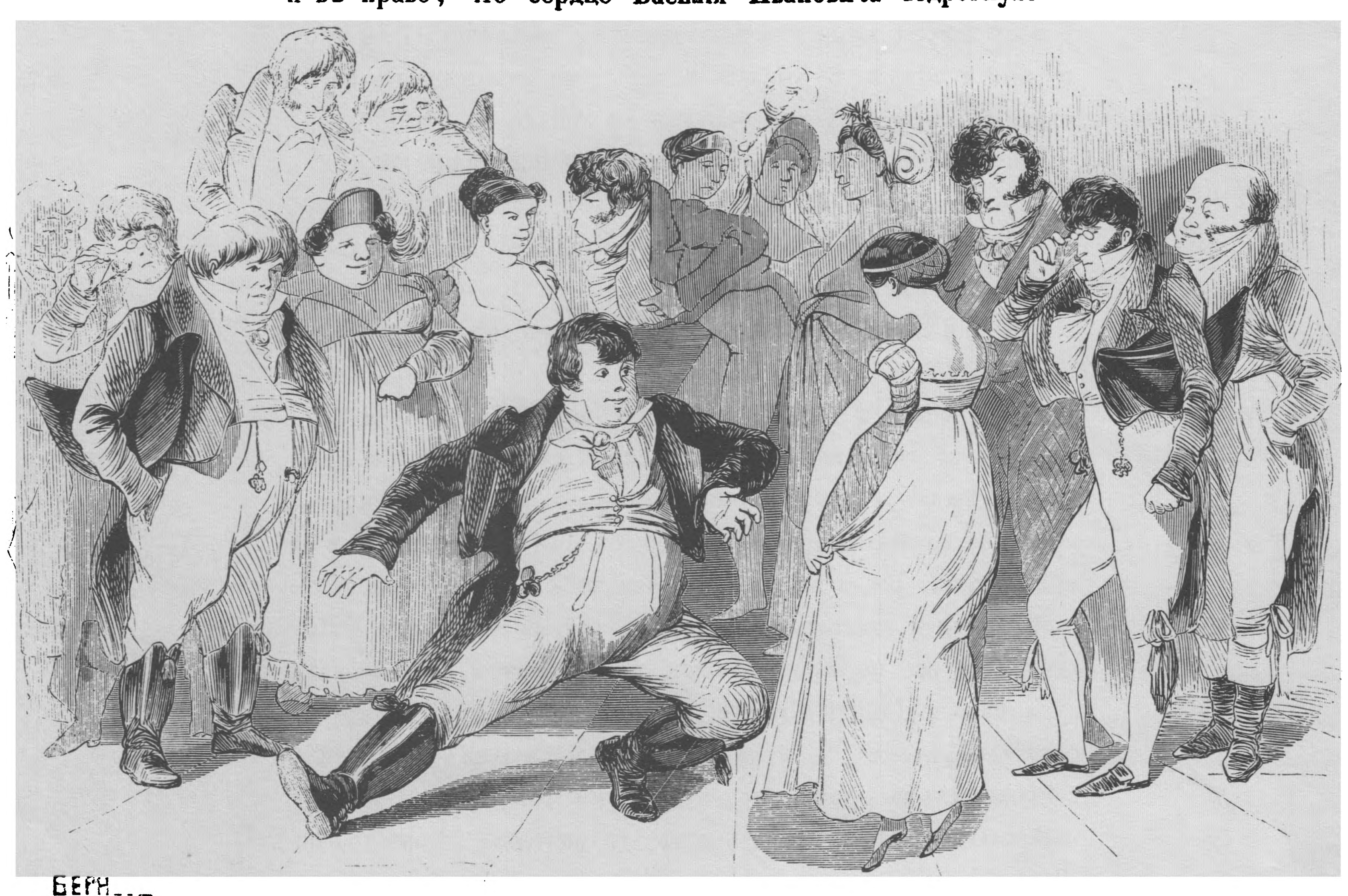
— Что жь, въ-самомъ-дѣлѣ, думалъ Вухтичъ — не ходить же по міру... — Заключеніемъ всего этого было то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ десятины земли и воспитаніе Василія Ивановича было окончено.

Однакоже, надо сказать правду, Василій Ивановичъ имѣлъ отъ природы сердце доброе, нравъ тихій и миролюбивый. Доказательствомъ тому служитъ то, что даже и воспитаніе его не испортило. Я говорю «воспитаніе» за неимѣніемъ слова, выражающаго понятіе совершенно противоположное воспитанію. И странно, какъ подумаешь... Почти всѣ наши дѣды учились на мѣдныя деньги, воспитывались какъ-ни-

будь, на удачу, то-есть не воспитывались вовсе, а росли себѣ по волѣ Божіей. И дѣды наши были точно люди не грамотные; рѣдкій умѣлъ правильно подписывать свое имя, и не смотря на то, они всѣ почти были люди съ твердыми правилами, съ сильною волею и крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по какому-то странному внушенію, любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ. Теперь старинная грубость исчезаетъ, замѣняясь духомъ колебанія и сомнѣнія. Жалкій успѣхъ, но можетъ-быть необходимый, чтобъ надежнѣе и вѣрнѣе дойдти до истины.

Когда Василію Ивановичу наступилъ шестнадцатый годъ, онъ отправился въ Казань на службу... Тогда недавно только образовались новые штаты по указу о губернскихъ учрежденіяхъ. Василій Ивановичъ служилъ нѣсколько времени въ канцеляріи намѣстника, но, ка̀къ еще понынѣ говорится въ губерніяхъ, для одной только pour le proforme. Въ-самомъ-дѣлѣ, не оставаться же столбовому дворянину, хоть и безграмотному, недорослемъ. Къ военной службѣ Василій Ивановичъ имѣлъ мало наклонности, тогда какъ совершенная праздность вполнѣ согласовалась съ его способностями и привычками. Въ то же время, вкусилъ онъ удовольствія свѣтской жизни и сталъ удивительно отличаться на балахъ. Никто ловче его не прохаживался въ матрадурѣ, монимаскѣ, курантѣ или Данилѣ Куперѣ. Иногда, въ небольшомъ кругу, отхватывалъ онъ, по просьбѣ дамъ, и казачка, что̀ всегда сопровождалось громкими изъявленіями удовольствія. Подобный случай рѣшилъ даже участь его навсегда. Какъ-то, на

именинахъ у прокурора, просили его пройдти любимый обществомъ танецъ вмѣстѣ съ молодой дочерью отставнаго секунд-маіора Крючкина. Дѣвушка долго жеманилась, но, какъ водится, по долгимъ убѣжденіямъ согласилась. Скромно опустивъ очи, зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ, она такъ мило подбоченилась, такъ легко начала подпрыгивать и въ лѣво и въ право, что сердце Василія Ивановича вздрогнуло и

ноги едва не отказались. Но вдругъ онъ оправился, и съ такимъ неистовымъ вдохновеніемъ пустился въ присядку, такія началъ выдѣлывать ногами штуки, что комната потряслась отъ рукоплесканій, и нѣкоторые подгулявшіе собесѣдники начали даже притопывать и припѣвать, улыбаясь другъ передъ другомъ.

Василій Ивановичъ, задыхаясь, подошелъ къ пристыженной отъ общаго восторга красавицѣ.

«Ахъ!» сказалъ онъ : «лихо изволите...»

Молодая дѣвушка еще болѣе зардѣлась.

— Помилуйте-съ, — отвѣчала она шопотомъ.

Эти слова и этотъ вечеръ остались навсегда памятны и для Василія Ивановича и для Авдотьи Петровны.

Василій Ивановичъ влюбился не на шутку. Влюбилась ли также Авдотья Петровна — неизвѣстно и вѣроятно останется вѣчной тайной. Въ послѣдствіи, когда, уже сдѣлавшись счастливымъ супругомъ, и разспрашивалъ ее про то Василій Ивановичъ, она только улыбалась, приговаривая: «Ну, перестань же, балагуръ ты этакой!...»

Послѣ памятнаго казачка, всѣ прелести супружеской жизни, всѣ очарованія Авдотьи Петровны неотлучно преслѣдовали Василія Ивановича самыми заманчивыми картинами. Въ душу его вкралась нѣжная мысль и наконецъ до того имъ овладѣла, что онъ превозмогъ страхъ и робость и отправился въ Мордасы испросить родительское благословеніе. Однако же попытка ему не удалась. Отецъ отвѣчалъ ему коротко и ясно. «Вишь, щенокъ, что̀ затѣялъ. Еще на гу-

бахъ молоко не обсохло, а ужь о бабѣ думаетъ. — Послать сюда Матрешку.»

Явилась Матрешка босоногая, въ затрапезномъ роброндѣ, въ газовомъ испачканномъ токѣ, съ перьями и цвѣтами. Съ отвратительными улыбками начала она присѣдать и говорить разныя исковерканныя французскія слова, съ примѣсью нѣкоторыхъ ужь черезъ-чуръ русскихъ.

«Вотъ тебѣ невѣста» сказалъ Иванъ Федотовичъ. Послѣ чего выпилъ онъ стаканъ травничка и на длинныхъ дрогахъ отправился въ поле.

Отъ матери Василій Ивановичъ получилъ почти то же привѣтствіе. Воля мужа была ей закономъ. Даромъ что пьяница, думала она, а все-таки мужъ. Такъ думали въ старину.

Василій Ивановичъ возвратился, повѣся носъ, въ Казань.

Теперь читатель въ полномъ правѣ ожидать сильнаго анекдота, несчастной любви, тайнаго брака, можетъ-быть похищенія и какого-нибудь проклятія. Къ-сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось. Въ старину дѣти раболѣпно повиновались родителямъ. Да къ тому же, Авдотья Петровна была дѣвушка умница, по тогдашнимъ понятіямъ, дѣвушка воспитанная, рукодѣльница, то-есть никуда не выходила, кромѣ въ церковь, а сидѣла цѣлый день съ дѣвками, плела кружева, низала бисеромъ и слушала подблюдныя пѣсни. О томъ уже и не упоминается, что секунд-майоръ Крючкинъ съ своей стороны преисправно бы отдубасилъ заслуженною тросточкой всякаго незаконнаго покусителя на сердце и покой единственной дочери.

Положеніе Василія Ивановича было самое горемычное. Онъ не имѣлъ даже утѣшенія сдѣлаться пьяницей, не чувствуя наслѣдственной наклонности къ горячимъ напиткамъ. Нрава былъ онъ не буйнаго; онъ не роптал противъ судьбы, а грустилъ и смирялся въ простотѣ душевной. Ходилъ онъ только частехонько ко всенощной, украдкой поглядывалъ на свою красавицу, вздыхалъ, пыхтѣлъ, разнѣживался и возвращался домой. Однакоже, ни одна порочная мысль не заронилась въ его непорочной душѣ, ни раза не подумалъ онъ даже о возможности ослушаться родительскаго приказанія или внушить предмету любви своей незаконное чувство.

Такъ протянулись мрачно три года. — Новый случай вдругъ перемѣнилъ жизнь Василія Ивановича. Однажды получилъ онъ странное письмо церковнаго слога и почерка. Письмо было отъ сельскаго священника и увѣдомляло Василія Ивановича, что Иванъ Федотовичъ при смерти боленъ. Василій Ивановичъ въ ту же минуту послалъ за лошадьми и поскакалъ въ Мордасы. Жалкую перемѣну, печальную картину нашелъ онъ въ отцовскомъ жилищѣ. Приживалки и кумушки ревѣли по разнымъ комнатамъ. Дураки вдругъ сдѣлались разумными и сбросили уродливые наряды. Умирающій, жертва необузданной наклонности, лежалъ уже на смертномъ одрѣ, и жалобно стоналъ и тихо каялся. Святая таинственность страшнаго предсмертнаго часа разбудила наконецъ голосъ совѣсти и направляла душу къ настоящей стезѣ, отъ которой невѣжество, тунеядство, привычка и примѣръ отклоняли грѣшника въ теченіе цѣлой его жизни. «Вася», говорилъ онъ,

«Вася, во мнѣ горитъ что-то... Мнѣ душно, мнѣ больно, Вася... Виноватъ я передъ тобой! Прости меня, Вася, не проклинай моей памяти. Не воспиталъ я тебя какъ долженъ былъ Богу и Государю... Будутъ у тебя дѣти, Вася, — воспитывай ихъ въ страхѣ Божіемъ, обучай наукамъ, служить заставь... Тяжкій мой грѣхъ... Не позволяй, Вася, дѣтямъ ругаться надъ людьми бѣдными и слабыми; не обращай братьевъ твоихъ въ позорище, не тяни изъ нихъ крови христіанской... Все припомнится въ послѣднюю минуту. Вѣрь мнѣ, Вася. Тяжело умирать съ нечистой совѣстью. Душно мнѣ, Вася... Вася, Вася прости меня...» И Вася, стоя на колѣняхъ, тихо рыдалъ у изголовья умирающаго, и священникъ творилъ молитву надъ ложемъ страданія, среди оцѣпенѣвшей дворни. Долго продолжалась борьба жизни съ смертью. Долго мучился и томился больной. Наконецъ, онъ умеръ. Домъ наполнился крикомъ и стенаніемъ. Все селеніе провожало покойника до послѣдней его обители. Приживалки и кумушки вопили страшными голосами, приговаривая затверженныя рѣчи... «Батюшка, кормилецъ, Иванъ ты нашъ Федотычъ, на кого ты насъ покинулъ!... Какъ будетъ намъ жить безъ тебя!... Кто будетъ поить, кормить насъ круглыхъ сиротъ, кто хлѣбъ доставать! Вѣкъ намъ надъ тобой плакаться, вѣкъ не утѣшиться... Пропала наша головушка!...» Все это сопровождалось визгомъ и притворнымъ, весьма отвратительнымъ изступленіемъ... Но при послѣднемъ прощаньи, на многихъ лицахъ изобразилось истинное горе. Любовь мужика къ барину, любовь врожденная и почти

неизъяснимая, пробудилась во всей силѣ. По многимъ крестьянскимъ бородамъ покатились крупныя слезы и, по едва понятному чувству великодушнаго самоотверженія, даже бѣдные дураки, вѣчно осмѣянные, вѣчно мучимые покойникомъ, неутѣшно плакали надъ свѣжей его могилой.

Прошелъ годъ грустнаго траура. Во все время освященнаго обычаемъ срока, Василій Ивановичъ, сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ имѣнія, ни раза не посмѣлъ и подумать о милыхъ сердцу замыслахъ. Но годъ прошелъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Василій Ивановичъ, не смотря на душевную скуку, становился удивительно толстъ. «Пора бы тебѣ, батюшка, Василій Ивановичъ», говаривали ему нерѣдко старые мужики: «и хозяюшкой обзавестись. Полно тебѣ бобылемъ-то маяться.» — Что же, Васинька, въ-самомъ-дѣлѣ, сказала однажды Арина Аникимовна: — я стара становлюсь. А чтò за хозяйство безъ хозяйки! — Василій Ивановичъ только того и ожидалъ. Выкатили изъ сарая тарантасъ, помолились, позавтракали, да и отправились въ Казань. — Авдотья Петровна все еще была въ дѣвушкахъ, даромъ, что въ женихахъ не было недостатка. По пріѣздѣ въ Казань, сейчасъ же послали за свахой. Явилась болтливая сваха съ повязаннымъ на головѣ платкомъ. Нѣсколько дней сряду таскалась сваха изъ дома Василія Ивановича къ дому Авдотьи Петровны и обратно, носила съ собой рядную, т. е. подробные списки о приданомъ, образами, натурой, деньгами, тряпками и т. д. Арина Аникимовна на все дѣлала собственноручныя замѣчанія, чего мало, чего не надо, и чего до-

статочно. Наконецъ, былъ назначенъ день для свиданія молодыхъ людей. При этомъ памятномъ свиданіи, Василій Ивановичъ и Авдотья Петровна поочередно краснѣли и блѣднѣли, не говоря ни слова. За то сваха неумолкно и премило шутила, злодѣйски запуская разные намеки и обиняки на счетъ пристыженной четы. Секунд-майоръ смѣялся отъ души, и весьма развязно разговаривалъ съ Ариной Аникимовной о цѣнѣ хлѣба, объ ожидаемомъ умолотѣ, о враждебномъ ѳзими червячкѣ и о прочихъ принадлежностяхъ сельской политики. Спустя нѣсколько дней, молодыхъ людей благословили, отслужили въ соборѣ молебень и начали готовиться къ свадьбѣ. Въ старые годы, приготовленія къ свадьбѣ не сопровождались, какъ ныньче, совершеннымъ разореніемъ. Не заказывали сверкающихъ каретъ, въ которыхъ ѣздить не прійдется, не выписывали шляпокъ изъ Парижа, а давали чистыя деньги, деревни не заложенныя. Накануне дня, назначеннаго для брака, притащился къ дому Василія Ивановича огромный рыдванъ, изъ котораго вынесли сперва Божьяго милосердія нѣсколько образовъ въ окладахъ, потомъ начали таскать розовыя перины, подушки, сундуки съ бѣльемъ, издавна ужь къ свадьбѣ заготовленнымъ, самоваръ, серебро и нѣсколько платьевъ съ прегадкими кружевами. Оныя кружева плела себѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, съ дѣвушками сама Авдотья Петровна на приданое, и вѣрно не разъ задумывалась она надъ работой, невольно одолѣваемая сладкимъ страхомъ при мысли о своей туманной дѣвичьей судьбѣ. Арина Аникимовна все пересчитала и приняла собственноручно, потомъ подписала рядную

и подарила свахѣ московской шелковой довольно легонькой матеріи на платье. Свадьбу праздновали со всевозможной пышностью. Обрядъ совершалъ соборный протоіерей. Посаженнымъ отцомъ у молодой былъ самъ намѣстникъ. Въ цѣломъ городѣ только и было рѣчей, что̀ о пышномъ ужинѣ, который задалъ на славу Василій Ивановичъ. Выпито было семь бутылокъ шампанскаго и военная музыка играла за столомъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ торжественнаго дня, Василій Ивановичъ, поблагодаривъ всѣхъ и каждаго, раскланявшись и распростившись съ цѣлымъ городомъ, посадилъ молодую свою супругу въ новый тарантасъ и отправился въ деревню. На границѣ помѣстья, всѣ мужики, стоя на колѣняхъ, ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и солью. Русскіе крестьяне не кричатъ виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, но тихо и трогательно выражаютъ свою преданность; и жалокъ тотъ, кто видитъ въ нихъ только лукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ, и не вѣруетъ въ ихъ искренность. Какъ бы то ни было, съ того времени, какъ Василій Ивановичъ женился, каждый его мужикъ радовался, какъ-будто бы женился самъ. «Вотъ и хозяйка у насъ», говорили они. «Вотъ не одни мы, слава Богу! Много имъ лѣтъ здравствовать.» И старый и малый отправились бѣгомъ въ церковь, чтобъ выслушать молебенъ, чтобъ разсмотрѣть хорошенько молодую. Старый священникъ со слезами на глазахъ вынесъ изъ алтаря крестъ, къ которому приложились новобрачные. На всѣхъ устахъ шевелилась молитва, на всѣхъ лицахъ сіяла радость, радость неподдѣльная. И все это было просто, безъ приготовленія, безъ громкихъ изъ-

*

явленій, безъ глупыхъ рѣчей. Василій Ивановичъ ввелъ свою хозяйку въ сѣренькій помѣщичій домикъ. Арина Аникимовна благословила ихъ образомъ у порога, и Василій Ивановичъ зажилъ новой жизнью.

И надо ему отдать справедливость. Онъ хотя не уничтожилъ вовсе существовавшій при отцѣ порядокъ, но по-крайней-мѣрѣ измѣнилъ его во многомъ: шутовъ отослалъ въ столярную, кучера посадилъ на козлы, а самъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ травничка въ день, одну передъ обѣдомъ, другую передъ ужиномъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобъ онъ вооружался правилами грозной нравственности и барабанилъ громкими словами. Совсѣмъ нѣтъ. То, что̀ занимало и тѣшило Ивана Федотовича, не казалось ему отвратительнымъ, а только не занимало и не тѣшило его вовсе. Онъ понималъ, что можно быть пьяницей, только самъ напиваться не любилъ. Онъ понималъ, что можно забавляться дураками, только самъ не находилъ въ нихъ ничего смѣшнаго. Словомъ, онъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ, не по убѣжденію, а такъ-себѣ, потому-что иначе было бы ему какъ-то неловко и непріятно. Съ одной стороны, онъ помнилъ живо послѣднее, страшное поученіе умирающаго отца, а съ другой стороны просвѣщеніе, которое незамѣтнымъ образомъ распространяется повсюду, заглядывая въ села и деревни, не миновало Мордасъ и стало исподоволь подкрадываться къ Василію Ивановичу, заговаривая съ нимъ не европейскими пустыми изреченіями, а понятнымъ ему языкомъ. Такимъ образомъ, понялъ онъ, что собственное

его благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія его крестьянъ, и тогда занялся онъ всѣми силами добрымъ дѣломъ и безъ того милымъ его мягкосердому свойству. Онъ началъ, правда, управлять по русской методѣ, по опыту старожиловъ, безъ агрономическихъ фокусовъ, безъ филантропическихъ усовершенствованій, но помѣщикъ понималъ мужика, мужикъ понималъ помѣщика, и оба стремились, безъ насильственныхъ толчковъ, а правильно и постепенно, къ цѣли усовершенствованія. Василій Ивановичъ былъ человѣколюбивъ и правосуденъ. Крестьяне стали обожать его, уже не по долгу, имъ привычному, но изъ святой благодарности. У Василія Ивановича родились дѣти. Онъ началъ ихъ воспитывать не хитро, но ужь не такъ, какъ самъ былъ воспитанъ. Для нихъ выписанъ былъ студентъ изъ семинаріи, который обучалъ ихъ и исторіи, и географіи, и многому, о чемъ Василій Ивановичъ и понятія не имѣлъ. Старшій сынъ, по наступленіи одиннадцати лѣтъ, былъ отправленъ сперва въ губернскую гимназію, а потомъ въ Московскій Университетъ. Василій Ивановичъ понималъ, самъ не знаю почему, что въ хорошемъ воспитаніи таится не только нравственный зародышъ жизни каждаго человѣка, но и тайное начало благоденствія и жизни всякаго государства.

Со всѣмъ тѣмъ, Василій Ивановичъ былъ изъ числа самыхъ прозаическихъ помѣщиковъ. Старые сосѣди говорили о немъ, что онъ продувная шельма, а молодые, что онъ пошлый дуракъ. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ просто и понынѣ, что называется, человѣкъ стараго покроя. На дворянскихъ сходби-

щахъ, куда онъ является только въ необыкновенные случаи, говоритъ онъ весьма неостроумно, но говоритъ дѣльно, согласно понятію большинства. Предлагали ему служить по выборамъ, но онъ отклонилъ подобное предложеніе, во-первыхъ, какъ говорилъ онъ, по поводу физики, черезъ-чуръ неповоротливой, а во-вторыхъ потому, что въ низшихъ должностяхъ боялся отвѣтственности, а высшихъ не почиталъ себя достойнымъ. Живетъ онъ себѣ лѣтъ тридцать въ деревнѣ почти безотлучно, толстѣетъ съ каждымъ годомъ, чрезвычайно любитъ ѣздить на рыбную ловлю, гдѣ онъ можетъ лежать на берегу, пока рыбаки забрасываютъ неводъ на его счастье, или на счастье всѣхъ дѣтей его поочередно. Кушаетъ онъ удивительно много и охотно, и Авдотья Петровна каждый день придумываетъ ему какой-нибудь сюрпризъ, то кулебяку съ вязигой, то окорокъ на славу, то рыбу огромной величины, на каковой случай сзываются и нѣсколько сосѣдей. «Василій Ивановичъ проситъ-де откушать рыбки, что̀ поймалъ у него рыбакъ.» И сосѣди восхищаются рыбкой, мѣрятъ ее, сравниваютъ съ другими извѣстными рыбами, и Василій Ивановичъ улыбается и очень доволенъ и собой и рыбкой и жизнью. Послѣ обѣда ѣдятъ варенье общей ложечкой, выпиваютъ иногда по рюмкѣ наливочки, потомъ ложатся отдохнуть, потомъ ѣздятъ на длинныхъ дрогахъ посмотрѣть на о̀зими или на яровинку, потомъ снова ложатся спать уже на цѣлую ночь. Въ карты Василій Ивановичъ не играетъ. Утромъ повѣряетъ онъ работы, дѣлаетъ разводку, ѣздитъ на мельницу или на молотильню, но ходитъ пѣшкомъ

не любитъ и рѣшается на такой подвигъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, во время крестнаго хода, напримѣръ, или когда плотину прорветъ.

Арина Аникимовна давно уже скончалась въ поздней старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, она ослѣпла и тихо сошла въ могилу, гдѣ схоронили ее рядомъ съ Иваномъ Федотовичемъ.

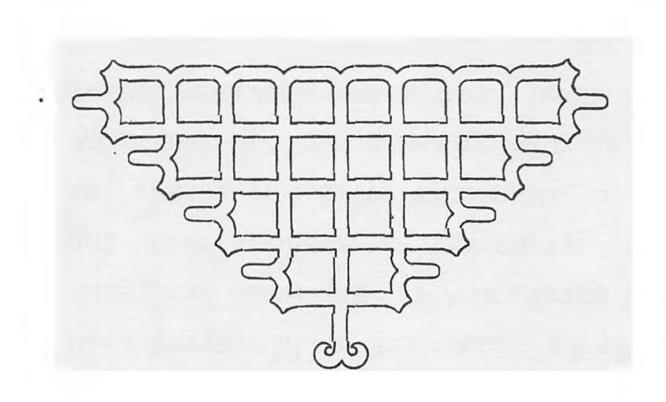
Авдотья Петровна давно уже сдѣлалась толстой и довольно крикливой барыней. Впрочемъ, она любитъ и уважаетъ Василія Ивановича, хотя не съ прежнею безусловною покорностью. Она тоже имѣетъ вѣсъ и голосъ въ управленіи и хозяйствѣ, и, чтобъ высказать всю истину, надо сознаться, что Василій Ивановичъ ея немного даже побаивается. Ей вполнѣ предоставлены, для пріятнаго разсѣянія, всѣ заботы о скотномъ дворѣ, птичникѣ и рукодѣльной промышлености дворовыхъ женщинъ. Авдотья Петровна любитъ гадать въ карты, слушать сплетни дворовыхъ старухъ и пріобрѣла въ околодкѣ немалую славу особымъ искусствомъ, съ которымъ она солитъ огурцы, перекладывая ихъ какими-то листьями.

Впрочемъ, ни она, ни мирный ея супругъ ни одного раза, въ теченіи тридцатилѣтняго супружества, не пожалѣли о своемъ выборѣ, ни одного раза супружеская ихъ вѣрность не нарушилась, и ни одна непріязненная мысль, ни одно ядовитое слово ни раза не коснулись ихъ непрерывнаго согласія.

Такъ текла, такъ течетъ безстрастная, тихая жизнь толстаго помѣщика. Въ-продолженіе тридцатилѣтняго пребыва-

нія въ деревнѣ, раза два былъ онъ въ Москвѣ, разъ пять въ губернскомъ городѣ, да каждый годъ, около иванова-дня, отправляется онъ на ближнюю ярмарку.

Вотъ все, что̀ можно было, въ угоду читателя, почерпнуть изъ біографіи Василія Ивановича.

НѢЧТО О ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ.

Тридцать лѣтъ послѣ рожденія Василія Ивановича, въ сосѣдней деревнѣ родился Иванъ Васильевичъ.

Мать Ивана Васильевича была московская княжна, княжна, впрочемъ, не древняго русскаго рода, а какого-то страннаго именованія и,

какъ кажется, недавняго восточнаго происхожденія. Какъ бы то ни было, она была княжна отъ ногъ до головы и процвѣтала въ Москвѣ въ ту блаженную эпоху, когда всѣ молодыя дѣвушки, а въ особенности княжны, узнали впервые на Руси всю прелесть французскихъ романовъ, обычаевъ и модъ. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что было время, когда наши дамы стыдились говорить по-русски и коверкали нашъ языкъ самымъ немилосердымъ образомъ, чего, не въ укоръ будь имъ сказано, еще и понынѣ замѣтны нѣкоторые слѣды. Тогда у насъ Францоманія владѣла всѣмъ нашимъ первостепеннымъ дворянствомъ, которое, слѣдуя всегдашней тайной слабости, вздумало-было тѣмъ отдѣлиться отъ второстепеннаго. Но, по принятому правилу, второстепенное сейчасъ же послѣдовало за первостепеннымъ, чтобъ попасть подъ тотъ же разрядъ, а за ними и прочія степени. Неизвѣстно, къ какой собственно изъ этихъ послѣдующихъ степеней принадлежала княжна, но такъ какъ никто не оспоривалъ ея сіятельности, то она и приписывала себя къ высшему слою общества, а въ-слѣдствіе того носила до невѣроятія короткія таліи, причесывалась по-гречески, читала Грандиссона, аббата Прево, madame Riccoboni, madame Radcliff, madame Cottin, madame Souza, madame Staël, madame Genlis, и объяснялась не иначе, какъ на французскомъ языкѣ съ нянькой Сидоровной и буфетчикомъ Карпомъ. Сидоровна плакала, что ребенка ея сглазили и испортили; буфетчикъ Карпъ отвѣчалъ на все: «слушаю-съ!», а старая княгиня, утопая вмѣстѣ съ моськой въ неподвижной дородности, твердила

наизусть французскій лексиконъ и радовалась, что Богъ наградилъ ее такою воспитанной княжною. Впрочемъ, вліяніе на насъ Франціи въ то время было весьма понятно. Наполеонъ потрясалъ съ боку на бокъ всю Европу, и Россія, охотница до всякой удали, дивилась со стороны чудному человѣку. Но когда дѣло дошло до насъ, всѣ наши Французы заговорили по-русски. Чувство народности, чувство народной любви къ Государю и отечеству, это основное, неискореняемое начало русской жизни, вдругъ сбросило личину, и цѣлый край поднялся безъ шума, грознымъ исполиномъ. Врага встрѣтили съ мечомъ и огнемъ и пожаръ Москвы освѣтилъ настоящимъ свѣтомъ русскія чувства. Въ эту памятную годину, всякій жертвовалъ чѣмъ могъ, кто жизнію, кто дѣтьми, кто достояніемъ, и никому не пришло въ голову просить себѣ за то возмездія или награды, чему мы видѣли потомъ столько примѣровъ въ прославленной нами Франціи.

Княжна и княгиня отправились въ Казань, въ огромномъ рыдванѣ, уложивъ въ него бо́льшую часть своей движимости. Все остальное сгорѣло въ Москвѣ вмѣстѣ съ домомъ.

Французовъ прогнали, но княгиня разсудила, что возвращаться ей на пепелище, заводить новый барскій домъ, съ штофными гостиными и загаженной передней, — затруднительно и утомительно, по случаю ея тучности и преклонныхъ лѣтъ. Въ-слѣдствіе сего, поселилась она въ Казани, къ великому неудовольствію княжны. Княжна важничала, брезгала

провинціальнымъ обществомъ и неуклюжими молодыми людьми. Разумѣется, такой образъ мыслей навлекъ на нее общее негодованіе; губернскіе остряки распустили на ея счетъ самые забавные анекдоты; барыни относились о ней крайне недоброжелательно, хотя и подражали раболѣпно ея нарядамъ. Княжна скучала, и, что̀ хуже, старѣлась. Оставаться старой дѣвушкой, хоть и княжной, какъ ни притворяйся, никогда не покажется утѣшительнымъ. Бросившіеся-было къ ней женихи, распознавъ, что у ней шесть или семь братьевъ, и что приданое ея заключается во французскомъ языкѣ, вдругъ почувствовали къ ней отвращеніе и быстро скрылись въ разсыпную. Наконецъ, отъискался какой-то безсловесный помѣщикъ изъ числа колпаковъ, — который, ослѣпленный княжескимъ сіяніемъ, предложилъ княжнѣ руку и деревню. Княжна приняла деревню, а по необходимости и руку въ добавокъ. Помѣщикъ не былъ похожъ, какъ представить можно, на Малекъ-Аделя или на Eugène de Rothelin, не былъ похожъ даже на лютаго тирана, а скорѣй на сурка: ѣлъ, спалъ, да рыскалъ цѣлый день по полю.

Отъ этого брака родился Иванъ Васильевичъ.

Разумѣется, положено было воспитать его на славу, чтобъ сынъ отнюдь не былъ олухомъ, какъ батюшка, и какъ только началъ онъ подростать, сейчасъ же принялись отъискивать французскаго гувернера. Всѣмъ извѣстно, что Французы долго мстили намъ за свою неудачу, оставивъ за собою несмѣтное количество фельд-фебелей, фельдшеровъ, сапожниковъ,

которые, подъ предлогомъ воспитанія, испортили на Руси едва-ли не цѣлое поколѣніе. Эту жалкую саранчу не слѣдуетъ, однако, сравнивать съ эмигрантами, которые все-таки были получше, пообразованнѣе, хотя немногимъ и они отплатили за русское гостепріимство, укрывавшее ихъ отъ ужасовъ французскаго возмущенія.

Къ счастію Ивана Васильевича, наставникъ его, monsieur Leprince, не былъ изъ числа самыхъ площадныхъ азбучныхъ ремесленниковъ. Онъ принадлежалъ къ какой-то политической партіи, и, какъ разсказывалъ, былъ жертвою важныхъ переворотовъ, лишившихъ его значительнаго состоянія, не объясняя, впрочемъ, никому, что состояніе это заключалось въ табачной лавочкѣ. Онъ былъ даже не совершенно безъ образованія, но, разумѣется, какъ Французъ, съ образованіемъ одностороннимъ и хвастливымъ; онъ ничего не понималъ и не признавалъ внѣ Франціи и всѣ открытія, всѣ усовершенствованія, всѣ успѣхи приписывалъ своевольно Французамъ. Такой образъ мыслей, разумѣется, можетъ быть весьма похваленъ для природнаго Парижанина, но, кажется, вовсе не нуженъ для казанскаго уроженца. Кромѣ того, monsieur Leprince былъ весьма любезенъ съ дамами, писалъ довольно гладкіе стишки съ остротой или съ мадригаломъ при концѣ, говорилъ про все то, чего не зналъ, весьма бѣгло и красиво, любилъ иногда съ важностью замолвить глубокомысленное словечко о судьбахъ человѣчества и съ гордой откровенностью безпрестанно твердилъ, что онъ сдѣлался на-

ставникомъ только по необходимости, но что онъ вовсе не рожденъ для подобнаго назначенія.

Мать Ивана Васильевича чрезвычайно радовалась такой прекрасной находкѣ. Злые языки даже распускали въ уѣздѣ на ея счетъ довольно неотрадные для супруга ея слухи. Впрочемъ, слухи эти были, можетъ-быть, не что иное, какъ клевета.

На тринадцатомъ году, Иванъ Васильевичъ зналъ, что Расинъ первый поэтъ въ мірѣ, а Вольтеръ такая тьма мудрости, что страшно подумать. Онъ зналъ, что былъ вѣкъ, озарившій цѣлый свѣтъ своей могучей литературой — вѣкъ Лудовика XIV-го; что послѣ этого вѣка былъ еще другой вѣкъ, вѣкъ Лудовика XV, немного по слабѣе, но тоже изумительный. Иванъ Васильевичъ зналъ на-перечетъ всѣхъ писакъ того времени. Надо отдать ему справедливость, что онъ нерѣдко зѣвалъ, читая ихъ образцовыя сочиненія, но monsieur Leprince, подсмѣиваясь надъ тупой его природой, предсказывалъ ему, что въ-послѣдствіи онъ постигнетъ, можетъ-быть, недоступныя ему красоты. Сверхъ-того, Иванъ Васильевичъ обучался латинскому языку по ломондовской грамматикѣ, хотя довольно неудачно; кое-что запомнилъ изъ «Всеобщей Исторіи Аббата Миллота», пѣлъ беранжеровскія пѣсни и описывалъ довольно правильно на французскомъ языкѣ восхожденіе солнца. О неизвѣстныхъ же ему предметахъ, monsieur Leprince относился весьма легко, давая чув-

ствовать, что онъ ихъ хотя и изучалъ до-нѣльзя, но что они не заслуживаютъ никакого вниманія.

Иванъ Васильевичъ былъ мальчикъ совершенно славянской породы, то-есть лѣнивый, но бойкій. Воображеніемъ и смѣтливостью часто замѣнялись у него добросовѣстный трудъ и утомительное вниманіе. Ученикъ скоро истощилъ ученый запасъ учителя; но учитель, какъ истый Французъ, никакъ не понималъ своего невѣжества и продолжалъ-себѣ преподавать и растягивать всякій вздоръ подъ прикрытіемъ громкихъ названій. «Поймите сперва хорошенько Корнелія Непота, говорилъ онъ своему питомцу, а тамъ мы пріймемся за Горація.» Но, къ сожалѣнію, monsieur Leprince самъ Горація-то не понималъ, отъ-чего и Иванъ Васильевичъ остался на всю жизнь свою при Корнеліи Непотѣ. Года два или три сидѣлъ Иванъ Васильевичъ на французскомъ синтаксисѣ, изучая и забывая поочередно всѣ своевольные обороты болтливаго языка. Потомъ нѣсколько лѣтъ сряду изучалъ онъ французскую реторику, составлялъ разныя фигуры, тропы, амплификаціи, витіиватые обороты рѣчей и т. п. «Узнайте сперва хорошенько реторику», говорилъ monsieur Leprince, «а тамъ дойдемъ мы и до философіи». Но реторика длилась до безконечности и по извѣстнымъ причинамъ до философіи никогда не дошли. Еще забылъ я сказать, что Иванъ Васильевичъ зналъ наизусть генеалогію всѣхъ французскихъ королей, названія многихъ африканскихъ и американскихъ мысовъ и городовъ, терялся въ дробяхъ, какъ въ омутѣ, и довольно

нахально началъ судить, по примѣру наставника, о многихъ книгахъ, и о всѣхъ наукахъ, руководствуясь одними заглавіями. Мать Ивана Васильевича, урожденная княжна, утопала въ восторгѣ, когда сынокъ приносилъ ей въ праздничный день поздравительное сочиненіе, наполненное реторическими тропами или, чего добраго, иногда и вколоченное въ стихосложный размѣръ. Monsieur Leprince, въ уваженіе такихъ заслугъ, былъ почти хозяиномъ дома, приказывалъ и распоряжался во всѣ стороны, держалъ своихъ лошадей, частехонько для разсѣянія ходилъ на прядильную фабрику, толстѣлъ, наживался и наконецъ началъ торговать изъ-подъ руки хлѣбомъ. Послѣ чего, набивъ карманы, раскланялся онъ на всѣ четыре стороны и уѣхалъ во Францію разсказывать про насъ всякія небылицы и печатать брошюры о тайнахъ русской политики и о личныхъ достоинствахъ нашихъ государственныхъ людей.

Никто, однако, не разсудилъ, что Ивану Васильевичу не засѣдать въ Камерѣ Депутатовъ, не быть республиканцемъ или роялистомъ, не гулять вѣкъ на итальянскомъ бульварѣ, а что суждено ему служить въ Министерствѣ Юстиціи или Финансовъ; что Божіею волею прійдется ему имѣть во владѣніи триста душъ безграмотныхъ крестьянъ, которые всю надежду свою будутъ полагать на него и о которыхъ онъ, вѣроятно, ни раза не подумаетъ, разумѣется, исключая тѣ случаи, когда понадобится получать съ нихъ доходъ. Ивану Васильевичу все разсказали и объяснили, кромѣ того, что̀

у него было подъ носомъ. Онъ видѣлъ господскій домъ довольно гадкій, избы довольно гнилыя, церковь довольно ветхую; но никто не объяснилъ ему, какъ начались, какъ образовались, какъ дошли до настоящаго положенія этотъ домъ, эти избы, эта церковь. Русская исторія, русская жизнь, русскій законъ остались для него какимъ-то варварскимъ баснословіемъ, и, благодаря безтолковому направленію, русскій ребенокъ выросъ Французикомъ, въ степной деревнѣ, въ самомъ русскомъ захолустьѣ. Въ уѣздѣ выставляли вздорнаго парня за настоящее чудо и счастливая его мать въ наслажденіяхъ, доставляемыхъ сыномъ, забывала даже скуку, доставляемую отцомъ.

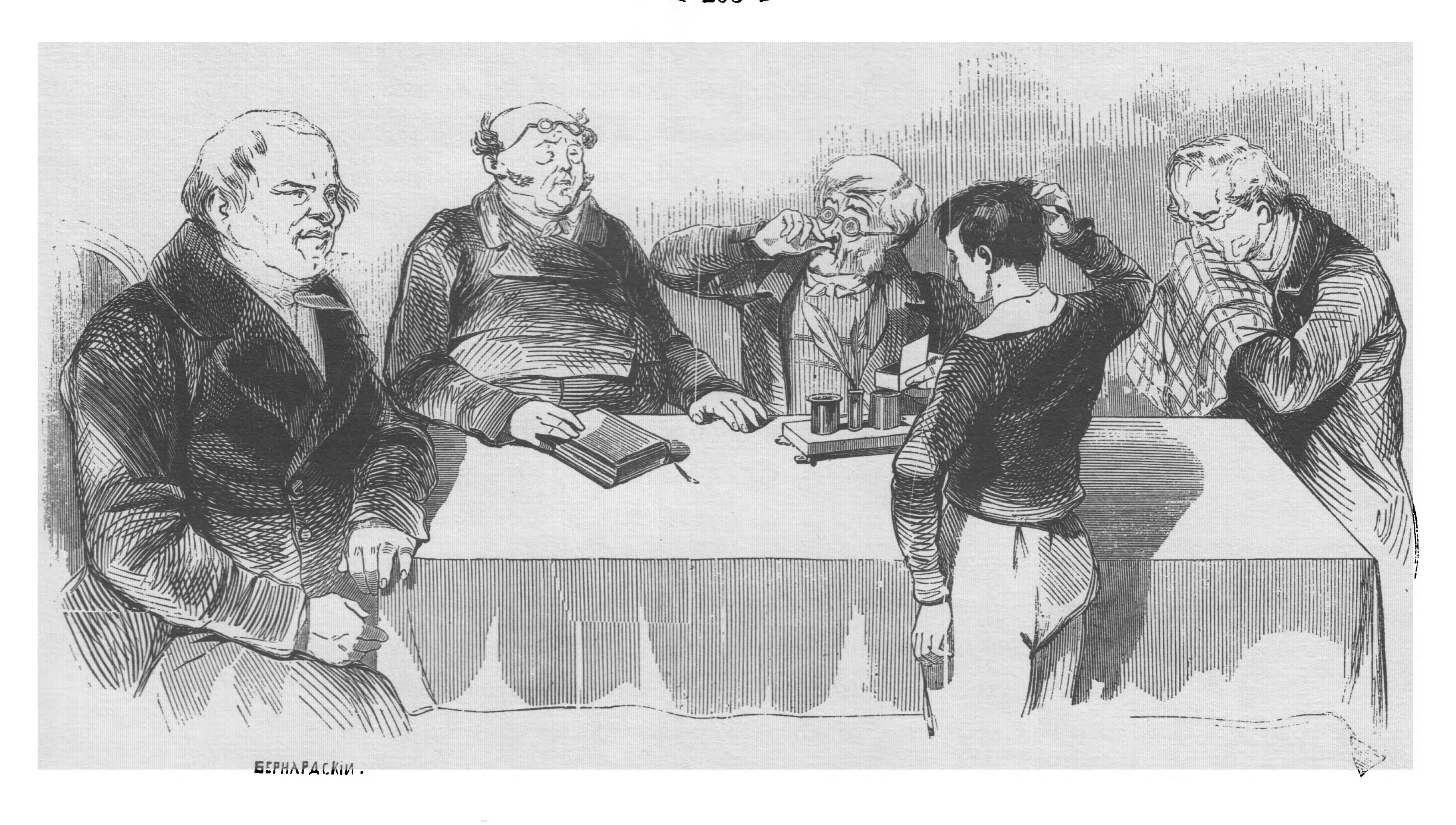
Нельзя, впрочемъ, слишкомъ-строго укорять ее въ слабости, почти общей всему нашему дворянскому сословію. И теперь, когда въ высшемъ нашемъ кругу, среди стольких русскихъ именъ, встрѣчаешь такъ мало русскихъ сердецъ и въ особенности такъ мало русскихъ умовъ, невольно подумаешь о полученномъ воспитаніи и вмѣсто гнѣва въ душѣ раждается сожалѣніе.

Въ одно печальное утро мать Ивана Васильевича скончалась и сурокъ нашелся въ самомъ затруднительномъ недоумѣніи. Куда дѣвать сына? Такъ какъ малому не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ, то въ службу отдавать его было еще рано, а выписывать новаго Француза— слишкомъ-поздно. По общему совѣщанію съ сосѣдями, рѣшили отправить Ивана Васильевича. въ какой-то частный петербургскій пансіонъ. Такъ и сдѣлано.

26

Пансіонъ отличался удивительной чистотой и порядкомъ. Полы были налощены воскомъ, на лавкахъ не замѣчалось ни одного чернильнаго пятна, а на лекціяхъ преподавалось несмѣтное множество различныхъ наукъ. Къ несчастію, между учащимися, невѣжество и нерадѣніе не почитаются за порокъ; напротивъ того, въ нихъ полагается что-то молодеческое, доказывающее самостоятельность возмужалаго возраста. Увлеченный ребяческимъ тщеславіемъ, Иванъ Васильевичъ сдѣлался совершеннымъ молодцомъ, затягивался во всѣхъ уголкахъ вакштафомъ до тошноты, пилъ водку, бѣгалъ по кандитерскимъ, хвасталъ какимъ-то мнимымъ пьянствомъ, занимался театральной хроникой, а на лекціяхъ училъ какіенибудь грязные или вольнодумные стихи. Словомъ, въ пансіонѣ набрался онъ какого-то страннаго, непокорнаго духа, обижался званіемъ школьника, учителей называлъ ослами, ругался надъ всякою святыней и съ лихорадочнымъ удовольствіемъ читалъ тѣ мерзкіе романы и поэмы, которыхъ и назвать даже нельзя. Такимъ-образомъ сдѣлался онъ дряннымъ повѣсой, смѣшнымъ и гадкимъ невѣждой, и даже тотъ скудный запасъ мелкихъ познаній, который сообщилъ ему monsieur Leprince, исчезъ въ туманѣ школьнаго молодечества.

Такъ погубилъ онъ самые лучшіе, самые свѣжіе годы жизни, когда душа еще такъ воспріимчива, такъ горячо и ясно удерживаетъ всякое впечатлѣніе. Наступила пора выпуска и экзамена. Экзаменъ заключался въ тридцати или сорока пред-

метахъ, не говоря объ изящныхъ искусствахъ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Иванъ Васильевичъ относился, разумѣется, весьма презрительно о ожидаемомъ испытаніи, и, какъ говорится на пансіонскомъ языкѣ, провалился съ перваго слова. Такой развязки и надо было ожидать. Однако Ивану Васильевичу было неимовѣрно досадно, и даже немного стыдно и другихъ и самого себя. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые хотятъ все знать, не учась ничему. Ему невыно-

симо обидно было глядѣть на двухъ или трехъ трудолюбивыхъ молодыхъ людей, надъ которыми весь классъ всегда смѣялся, которые никогда не были молодцами, и которые вдругъ сдѣлались предметомъ невольнаго уваженія, не только наставниковъ, но даже и самыхъ буйныхъ, самыхъ отчаянныхъ товарищей. Иванъ Васильевичъ опомнился и крѣпко призадумался. Не начать ли снова съ азбуки? Не приняться ли наконецъ за дѣло? Онъ чувствовалъ, что одаренъ понятливостью и памятью; предметы ясно обрисовывались въ его воображеніи, даже самыя отвлеченныя мысли при напряженіи могли отчетливо вкореняться въ его умѣ. Наконецъ, онъ даже по своей досадѣ почувствовалъ, что не рожденъ для безсмысленнаго разврата, а что въ немъ таится что-то живое, благородное, просящееся на свѣтъ, требующее дѣятельности, возвышающее душу. Еслибъ онъ послѣдовалъ внутреннему голосу, еслибъ онъ принялся самъ-себя перевоспитывать, то могъ бы еще сдѣлаться человѣкомъ полезнымъ, и во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ по твердости и настойчивости. Но ка̀къ начать учиться, когда нѣкоторые товарищи уже титулярные совѣтники и веселятся въ большомъ свѣтѣ? Давайте Ивану Васильевичу и службу и свѣтъ. — Онъ опредѣлился въ какое-то министерство, и горестно оплакивая свою школьную дурь, началъ служить горячо и старательно. Недостатокъ въ надлежащихъ для службы свѣдѣніяхъ, замѣнялъ онъ смѣтливостію и остроуміемъ. Его употребляли въ канцеляріи и въ откомандировкахъ, и онъ былъ усерденъ къ службѣ, какъ-будто желая загладить вину жал-

каго своего затмѣнія. Въ его усердіи даже было слишкомъ-много рвенія, потому-что онъ не могъ бы сохранить его постоянно въ одинакой силѣ. Многое дѣлалъ онъ даже совершенно не нужное и лишнее, отъ него вовсе не требуемое. Словомъ, онъ черезъ-чуръ завлекся службой и черезъ нѣсколько времени служба ему надоѣла. Ему показалось, что его заслугамъ не отдаютъ должной справедливости, что его не отличаютъ достаточно, а обходятъ въ представленіяхъ, что ему слѣдовало уже быть какимъ-нибудь важнымъ лицемъ. Рвеніе заколебалось и невѣжество, не прикрытое осторожностію, начало проглядывать. Трудолюбивые товарищи по пансіону, о которыхъ уже было помянуто, въ скоромъ времени его обогнали, потому-что и на службѣ, какъ въ ученьѣ, были они основательны и послѣдовательны. Иванъ Васильевичъ началъ-было сердиться, но вскорѣ позабылъ и гнѣвъ свой, потому-что вдругъ пересталъ думать о службѣ; и не мудрено... онъ былъ влюбленъ. Влюбился онъ по уши въ какую-то барыню, которая отличалась томнымъ взоромъ и страстною рѣчью. Сперва размѣнялись они неясными признаніями, потомъ размѣнялись колечками, наконецъ и взаимными клятвами любить вѣчно другъ друга. Иванъ Васильевичъ нѣсколько времени носился въ бурномъ небѣ страстныхъ мечтаній, но это, впрочемъ, не продолжалось долго. Страсть, его увлекающая, доходила съ раза до послѣднихъ границъ, а отъ самой силы своей скоро обезсилѣвала. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что красавица его томно заглядывается на какого-то гусара, и закипѣлъ ревностію. Мщеніе, злоба, кровь забунтовали въ его

головѣ. Къ счастію, сама красавица предупредила всѣ трагическія послѣдствія, вышедъ замужъ за такого богатаго урода, что и сердиться на него было невозможно. Для развлеченія, Иванъ Васильевичъ съ неистовствомъ окунулся въ свѣтскія удовольствія. Но въ этихъ удовольствіяхъ онъ не нашелъ даже и тѣни того, чего искалъ. Скука, бездѣйствіе, обманутое самолюбіе, какая-то свинцовая усталость давили его грудь. Онъ началъ проклинать безцвѣтность петербургской жизни, не понимая, что эту безцвѣтность носитъ въ себѣ. Иногда, пламенными урывками, увлекался онъ въ отрадный міръ поэзіи, читалъ и Данте, и Шиллера, и Байрона, и Шекспира, и сильной рукой отдергивалъ завѣсу, отдѣлявшую его отъ прекраснаго міра, такъ долго скрытаго его очамъ. Иногда углублялся онъ въ какую-нибудь заманчивую для него науку, но все это было случайно, нетвердо, лихорадочно. Открытая книга падала со стола, исписанный листъ не перевертывался. И теперь, какъ прежде, онъ принимался за все сгоряча, но горячность скоро проходила; онъ утомлялся и искалъ минутнаго разсѣянія, глупой забавы. Онъ понялъ тогда, что образованіе не заключается въ словахъ и числахъ, не въ множествѣ и подробностяхъ ученыхъ предметовъ, а въ способности заниматься полезно, въ строгой критикѣ жизни, въ строгомъ и терпѣливомъ исполненіи всякаго начатаго дѣла. Онъ сдѣлался истинно-жалкимъ человѣкомъ, не отъ-того, чтобъ положеніе его было несчастливое, но отъ-того, что онъ ни въ чемъ не могъ принимать долго участія, отъ-того, что онъ самъ собою былъ недоволенъ, отъ-того, что

онъ усталъ самъ отъ самого себя. Тогда началъ онъ догадываться, что есть какое-то высокое, прекрасное назначенiе въ наукѣ, которая подавляетъ ко дну души сомнѣнiе, безвѣрiе, страсти, томящiя боренiя, неизбѣжныя съ человѣческой природой. Безъ благодѣтельной науки, всѣ эти враждебныя начала выплываютъ на душевную поверхность, и жгутъ и бунтуютъ и губятъ беззащитную жизнь.

Въ такомъ безотрадномъ положенiи Иванъ Васильевичъ утѣшался, однакоже, отрадною надеждою отправиться за границу, воображая, что въ чужихъ краяхъ онъ легко прiобрѣтетъ познанiя, которыя не съумѣлъ прiобрѣсти въ отечествѣ. Вообще, слово «за границу» имѣетъ между нашей молодежью какое-то странное значенiе. Оно точно какъ-бы является ключемъ всѣхъ житейскихъ благъ. Больной спѣшитъ за границу, воображая, что у прусской заставы вдругъ сдѣлается здоровымъ. Живописецъ просится за границу, въ ожиданiи, что какъ онъ только влѣзетъ на Monte Pincio, такъ и будетъ Рафаэлемъ. Невѣжа, пролѣнившiйся цѣлый вѣкъ дома и пристыженный наконецъ своимъ незнанiемъ, беретъ мѣсто въ дилижансѣ и думаетъ, что потерянное время, вѣчная праздность, умственныя потемки больше ничего не значатъ: онъ ѣдетъ за границу.

Иванъ Васильевичъ отправился въ Берлинъ съ рекомендательными письмами ко всѣмъ знаменитостямъ Берлинскаго Университета. Первое его впечатлѣнiе за границей было самое неудовлетворительное, хотя онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, чего ожидалъ. Люди какъ люди.

Домà какъ домà. Улицы какъ улицы. И къ тому же люди поскучнѣе нашихъ, дома похуже нашихъ, улицы поуже нашихъ. Знаменитости, предъ которыми онъ готовился благоговѣть, произвели на него почти то же самое впечатлѣніе, какъ кассиръ его министерства или излеровскій маркеръ. У одной знаменитости былъ носъ толстый. У другой бородавка на щекѣ. Иванъ Васильевичъ побѣжалъ на лекціи, но тутъ замѣтилъ онъ съ прискорбіемъ, что въ немъ нѣтъ тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ всѣ послѣдующія не имѣютъ опоры. Къ тому же, онъ плохо зналъ по-нѣмецки и хотя и толковалъ о Гегелѣ и Шеллингѣ, но не понималъ ихъ вовсе и убѣдился, бѣдный, что ему или начинать съ гимназіи, или вѣкъ простоять передъ каѳедрой, какъ оглашенный у двери храма. Въ Германіи объяснилась ему тайна воспитанія. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь каждый человѣкъ, отъ мужика до принца, вращается въ своемъ кругѣ терпѣливо и систематически, не заносясь слишкомъ высоко, не падая слишкомъ низко. Онъ видѣлъ, какъ каждый человѣкъ выбираетъ себѣ въ жизни дорогу и идетъ-себѣ постоянно по этой дорогѣ, не заглядываясь на стороны, не теряя ни раза изъ вида своей цѣли. О, какъ проклялъ онъ тогда своего Француза-наставника, который именно цѣли-то и не далъ его бытію. Онъ чувствовалъ, что въ духовной жизни его не было связи, что онъ былъ не что иное, какъ отъ всего отчужденный ребенокъ, который для пустой игрушки вдругъ переходитъ отъ равнодушія къ восторгу, отъ восторга къ отчаянію. Ему показалось, что онъ отверженъ мыслящей и дѣйствующей

семьей человѣчества, что вѣчно суждено ему блуждать одному, забытому, осмѣянному въ туманномъ, непроницаемомъ мракѣ. Чтобъ утѣшиться хоть немного, началъ онъ колко смѣяться надъ Нѣмцами, надъ скучной и порядливой ихъ жизнью, надъ вѣчными вязаньями ихъ женъ, надъ ихъ пивомъ, клубами и обществами стрѣлковъ. Но недолго, впрочемъ, жилъ онъ съ Нѣмцами, и отправился въ Парижъ. Парижъ тѣмъ хорошъ, что разсѣетъ какую угодно хандру. Иванъ Васильевичъ вполнѣ увлекся этой вѣчно-бѣгущей толпой, которая постоянно спѣшитъ за чѣмъ-то и куда-то, никогда ничего не достигая. Онъ видѣлъ передъ собой собственную исторію въ огромномъ размѣрѣ: вѣчный шумъ, вѣчную борьбу, вѣчное движеніе, звонкія рѣчи, громкіе возгласы, безмѣрное хвастовство, желаніе выказаться и стать передъ другими, а на днѣ этой кипящей жизни тяжелую скуку и холодный эгоизмъ.

Долго шатался Иванъ Васильевичъ по всѣмъ представленіямъ парижскихъ игрищъ, начиная съ обѣихъ Камеръ. Однако, онъ не полюбилъ Парижа. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Вопреки судьбѣ, душа его просила чего нибудь по выше, по отраднѣе, и поѣздка въ Италію осталась, можетъ-быть, самой свѣтлой точкой, самымъ лучшимъ воспоминаніемъ его жизни. Тогда развилось къ немъ дотолѣ неизвѣстное ему чувство изящнаго. И не одна поэтическая чувственность искусства, какъ очаровательная красавица, обнажила передъ нимъ всѣ свои красоты. Въ Италіи искусство имѣетъ какую-то чудную, духовную сторону, кото-

рую нельзя выразить, но которая проникаетъ все бытіе. Въ Италіи, въ одной Италіи можно стоять цѣлые часы передъ зданіемъ, передъ изваяніемъ, передъ картиной. Душа оживляется безжизненнымъ предметомъ, и какъ-будто роднится съ нимъ, какъ-будто входитъ съ нимъ въ какое-то таинственное духовное сношеніе. Только въ Римѣ Иванъ Васильевичъ былъ совершенно спокоенъ духомъ. Ему бы совѣстно было и подумать о такой ничтожной пылинкѣ передъ колоссальнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ геніями искусства, надъ трупомъ человѣческаго честолюбія. Въ первое время, Иванъ Васильевичъ даже на улицахъ говорилъ въ-полголоса, какъ-бы передъ покойникомъ. Да и кто можетъ хладнокровно глядѣть на Аполлона, на Колизей или на площадь св. Петра, кто можетъ не задумавшись взглянуть на странную связь язычества съ христіанствомъ, вѣры съ искусствомъ. Въ Италіи каждая церковь — роскошная галерея, и лучшія произведенія геніальныхъ художниковъ смиренно тѣснятся у алтарей.

Чудная, незабвенная Италія, пускай говорятъ, что ты упала, что ты погибла, что ты схоронена. Не вѣрь коварнымъ словамъ. Ты все еще живешь прежней жизнію, дышешь прежнимъ огнемъ. Ты все-таки царица міра и народы стекаются къ тебѣ на поклонъ. И столько у тебя сокровищъ; природа и люди, порожденные подъ твоимъ небомъ, одарили тебя такъ щедро, что ты одной твоей милостиной обогатила всю Европу. Процвѣтай же, Италія, нетакъ уже, какъ рѣзвая, полная молодости красавица, но какъ пышная вдовица, которая вблизи

видѣла и суетность жизни и смерть, и съ горькой улыбкой смотритъ на людей, не требуя ничего отъ настоящаго, а свято углубляясь въ одномъ постоянномъ воспоминаніи минувшаго благополучія.

Между-тѣмъ, Иванъ Васильевичъ замѣчалъ, что куда бы онъ ни показывался, въ какую землю бы онъ ни пріѣзжалъ, — на него смотрятъ съ какимъ-то недоброжелательнымъ, завистливымъ вниманіемъ. Сперва приписывалъ онъ это личнымъ своимъ достоинствамъ, но потомъ догадался, что Россія занимаетъ невольно всѣ умы, и что на него такъ странно смотрятъ единственно потому, что онъ Русскій. Иногда за табель-д'отомъ дѣлали ему самые ребяческіе вопросы: скоро ли Россія завладѣетъ всѣмъ свѣтомъ? правда ли, что въ будущемъ году Цареградъ назначенъ русской столицей? Всѣ газеты, которыя попадались ему въ руки, были наполнены соображеніями о русской политикѣ. Въ Германіи пенславизмъ занималъ всѣ умы. Каждый день выходили изъ печати глупѣйшія на счетъ Россіи брошюры и книги, написанныя съ какой-то лакейской досадой и ровно ничего не доказывающія, кромѣ бездарности писателей и опасеній Европы. Мало-по-малу, заграничная жизнь заставила Ивана Васильевича невольно задуматься о своей родинѣ. Думая объ ней, онъ началъ ею гордиться, а потомъ началъ ее и любить. Словомъ, то, что̀ на родинѣ не было внушено ему при воспитаніи, мало-по-малу вкралось въ его душу на чужбинѣ. Онъ началъ припоминать все видѣнное и не замѣченное имъ въ деревнѣ, въ поѣздкахъ по губерніямъ, во время

*

откомандировокъ по службѣ. Онъ хотя и чувствовалъ, что всѣ эти данныя не составляютъ общаго мнѣнія, общаго цѣлаго, но нѣкоторыя черты удержалъ онъ довольно вѣрно, а остальныя дополнилъ своимъ воображеніемъ. Такъ составилъ онъ себѣ особыя понятія о чиновникахъ, о русской торговлѣ, о нашемъ образованіи, о нашей словесности. Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно, и такъ какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ. Къ тому же, онъ радовался, что осмыслилъ свое бытіе, что нашелъ себѣ наконецъ цѣль въ жизни, цѣль благородную, цѣль прекрасную, обѣщающую ему привлекательное занятіе, полезныя наблюденія. Съ такими чувствами возвратился онъ изъ-за границы.

Читателю уже извѣстно, ка̀къ онъ встрѣтился съ Василіемъ Ивановичемъ на Тверскомъ-Бульварѣ; ка̀къ онъ уложился съ нимъ вмѣстѣ въ тарантасъ, ка̀къ вооружился книгой для своихъ путевыхъ впечатлѣній и очинилъ перо.

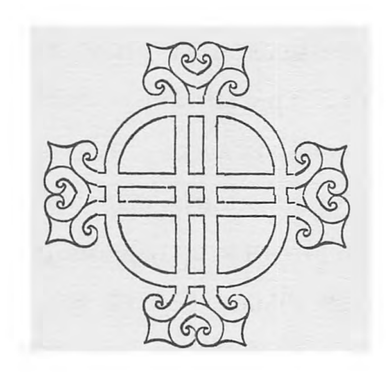
Но что̀ будетъ изъ этого? Что̀ напишетъ онъ? Что̀ откроетъ? Что̀ скажетъ намъ?

Кажется — ничего. И тутъ, какъ во всѣ прочіе случаи жизни, Иванъ Васильевичъ не выдержитъ характера. Сперва онъ погорячится, а потомъ обезсилитъ при первомъ препятствіи. Непріученный къ упорному труду, онъ встрѣтитъ невозможность тамъ, гдѣ только затрудненіе, и благія его начинанія останутся вѣчно безъ конца.

И не онъ одинъ. Много у насъ молодыхъ людей, которые

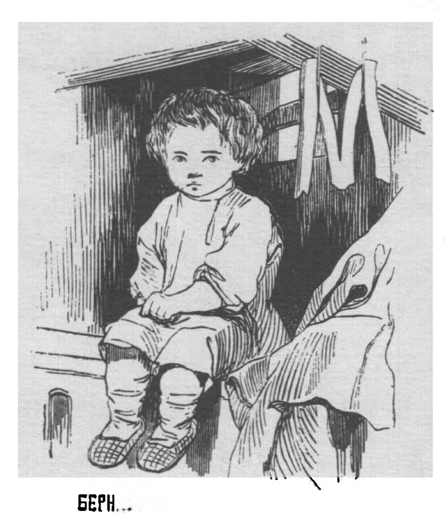
страдаютъ одинакой съ нимъ болѣзнію. Много у насъ молодыхъ людей, которые изнываютъ подъ бременемъ своей немощи и чувствуютъ, что жизнь ихъ навѣкъ испорчена отъ порочнаго, недостаточнаго, половиннаго образованія. Правда, они тѣшатъ свое самолюбіе личиной поддѣльнаго разочарованія, жизненной усталости, обманутыхъ надеждъ. А въ-самомъ-дѣлѣ они только ничтожны и ничтожны въ половину, а потому не могутъ не чувствовать своего ничтожества. И въ нихъ таится, можетъ-быть; наклонность къ дѣятельности, любовь къ прекрасному и къ истинѣ, но они не пріобрѣли силы осуществить внутренняго своего стремленія. Въ нихъ есть чувство, но нѣтъ воли. Въ нихъ страсть кипитъ, но разсудокъ вѣчно недоволенъ. Многіе для разсѣянія. погружаются въ омутъ бурныхъ наслажденій, иные дѣлаются распутными, другіе картежниками, третьи жертвуютъ жизнью своею для вздора, нѣкоторые воображаютъ, что они вольнодумцы, либералы, потихонько бранятъ правительство, проклинаютъ обстоятельства, будто-бы имъ враждебныя. Но и съ другими обстоятельствами они были бы тѣ же, потому-что зло въ самомъ основаніи, въ самомъ корнѣ ихъ щедушнаго прозябанія. Жалкое поколѣніе! Бѣдная молодость! Плодъ испорченный еще во цвѣтѣ! Но такъ суждено свыше. Въ каждомъ усовершенствованіи, въ каждомъ преобразованіи должны быть жертвы. А они попали среди борьбы прошедшаго съ настоящимъ, мрака со свѣтомъ. Они исчезнутъ безъ слѣда, безъ сожалѣнія о непонятыхъ страданіяхъ; но ихъ страданія должны служить примѣромъ. На мрачномъ небосклонѣ старин-

наго невѣжества давно мелькнула уже лучезарная точка и съ каждымъ днемъ растетъ она и все становится ярче и ярче. Будутъ люди, которые обожгутся незнакомымъ имъ огнемъ, другіе, ослѣпленные сіяніемъ, останутся въ недоумѣніи между свѣтомъ и тьмой, или попадутъ на ошибочную дорогу. Но свѣтильникъ все приближается ближе и ближе, и настанетъ день, когда мракъ исчезнетъ совершенно и вся земля озарится благодѣтельнымъ свѣтомъ...

ГЛАВА XVII.

СЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

ежду-тѣмъ, Иванъ Васильевичъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Впечатлѣній рѣшительно нигдѣ не оказывалось. Одни бока его были подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія. Напрасно посматривалъ онъ старательно изъ тарантаса на обѣ стороны — все сли-

валось для него въ какую-то мутную, однообразную картину. Впрочемъ, его винить слишкомъ нельзя. Вообще, предметы опредѣляются въ умѣ вовсе не такъ, какъ въ дѣйствительности, а какъ-то выпуклѣе, ярче, живописнѣе. Къ тому же, есть такіе люди, которые долго будутъ любоваться какой-нибудь литографіей и никогда не замѣтятъ въ природѣ того, что̀ она изображаетъ. Мужикъ масляными красками, напримѣръ, или просто нарисованный перомъ, заставитъ ихъ долго стоять передъ собой и даже принесетъ имъ немалое удовольствіе, но мужикъ настоящій, нечесаный и немытый, въ лаптяхъ и тулупѣ, никогда не остановитъ ихъ вниманія, потому-что такихъ мужиковъ такъ много, что ихъ вовсе и не замѣчаешь.

Какъ бы то ни было, Иванъ Васильевичъ былъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Нетронутая книга путевыхъ впечатлѣній валялась подъ ногами около погребца. Изученіе Россіи въ отношеніи ея древности и народности рѣшительно не подвигалось. Дѣло, кажется, стало не за многимъ. Иванъ Васильевичъ догадывался, что одного хорошаго намѣренія для совершенія великаго подвига было недостаточно. По Россіи не развѣшены вывѣски, по которымъ можно было бы прочитать всю жизнь ея, все, что̀ было, что̀ есть и что̀ будетъ. Одной поѣздки въ Мордасы для подобнаго изученія какъ-то мало. Нужно еще кое-что другое. Нужны еще вѣчная настойчивость, вѣчный терпѣливый трудъ съ самаго младенчества, въ-теченіи цѣлой жизни. А этого, кажется, не мало. Надо было вникать въ самую глубину всякаго предмета, потому-что изъ гладкой наружной поверхности ничего не из-

влекалось. Надо было отъискивать, какъ ключа загадки, тайнаго, иногда высокаго смысла всякаго прозаическаго проявленія, попадавшагося на каждомъ шагу. Но, какъ извѣстно, Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ слабаго свойства. По мѣрѣ того, какъ онъ встрѣчалъ затрудненія, онъ не старался ихъ одолѣвать, а измѣнялъ свои предпріятія. Такимъ образомъ, мало-по-малу отказывался онъ, какъ мы видѣли, отъ прекрасныхъ изученій, отъ важныхъ открытій, къ которымъ для блага человѣчества готовился съ такимъ жаромъ. Однако, хотя онъ и потерялъ во многомъ надежду, но все еще надѣялся вникнуть въ душу русскаго человѣка. Въ-самомъ-дѣлѣ, думалъ онъ, мы суетимся и хлопочемъ о Россіи, а именно того-то мы и не знаемъ, что̀ такое русскій человѣкъ, настоящій русскій человѣкъ, безъ примѣси иноплеменнаго вліянія? Какою живетъ онъ духовной жизнью? Чего ждетъ онъ? Чего желаетъ? Къ чему стремится? Чистое природное начало до того заглушено въ насъ настоящимъ нашимъ бытомъ, что мы не можемъ отдѣлить основныхъ понятій отъ накопившихся. Опредѣлить это начало, отъискать эти родныя понятія — вотъ будетъ славное дѣло. Мы много говоримъ о народности; но что̀ такое народность? Въ чемъ заключается она; гдѣ составныя ея части? Вотъ тебѣ, Иванъ Васильевичъ, работа. Отъищи, опредѣли, наставь. Россія скажетъ тебѣ спасибо...

И, какъ бы нарочно, тарантасъ въѣхалъ въ большое прекрасное селеніе, а Василій Ивановичъ объявилъ, что онъ до

того усталъ, лежа въ тарантасѣ, что имѣетъ намѣреніе отдохнуть у смотрителя и полежать маленько на лежанкѣ.

Длинное, безконечное селеніе красовалось въ самомъ торжественномъ для него видѣ. Передъ высокими, украшенными рѣзьбой избами сидѣли на лавкахъ мужики и бабы, щелкая орѣхи. Праздничные наряды пестрѣли издали яркими цвѣтами. У моста, пересѣкающаго главный порядокъ на двое, небольшой домикъ гражданской архитектуры означалъ, торчащею надъ дверью ёлкой, многимъ милый кабачекъ. Вправо, цѣлая гурьба молодицъ въ красныхъ и синихъ сарафанахъ, съ снѣжно-бѣлыми рукавами смотрѣли, какъ двѣ босыя дѣвчонки скакали на доскѣ. Около нихъ два парня, въ красныхъ рубашкахъ, въ откинутыхъ на распашку армякахъ, казалось, не обращали вниманія на выразительныя насмѣшки стоящихъ недалеко товарищей. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ насвистывали сквозь зубы пѣсенку. Другіе, ставъ около колодца въ кружокъ, усердно побрякивали тяжелой свайкой въ желѣзное кольцо. Посреди улицы, толпа ребятишекъ окружала небольшую запряженную клячею телегу, у которой веселый разнощикъ предлагалъ, съ примѣсью поговорокъ и прибаутокъ, пряники, стручки, крендели и всякій товаръ. За мостомъ серебряный шпицъ и зеленый куполъ церкви высоко возвышались надъ избами, рѣзко отдѣляясь на сѣромъ грунтѣ пасмурнаго неба.

— Эва! сказалъ Василій Ивановичъ смотрителю: — что̀ это у васъ? храмовой праздникъ?

«Такъ точно», отвѣчалъ смотритель.

— Съ праздникомъ, батюшка, — продолжалъ Василій Ивановичъ.

«Покорнѣйше благодаримъ.»

— А что̀ бы, мой отецъ, нельзя ли самоварчикъ поставить?

«Самоваръ готовъ-съ, сударь. Насъ удостоили гости по сосѣдству посѣщеніемъ. Кума даже изъ города съ зятемъ пріѣхала... Къ празднику, изволите видѣть, пожаловали. Ну, извѣстное дѣло — ка̀къ не угостить дорогихъ гостей? никакъ пятый самоваръ ставимъ.»

— Доброе дѣло, доброе дѣло! — замѣтилъ Василій Ивановичъ; послѣ чего выпилъ съ чувствомъ три стакана чая, ощутилъ пріятную теплоту, и не съ малымъ трудомъ вскарабкался на лежанку, по которой Сенька заблаговременно раскинулъ нѣсколько подушекъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Василій Ивановичъ объявилъ присутствующимъ, что уже изволитъ почивать, а Иванъ Васильевичъ отправился на село немного пошататься, — да кстати поискать и народности.

Все населеніе было на ногахъ, толпясь живописными кучками около строеній. У кабака двѣ православныя бородки цаловались съ сердечными изліяніями и съ такими неистовыми клятвами во взаимной дружбѣ, что страшно было слушать. Рыжій мужичекъ съ штофомъ въ одной рукѣ и съ свѣтлозеленымъ стаканчикомъ въ другой, угощалъ, шатаясь, товарищей, неотвязчиво преслѣдуя ихъ своими предложеніями, оскорбляясь отказами, кланяясь въ поясъ и не

думая вовсе, что за одинъ разъ пропиваетъ плоды годоваго труда.

Крикливая, раскраснѣвшаяся баба толкала одурѣвшаго мужа къ дому, проливая горькія слезы, ругая его пьяницей, упрекая его въ томъ, что онъ пускаетъ по міру ее горемычную и дѣтей-сиротъ, а между-тѣмъ была также совершенно пьяна.

Иванъ Васильевичъ поспѣшно отвернулся отъ этой гнусной для деликатнаго человѣка картины и побрелъ-себѣ къ молодицамъ, полюбоваться красотой нашихъ сѣверныхъ женщинъ. Надо замѣтить, что при этомъ онъ поправилъ немного безпорядокъ своего костюма, отянулъ къ низу пальто, застегнулся и пріосанился... Слѣдуя тайной слабости неизлечимаго свѣтскаго тщеславія, Иванъ Васильевичъ, хотя безъ особаго въ томъ сознанія, былъ увѣренъ, что нежданное его появленіе въ пестрой молодой толпѣ сдѣлаетъ сильный эффектъ.

Однако онъ ошибся.

Здоровая, румяная дѣвка указала на него довольно нахально, обращаясь къ подругамъ:

— Вишь какой облизанный Нѣмецъ идетъ.

Молодицы засмѣялись, а парень въ красной рубашкѣ вмѣшался въ разговоръ:

«Эка зубастая Матреха. Смотри, рыло разобью!»

Матреха улыбнулась.

— Вишь больно напужалъ... Озарникъ этакой. Я и сама такъ тресну, что сдачи не попросишь.

Иванъ Васильевичъ не почелъ нужнымъ вслушиваться въ дальнѣйшій разговоръ и, немного обиженный презрительнымъ

названіемъ Нѣмца, снова принялся за странствованіе. Сперва перешелъ онъ черезъ мостъ, потомъ очутился на небольшой заросшей травой площадкѣ, обогнулъ небольшой прудъ, у котораго ворчали утки съ утятами, и наконецъ очутился близь церкви. Тутъ онъ успокоился духомъ и мысли его приняли другое направленіе. Около церкви возвышалась каменная ограда, за которой, въ густой травѣ, наклонялось нѣсколько крашеныхъ темно-красныхъ деревянныхъ крестовъ. При видѣ этихъ простыхъ ознаменованій мелькнувшей простой жизни, душа смиряется въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи. И точно: сельскія кладбища производятъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ городскія. При видѣ послѣднихъ, невольно рождается какое-то тяжелое, мучительное чувство. При видѣ первыхъ, на сердцѣ становится безмятежно и ясно. Чѣмъ болѣе жизнь приближается къ природѣ, тѣмъ менѣе смерть кажется ужасною. Напротивъ, она является мирнымъ преобразованіемъ, за многое вознаграждающимъ, а не безотраднымъ лишеніемъ, не сокрушительнымъ разрывомъ со всѣми надеждами, со всѣми заботами, съ цѣлымъ бытіемъ человѣка.

У церковной ограды пробирался пономарь съ узелкомъ въ рукѣ, а издали шелъ священникъ въ длинной шелковой расѣ, въ широкой шляпѣ, съ высокой тростью въ рукѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, крестьяне вставали, снимали шапки и почтительно кланялись своему пастырю. Иные цаловали у него руку, другіе подводили дѣтей къ благословенію. Одинъ только блѣдный, изнуренный мужикъ

съ черной бородкой и впалыми глазами не снялъ шапки и грубо отвернулся.

Это Ивану Васильевичу показалось страннымъ. Онъ остановился передъ дюжимъ хозяиномъ, нянчившимъ. на рукахъ у воротъ своихъ годоваго ребенка.

— Скажи-ка, братъ, отъ-чего вотъ этотъ черный не снимаетъ шапки передъ священникомъ?

Мужикъ прикрылъ сперва ребенка тулупомъ, а потомъ отвѣчалъ довольно-небрежно:

«По старой вѣрѣ.»

Новая мысль блеснула молніей въ головѣ Ивана Васильевича.

— Вотъ впечатлѣніе! вотъ задача! подумалъ онъ. — Опредѣлить вліяніе ересей на нашъ народъ! Отъискать ихъ начало, развитіе и цѣль!

— Много у васъ раскольниковъ?—спросилъ онъ поспѣшно.

«Чего?...»

— Много ли у васъ раскольниковъ?

«Раскольниковъ... Нѣтъ, немного...»

— А сколько ихъ будетъ?

«Сколько... Кто ихъ тамъ знаетъ, сколько ихъ будетъ.»

— А скажи-ка, братъ, въ чемъ состоитъ ихъ ученье?

«Чего?...»

— Въ чемъ состоятъ ихъ обряды?

«Обряды? Да по старымъ книгамъ.»

— Да чѣмъ же они отличаются отъ васъ?

«Чего?...»

— Чѣмъ они отъ васъ отличаются?

«Отличаются... Да никакъ по старой вѣрѣ.»

— Знаю; да вѣдь у нихъ есть свое служеніе, свои скиты, свои священники?

«Извѣстно — по старой вѣрѣ.»

— Какой они секты?

«Чего?...»

— Какой они ереси?

«Чего?...»

— Что̀ они: безпоповщины, духоборцы?...

«Духоборцы... Нѣтъ, кажись, не духоборцы, а такъ, въ церковь только не ходятъ... По старой вѣрѣ, должно быть.»

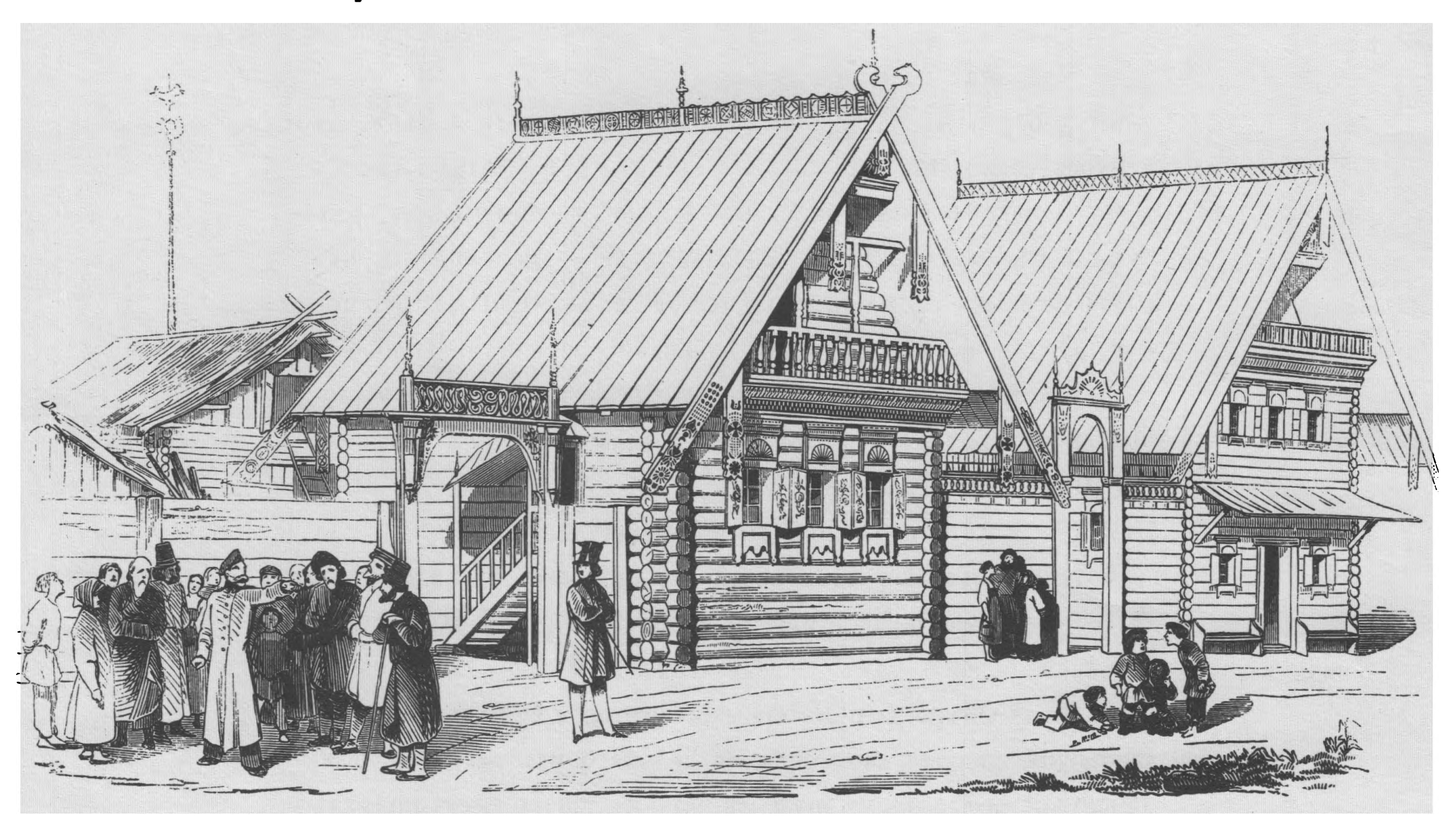
— Однако любопытно было бы знать — продолжалъ, разсуждая въ-слухъ, Иванъ Васильевичъ: — исповѣданіе ихъ различествуетъ съ нашимъ въ одной формѣ или въ сущности? Отпаденіе ихъ отъ насъ гражданское или церковное?

«По старой вѣрѣ» заключилъ мужикъ, послѣ чего хладнокровно повернулся къ Ивану Васильевичу спиной и исчезъ съ сынкомъ въ калиткѣ.

Иванъ Васильевичъ пошелъ задумчиво далѣе.

Хотя крестьянскія объясненія относительно раскольниковъ были нѣсколько неясны и даже неудовлетворительны, однако все-таки было о чемъ призадуматься. Иванъ Васильевичъ шелъ и думалъ... Вдругъ громкій хохотъ прервалъ его размышленія посреди самаго занимательнаго ихъ развитія. Озадаченный нежданнымъ шумомъ, Иванъ Васильевичъ поднялъ голову, потерялъ нить глубокихъ идей и невольно остано-

вился. У воротъ постоялаго двора цѣлая толпа народа окружала какого-то разскащика въ короткомъ, некрытомъ полушубкѣ, въ военной фуражкѣ, безъ бороды, но съ большими сѣдыми усами, доходящими по бакенбардамъ до ушей. На полушубкѣ съ лѣваго бока висѣли двѣ медали на полинялыхъ лентахъ, но и по одной твердой осанкѣ, по однимъ рѣшительнымъ движеніямъ разскащика не трудно было узнать въ немъ стараго отставнаго солдата.

«Экой служивый!» говорилъ кто-то въ толпѣ. «Ай-да

служба! Прости Господи! Вездѣ побывалъ. Всего насмотрѣлся.»

— Да! — подхватилъ разскащикъ немного, какъ казалось, подгулявшій на веселомъ храмовомъ праздникѣ. — Не вашему брату чета. Не сидѣлъ съ бабами вѣкъ за печью. И молотилъ горохъ, да покрупнѣе вашего. Слава Богу, и Француза видѣлъ, и подъ Турку ходилъ.

«Ой ли! и подъ Турку ходилъ?»

— Ходилъ. Ей-Богу ходилъ. Въ двадцать восьмомъ году ходилъ. Да еще какъ задали нехристу на калачи, такъ просто ой-ой-ой...

«Да отъ-чего же, дядя, война-то у насъ была съ Туркой?»

— Отъ-чего? Извѣстное дѣло отъ-чего! Турецкой салтанъ, это, по ихъ нѣмецкому языку, вишь, государь такой значитъ, прислалъ къ нашему Царю грамоту. Я хочу-де, чтобъ ты посторонился, а то мѣста не даешь. Да изволь-ка еще окрестить всѣхъ твоихъ православныхъ въ нашу языческую поганую вѣру.

«Ахъ онъ безбожникъ!» воскликнулъ въ толпѣ старичекъ.

— Вѣстимо что безбожникъ. Да еще какой. Безъ всякой субординаціи. Прислалъ посла такого азарднаго. Къ Вашему, молъ, Императорскому Величеству отъ турецкаго салтана присланъ, да и только. Да еще разсказывали ребята, что принесъ-то онъ съ собой горсть маку. — А сколько, говоритъ, зеренъ, столько у насъ полковъ, такъ не прикажете ли, чтобъ было по нашему?

«Ну, а что̀ же нашъ Царь?» спросилъ въ толпѣ рослый парень.

— Да нашъ Царь, слава Богу, себѣ-на-умѣ. Послалъ въ отвѣтъ горсть зернистаго перца. Маленько хоть по меньше и будетъ, да попробуй-ка раскусить.

Мужики весело разсмѣялись.

«Вотъ эндакъ-то ладно. Ей-Богу, лихо... Что̀ жь, не бось, присмирѣлъ Татаринъ?»

— Какой чортъ присмирѣлъ. Попутала его нелегкая. Видно, что въ башкѣ-то аммуниція не въ порядкѣ. Не принялъ дѣла разсудкомъ. Вишь безтолковый какой. Ему говорятъ, кажется, по-русски, а онъ еще ломается. Да гдѣ ему съ своимъ поджарымъ народомъ идти, такъ сказать, на какой-нибудь гренадерскій батальйонъ. Намъ-то, правда, въ волю и потѣшиться не пришлось. Налетитъ, бывало, какой-нибудь побойчѣе; вотъ и думаешь, дай-ка для смѣха съ нимъ поиграть маленько, да и щелкнешь въ него пальцемъ, — анъ смотришь, онъ собака-то ужь и лежитъ.

«Чай, вѣдь они далеко отсюда?» спросилъ кто-то.

— Да подальше твоего огорода. Шли-то мы, шли, никакъ три мѣсяца... перевaламъ-то и счетъ потеряли. Да и земли такія, правда, дрянныя проходили. Ни на̀ что не похоже. Все горы, да горы. Такая жалость, право. Знать не любитъ ихъ Богъ за поганую вѣру. То-есть, какъ бы сказать, нѣтъ даже мѣстечка, чтобъ выровниться полку какъ слѣдуетъ. Бѣдовая сторона! И достать-то нѐчего. Ей Богу, лавки про-

стой нѣтъ. Говорили господа, что климатъ-де какой-то хорошъ. А какой чортъ хорошъ! Иголка четыре копейки.

«Куда жь вы дошли?» спросилъ старичекъ.

— Да чортъ ихъ тамъ знаетъ, какія они заламываютъ тамъ прозвища. Пришли мы въ какую-то, нелегкая ихъ тамъ знаетъ, Аварію. Помнится мнѣ, въ четырнадцатомъ году, какъ на Парижъ шли, такъ тоже эту Аварію проходили. Вишь какимъ клиномъ ее вытянуло. Ну, а изъ Аваріи такъ и въ самую Туречину пришли. Я еще былъ въ хлѣбопекахъ.

«Чай, всего натерпѣлся?», снова спросилъ старичекъ: «и вздремнуть-то на полатяхъ не частенько приходилось.»

— Какія тутъ, борода, полати. Ночлегъ-то подъ чистымъ небомъ. Прійдешь на мѣсто; командиръ скомандуетъ на покой, ну и располагайся какъ знаешь. Легъ на брюхо, спиной прикрылся, да и спи-себѣ до барабана. Да эвто бы ничего. Солдатъ здоровый человѣкъ. А то кваса достать нѐгдѣ— эндакой поганый народъ.

Сказавъ эти слова, старый служивый плюнулъ и махнулъ рукой. Нѣсколько времени всѣ присутствующіе, исполненные негодованія, стояли молча. Наконецъ, высокій парень снова вступилъ въ любознательные распросы.

«А скажи-ка, дядя, — какъ же тебя ранили?»

— Эва невидальщина какая. Плевое, ей-Богу, плевое дѣло. Знать и поранить-то порядкомъ не съумѣли. Всего-то немного колѣно зашибло.

«Да какъ же это было?»

— Какъ было? Да вотъ какъ было. Подъ крѣпостью, что ли?... и мудреное такое названіе, что съ раза и не выговоришь. Мы стояли, примѣромъ сказать верстахъ въ десяти. Вдругъ слышимъ — палятъ. Эва! никакъ городъ-то хотятъ брать штурмомъ. Забили тревогу. Командиръ говоритъ: «Ребята, тутъ не слѣдъ дремать, а своихъ выручать, да себя показать.» Бѣжали никакъ верстъ восемь или девять безъ оглядки. Запыхались ребята. Шутка ли? Подбѣжали вплоть къ городу. Ну, разумѣется, дали отдохнуть маленько. Поднесли по чаркѣ. Помнится, разсмѣшилъ еще меня тутъ Тарасенковъ сѣдой, — этакой хрычъ, еще при Суворовѣ служилъ, а послѣ и въ Барбоны попалъ. «Эхъ, говоритъ, досадно... а я только что разбѣжался.» Уморилъ, старый дьяволъ!...

— Какъ перевели духъ, генералъ спрашиваетъ: «Что, ребята, можно взять энту крѣпость?» А крѣпость-то торчитъ энтакимъ чортомъ, хоть тресни, подступить нѣгдѣ...

— Нѣтъ, ваше превосходительство, больно сильна, не одолѣешь.

«Ну, а какъ прикажутъ?»

— Ну, прикажутъ, такъ по неволѣ возьмешь.

«Ну, такъ Господи благослови! Полѣзайте, ребята... Да повеселѣе. Пѣсенники впередъ, маршъ!» А съ крѣпости-то палятъ изъ пушекъ, изъ ружей, во что попало, трескъ такой, что ахти мнѣ... Да нѣтъ, братъ, врешь. Не слыхалъ, что ли, команды? Пріймемъ-ка дружнѣе. Ура, ребята! да и только! Не помню, какъ влѣзли, а вотъ таки влѣзли, и пушки отняли, и зна-

мена забрали, — и крѣпость взяли. Многихъ, правда, не досчитались. Ну, да царствіе имъ небесное; хорошей покончили смертью. Около вечерень, что ли, фельдеберь мнѣ говоритъ: «Что, братъ, не худо бы тебѣ къ Карлу Ивановичу доктору сходить. Никакъ тебя порядкомъ оцарапало.» Ба, да и въ-самомъ-дѣлѣ! А я и не замѣтилъ вовсе. Что жь, нѐчего дѣлать: отвели въ лазаретъ... Да плевое дѣло. И костыля не надо. А только та бѣда, что маршировать не сподручно... Ну, да ужь видно отслужилъ свой вѣкъ. Пора и съ мужичками покалякать... Эва, небось, въ–самомъ–дѣлѣ закалякался... Счастливо оставаться, господа... Я къ сотскому званъ на пиво.

Тутъ старый служака опустилъ руки по швамъ, и повернувшись по старой привычкѣ на лѣво кругомъ, согласно правиламъ дисциплины, отправился-себѣ, немного прихрамывая, вдоль главнаго порядка въ сопровожденіи то отстающихъ, то забѣгающихъ передъ нимъ мальчишекъ. Плотная толпа слушателей начала медленно расходиться, потряхивая головами и мѣняясь задушевными восклицаніями:

«Эка, старый песъ!... Вишь ты каковъ. Ай-да служба... Не даромъ хлѣбъ ѣлъ... Эва... эвтакій, право...»

Иванъ Васильевичъ пустился снова въ путь.

Кое–гдѣ раздавались пѣсни полу-печальныя, полу-веселыя, выражающія то широкое чувство, то тонкую, ядовитую насмѣшку. Кое-гдѣ мальчишки швыряли ему подъ ноги бабки, и потомъ, остановившись передъ нимъ, долго смотрѣли на него съ удивленіемъ. Дряхлые согнутые старики съ серебри-

стыми бородами шли осторожно около строеній, поддерживаемые почтительными внуками. Молодые парни снимали передъ ними шапки. Молодыя женщины заботливо усаживали ихъ на скамейки. — У сотскаго шелъ рѣшительно пиръ горой. Не только изба, но и сѣни, и даже дворъ были наполнены гостями. Пироги, лепешки, сушеныя рыбы и разное мясо, въ числѣ котораго поросенокъ игралъ не послѣднюю роль, устилали роскошною кучей наскоро сколоченные столы. — Огромныя ведра, наполненныя брагой и пивомъ, манили охотниковъ хмѣльнымъ, искусительнымъ запахомъ. Нѣсколько пьяныхъ собесѣдниковъ были уже уложены на полатяхъ. Хозяйка то и дѣло что кланялась дорогимъ гостямъ, прося не побрезгать скромнымъ угощеніемъ, чѣмъ Богъ послалъ. Хозяинъ то и дѣло что наполнялъ ковши и понукалъ хозяйку больше кланяться и старательнѣе угощать. Оба готовы были отдать для праздника не только сбереженное ими, но и то, что̀ они могли получить въ будущемъ времени, только чтобъ гости были довольны, только чтобъ разгулялись почтенные, да сказали бы потомъ: «Ай да сотскій!»

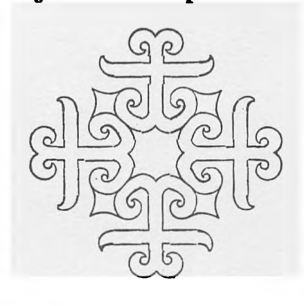
Иванъ Васильевичъ шелъ въ грустномъ недоумѣніи. «Странный народъ», разсуждалъ онъ: «непостижимый народъ! Въ немъ столько противорѣчій, столько оттѣнковъ, что его въ цѣлую жизнь не разгадаешь. И къ тому же, народъ не есть народность. Отдѣльныя касты сами по себѣ не составляютъ общаго духа, общаго требованія. Для этого нужно общее сліяніе въ одномъ чувствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ всѣ народныя

сословія тайно братствуютъ между собою, но во внѣшней жизни это братство такъ рѣдко проявляется у насъ, что иногда думаешь: точно ли существуетъ оно въ-самомъ-дѣлѣ. Гдѣ же искать народности?»

Въ эту минуту, лихая тройка стрѣлой пронеслась мимо Ивана Васильевича. Ямщикъ, весело помахивая кнутомъ, кричалъ «пади», стоя на облучкѣ и подмигивая улыбавшимся ему изъ оконъ красавицамъ. Въ телегѣ сидѣлъ какой-то старенькій господинъ, въ сѣрой шинели съ краснымъ воротникомъ и въ форменной фуражкѣ. Иванъ Васильевичъ поднялъ голову. «Засѣдатель!» сказалъ онъ невольно. «Чиновникъ!» Но засѣдатель былъ ужь далеко. Телега промчалась. Одинъ колокольчикъ долго заливался въ дали звонкою трелью, то утихалъ, то становился звонче, и долго отдавался въ сердцѣ Ивана Васильевича какимъ-то страннымъ, звонкимъ чувствомъ грустной удали, заунывной отваги.

Иванъ Васильевичъ возвратился на станціонный дворъ съ самымъ неожиданнымъ и дикимъ заключеніемъ:

«О, чиновники!» сказалъ онъ вздохнувъ и обращаясь къ себѣ самому: «о, чиновники!» Ужь не вы ли, по привычкѣ къ воровству, украли у насъ народность!

ГЛАВА XVIII.

ЧИНОВНИКИ.

а другой день утромъ, тарантасъ подъѣхалъ къ бѣдной избушкѣ станціоннаго смотрителя.

Василій Ивановичъ тяжело ухнулъ и началъ выкарабкиваться съ помощію Сеньки.

— А что̀ бы чайку, сказалъ онъ: — чайку бы выпить. — Согрѣться маленько. А?...

Смѣтливый Сенька бросился къ погребцу. Иванъ Васильевичъ выпрыгнулъ въ то же время изъ тарантаса и хотѣлъ вбѣжать въ избу, какъ вдругъ онъ съ внезапнымъ ужасомъ отскочилъ на три шага назадъ. На встрѣчу къ нему подходилъ *чиновникъ*, — чиновникъ, какъ слѣдуетъ быть чиновнику, во всей формѣ, во всемъ жалкомъ своемъ величіи, въ старой трехугольной шляпѣ, въ старомъ изношенномъ мундирѣ съ золотымъ кантикомъ по черному бархатному воротнику, съ огромной бумагой, торчащей между пуговицъ мундира. Онъ медленно переступалъ отъ старости и какой-то привычной робости. Маленькое его личико съеживалось въ маленькія морщины. Онъ кланялся, и, какъ казалось, не удивлялся неблагосклонному испугу Ивана Васильевича, а все подходилъ къ нему ближе и ближе и наконецъ смиреннымъ старенькимъ голоскомъ вымолвилъ нѣсколько словъ.

— Прошу извиненія-съ. Покорнѣйше прошу-съ не взъискать... Смѣю спросить... не извѣстно ли вамъ, не изволите ли знать... скоро ли ихъ превосходительство намѣрены сюда пожаловать?

«Не знаю», грубо отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ и отвернулся съ досадой.

— Какъ? воскликнулъ Василій Ивановичъ: — его превосходительство господинъ губернаторъ изволитъ объѣзжать губернію?

«Такъ точно-съ. На той недѣлѣ получено предписанье.»

— А вы исправникъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Никакъ нѣтъ-съ...» Чиновникъ обратился къ Василію Ивановичу и поклонился ему почтительно... «Исправляющій-съ должность.»

— Здѣсь граница уѣзда?...

«Такъ точно.»

Василій Ивановичъ, какъ коренной русскій человѣкъ, очень любилъ новыя знакомства, не для того, впрочемъ, чтобъ извлекать изъ ихъ бесѣды какую-нибудь пользу, а такъ, чтобъ только поболтать обо всякомъ вздорѣ, да посмотрѣть на новаго человѣка.

«Не угодно ли откушать съ нами чайку?» сказалъ онъ привѣтливо, не обращая вниманія на кислую физіономію своего спутника.

Чиновникъ еще разъ поклонился Василію Ивановичу, потомъ поклонился Ивану Васильевичу, далъ дорогу Сенькѣ, который тащилъ погребецъ, и поплелся, покашливая какъ можно тише за своими новыми знакомыми.

Въ комнаткѣ смотрителя было довольно темно: старая ситцевая занавѣсь обозначала въ углу кровать, на которой отъ времени до времени слышался тихій шорохъ. Проѣзжающіе, не обративъ на то вниманія, усѣлись подъ образомъ на лавкѣ, придвинувъ къ себѣ продолговатый столъ. Вскорѣ погребецъ разразился стаканами и блюдечками. Самоваръ закипѣлъ, стаканы наполнились, разговоръ начался.

— Вы давно служите по выборамъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

»Съ восемьсотъ четвертаго года» отвѣчалъ старичокъ.

— А почему вы служите по выборамъ? — лукаво спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Что дѣлать, батюшка? Бѣдность!»

Иванъ Васильевичъ значительно улыбнулся. «Взяточникъ!» подумалъ онъ: «такъ и есть!» Старичокъ понялъ его мысль, но не оскорбился.

— Теперь, батюшка, сказалъ онъ: — не тѣ времена, когда на этихъ мѣстахъ наживались. Бывало, кого сдѣлаютъ исправникомъ, такъ уже и говорятъ, что онъ деревню душъ въ триста получилъ. Начальство теперь строгое, смотритъ за нашимъ братомъ. О — охъ, охъ, охъ! что годъ, то пять, шесть человѣкъ въ уголовную. Да, потомъ, продолжалъ шопотомъ старичокъ: — народъ-то, батюшка, ужь не таковъ. Рѣдко - рѣдко коль въ праздникъ фунтикъ чая или полголовцы сахара принесутъ на поклонъ. Сами, батюшка, знаете, съ этимъ не разживешься, не уйдешь далеко.

— За чѣмъ же вы служите? — спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Бѣдность, батюшка, дѣти: восемь человѣкъ, всего 11 душъ — прокормить надо: со мной двѣ сестры живутъ, да братъ слѣпой. Ну, все думаешь, какъ бы для дѣтей сдѣлать получше. Авось въ кадетскій корпусъ или въ институтъ попадутъ, по милости начальства. Ну, слава Богу и батюшкѣ Царю, жалованье теперь намъ даютъ не то, что прежде, прокормиться можно.»

— А выгоды есть? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Какія, батюшка, выгоды! Есть — таить нѣчего, да много ли ихъ? То куль овса, то муки немножко пришлетъ какой-нибудь помѣщикъ, и то по знакомству. Времена-то, батюшка, теперь другія.»

— А хлопотъ, чай, не оберешься? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Ну ужь, батюшка, что̀ и говорить! Пообѣдать нѐкогда. Вотъ теперь, изволите видѣть, я долженъ здѣсь дожидаться губернатора, а пока, въ уѣздѣ, три мертвыхъ тѣла не похоронены, да шестнадцать слѣдствій неокончено, да недоимокъ-то однѣхъ, описей-то, взъисканій-то, я вамъ скажу, чортова гибель. Что день, то подтвержденія отъ губернскаго правленія, да выговоры, да угрозы наказанія, а нарочные такъ и разъѣзжаютъ на нашъ счетъ. Тяжело, батюшка! Того и глядишь только какъ бы спастись отъ суда. А канцеляріи-то вы сами, батюшка, знаете, каковы: всего-то одинъ писарь Митрофашка при мнѣ. Да еще изъ своего жалованья плати ему сотни двѣ, да давай платья всякаго, да сапоги вырѣзные. Пьетъ, мошенникъ, шибко, за то собака писать. Прійдетъ несчастный часъ, подвернетъ съ-пьяну какую-нибудь бумажку, подпишешь — анъ выйдетъ не то, ну, и пропалъ!»

— Да у васъ должно быть помѣстье? — спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Батюшка, какое помѣстье! Насъ четыре человѣка владѣльцевъ, а у всѣхъ-то у насъ 17 душъ по послѣдней ревизіи. На мою долю приходится три семейства, и то все почти

женщины, да старики. И тутъ благодати нѣтъ. Парень былъ одинъ хорошій — руку вывихнулъ; а женщины такія маленькія, худенькія, что ни въ полѣ работать, ни полотна ткать, ничего не умѣютъ.»

— Да, замѣтилъ Василій Ивановичъ: — это ужь точно несчастье. Плохая работница много барыша не дастъ.

«Все бы ничего», продолжалъ бѣдный чиновникъ: «да вотъ бѣда. Года мои подошли такіе, что слабъ становлюсь что-то здоровьемъ. Иной разъ сидишь-себѣ за бумагами, какъ вдругъ въ глазахъ потемнѣетъ, такъ потемнѣетъ, что ни писанаго, ни бумаги... чортъ знаетъ, что̀ такое — ничего не разберешь. Божье наказанье — что ты станешь тутъ дѣлать! А главное то, что для разъѣздовъ — вотъ, какъ напримѣръ скакать теперь передъ его превосходительствомъ — ужь не гожуся вовсе. Всего такъ и ломитъ, а дѣлать нѐчего: скачи-себѣ на тройкѣ да заготовляй лошадей.»

Ивану Васильевичу стало невольно грустно: онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ темному углу. За занавѣской послышался вздохъ. Иванъ Васильевичъ поспѣшно ее отдернулъ. На кровати сидѣлъ смотритель, спустивъ ноги на полъ. Иванъ Васильевичъ хотя и былъ человѣкъ европейскій, проповѣдникъ всеобщаго равенства, но не менѣе того нашелъ весьма оскорбительнымъ и неучтивымъ, что простой смотритель осмѣливался передъ нимъ не вставать. Онъ хотѣлъ уже дѣлать самое анти-европейское замѣчаніе, но внимательный взглядъ на смотрителя остановилъ порывъ дворянскаго негодованія: на блѣдномъ и впаломъ лицѣ смотрителя видѣнъ

былъ отпечатокъ тяжкихъ страданій, а во всемъ его существѣ выражалась какая-то страшная безжизненность.

— Вы нездоровы? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

«Нездоровъ», отвѣчалъ слабый голосъ. «Второй годъ обѣ руки, обѣ ноги отнялись.»

На перинѣ, на которой сидѣлъ окостенѣвшій смотритель, лежало трое дѣтей... Старшій мальчикъ глядѣлъ на отца съ видомъ участія и сожалѣнія, другіе валялись въ пуху и жалобно просили хлѣба, или закутывались въ лохмотья оборваннаго одѣяла.

— Зачѣмъ же у васъ такъ холодно? — спросилъ съ заботливостью Иванъ Васильевичъ — для больнаго человѣка это вредно.

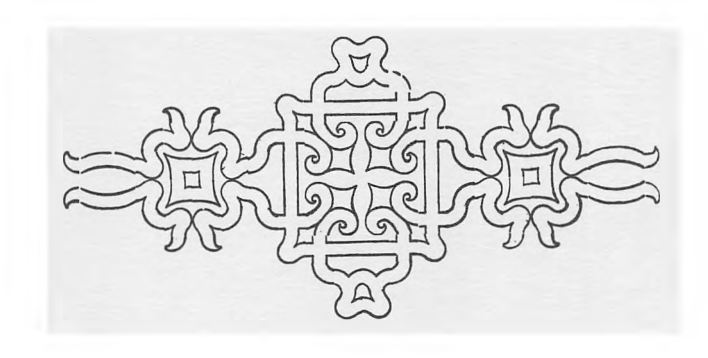
«Что жь дѣлать, батюшка? Дровъ не даютъ, здѣсь станція вольная, содержатель—помѣщикъ, не приказываетъ давать хорошихъ дровъ... его воля. Извольте въ печкѣ поглядѣть, все хворостъ, да прутья сырые; дымъ только отъ нихъ, не загараются, хоть тресни. Посылалъ намедни къ нему, нельзя ли дать дровъ — куда! раскричался. Выгоню, говоритъ, его: здѣсь трактъ большой, больнаго не надо, куда угодно ступай! А вы видите сами, куда я пойду? Вотъ, продолжалъ смотритель съ улыбкою зависти: «на той станціи хорошо: помѣщикъ добрый, дрова трех-полѣнныя; очень тамъ жить хорошо. А меня — такъ бы и выгнали; слава Богу, начальство заступилось: позволило сынишкѣ моему, вотъ, что рядомъ, исправлять мою должность. Одиннадцать лѣтъ всего, а ужь пишетъ...» Бѣдный страдалецъ взглянулъ съ невыразимымъ чувствомъ нѣжности на бѣлокураго мальчика, лежавшаго въ тулупѣ подлѣ него: «Ну, Ваня, вставай, прописывай... Дай мнѣ подорожную.» — Ваня развернулъ передъ глазами отца своего подорожную, потомъ придвинулъ къ кровати столъ,

вооружился перомъ и съ почтеніемъ ожидалъ, чтò отецъ прикажетъ ему писать.

«Ну, готовъ, Ваня? Прописывай: Отъ Москвы до Казани... дай Богъ благополучія начальству, не выгнало, вступилось... по подорожной московскаго гражданскаго губернатора... и проѣзжающимъ спасибо, никто не жаловался, слава Богу, я всегда старался... втораго октября... написалъ что ли?... дѣлать имъ угодное... № 7273... всякія учтивости. Слава Богу, и участье принимаютъ... Казанскому помѣщику... Проѣзжалъ докторъ намедни, добрый такой; совѣтовалъ ѣхать въ городъ лечиться. Гдѣ мнѣ! съ чѣмъ ѣхать? денегъ гдѣ взять? въ чемъ ѣхать? Пошевелиться не могу. Буду такъ лечиться, какъ-нибудь, простыми средствами, а всего лучше Богу молиться.»

— Странное дѣло! подумалъ задумавшись Иванъ Васильевичъ: когда я входилъ въ эту комнату, мнѣ хотѣлось сердиться и презирать, или по-крайней-мѣрѣ насмѣяться вдоволь; а теперь, сказать правду, едва-ли не плакать хочется.

Онъ взглянулъ на своихъ собесѣдниковъ. Усердно допивали они по четвертому стакану чая...

ГЛАВА XIX.

ВОСТОКЪ.

азань... Татары... Востокъ! радостно воскликнулъ, просыпаясь, Иванъ Васильевичъ. — Казань... Іоаннъ Грозный... бирюза, мыло, халаты... Казанское Царство... Преддверіе Азіи.

Наконецъ я въ Казани... Кто бы подумалъ, а вотъ-таки и доѣхали. Доѣхали до Востока, хоть

не совсѣмъ до Востока, а все-таки по сосѣдству... Ну, и деревни уже другія пошли по дорогамъ, съ мечетями, съ избами безъ оконъ, съ женщинами, которыя прячутся отъ нашего тарантаса, закрывшись грязными полотенцами... На пути уже рѣдко попадается православная бородка... Теперь стало по-живописнѣе. Идетъ маленькій бритый Татаринъ какой-нибудь, въ чибитейкѣ, или глупый Чувашъ, или разряженная Мордовка. Все ужь получше. Берись за перо, Иванъ Васильевичъ. Берись скорѣе! Дожидайся вдохновенія, а покамѣстъ пиши... Пиши свои замѣтки... Начинай свои впечатлѣнія.

— «Идетъ Татаринъ, идетъ Чувашъ, идетъ Мордовка...» Ну и что̀ еще?...

«Видѣлъ Татарина, видѣлъ Чуваша, видѣлъ Мордовку.» Ну, а тамъ что̀?...

— Вотъ что̀, съ восторгомъ воскликнулъ Иванъ Васильевичъ. — Вотъ что̀!... Надо задѣлать прорѣху въ нашей исторіи. Надо написать краткую, но выразительную лѣтопись Восточной-Россіи... окинуть орлинымъ взоромъ дѣянія и бытъ кочующихъ народовъ. Было здѣсь мордовское царство, которое распалось на двое, и угрожало Нижнему порабощеніемъ подъ предводительствомъ вождя своего Пургаса. Было болгарское царство съ семью городами, съ огромной торговлей. Было здѣсь множество народовъ, которые пришли неизвѣстно откуда, откочевали неизвѣстно куда и исчезли, не оставивъ ни слѣда, ни памятника... Что̀ бы!...

Тутъ жаръ Ивана Васильевича немного простылъ.

— А источники гдѣ? подумалъ онъ.

Источники найдутся гдѣ-нибудь. А ка̀къ найдутся?

— Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, это трудъ ужь, кажется, не по тебѣ. Тебѣ бы къ цѣли поскорѣй. И въ-самомъ-дѣлѣ, кому же охота пожертвовать всей жизнью на дѣло, которое еще на повѣрку можетъ выйдти вздоромъ.

Не написать ли дѣловымъ слогомъ какой-нибудь казенной статистической статейки? «Казань. Широта. Долгота. Топографія. Исторія. Кварталы. Торговля. Нравы.»

Тутъ можно сказать, что я стоялъ въ гостинницѣ Мельникова, за столъ платятъ столько-то, за чай столько-то. Въ Казани болѣе ста гостинницъ, что̀ доказываетъ цвѣтущее состояніе города и торговую его значительность. Домовъ столько-то, бань столько-то.

Нѣтъ, Иванъ Васиьевичъ, это будетъ ужь не живымъ впечатлѣніемъ, а чѣмъ-то въ родѣ сочиненія по обязанности службы или выпиской изъ губернскихъ вѣдомостей. Такъ ка̀къ же быть?

Не-уже-ли потомству лишиться прекраснаго сочиненія?

Можно бы было поговорить о здѣшнемъ университетѣ и обо всѣхъ университетахъ вообще. Здѣшній университетъ извѣстенъ въ Европѣ по своей обсерваторіи, по математикѣ, и въ особенности по изученію восточныхъ языковъ. Да я то-ихъ не знаю.

Говорятъ, хороша здѣсь и библіотека. Рукописей много. Читать-то ихъ я не умѣю, а все-таки люблю.

Запомню самыя важныя.

Восточныя съ прекрасными рисунками и арабесками, которые могутъ быть заимствованы со временемъ для украшеній въ нашемъ зодчествѣ. Еврейская: Моисеево пятикнижіе, писанное на пятидесяти кожахъ, — и свернутое въ огромный свертокъ.

«Книга 1703 года, а въ ней списокъ бояръ и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и дьяковъ, и жильцовъ.

«Путешествіе стольника Петра Толстова по Европѣ въ 1697 году.»

«Чинъ и поставленіе великихъ князей на царство. Свадьбы царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михаиловича.»

«О пришествіи святыхъ вселенскихъ патріарховъ въ Москву по писаніи къ нимъ отъ царя Алексія Михаиловича.»

«Книга записная кто сидѣлъ въ судныхъ приказахъ въ 1613 году.»

«Записка разрядовъ.»

«Воинскій Уставъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго.»

«Traité d'Arithmétique par Alexandre de Souvaroff», собственноручно писанный Суворовомъ въ дѣтствѣ.

Кромѣ того цѣлая библіотека князя Потемкина-Таврическаго.

— Уфъ!... сказалъ Иванъ Васильевичъ: — все это, безъ сомнѣнія, занимательно, но все это надо прочесть...

Всего бы проще было взять описаніе Казани г. Рыбушкина, и кое-что изъ него выписать. Для придачи же ученаго вида, который малыхъ обманетъ, однакожь обманетъ кого-

нибудь, стану теряться въ загадкахъ о происхожденіи названія города.

У насъ многіе слывутъ учеными чужимъ ученьемъ.

Многіе подобно мнѣ начали бы книгу свою слѣдующимъ:

«Полагаютъ, что названіе города Казани происходитъ отъ турецкаго слова:

قَازَن

что̀ означаетъ чугунный котелъ.»

Какъ ни говори, а это слово, которое ни я, ни читатель, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ: — не съумѣемъ прочесть, сейчасъ придастъ моему вступленію нѣкоторый важный и пріятный колоритъ.

Не всякій напишетъ

قَازَن

Не всякій знаетъ, что

قَازَن

и чугунный котелъ одно и то же.

А если подумать, такъ какое кому до того дѣло? Теперь ужь проходитъ пора шарлатанства и пустыхъ словъ. — И сто̀итъ ли хлопотать о томъ, что дѣйствительно ли слуга какого-то Алтынъ-Бека ненарочно уронилъ въ рѣку котелъ, въ то время, какъ черпалъ для господина воду? Вѣдь это ни къ чему не ведетъ. Это сущій вздоръ. Даже если ханы

и пили воду изъ котловъ, въ томъ нѣтъ намъ никакой надобности.

Вдругъ Иванъ Васильевичъ ударилъ себѣ по лбу...

— Нашелъ, закричалъ онъ съ вдохновеніемъ: — нашелъ свое новое, глубокое, громадное воззрѣніе... Я человѣкъ русскій, я посвятилъ себя Россіи. Скажетъ ли она за то спасибо, не знаю, да не въ томъ дѣло. Я всѣ труды, всѣ мысли отдаю родинѣ, и потому прочіе предметы могутъ имѣть для меня цѣнность только относительную. И такъ, я изучу вліяніе Востока на Россію, въ отношеніяхъ его къ одной Россіи, вліяніе неоспоримое, вліяніе важное, вліяніе тройственное: нравственное, торговое и политическое.

Сперва начну съ нравственнаго вліянія, которое съ давняго времени ведетъ на нашей почвѣ упорную борьбу съ вліяніемъ Запада. Давно оба врага разъярились и кинулись другъ на друга въ рукопашную, не замѣчая, что они стискиваютъ между собою бѣдное, исхудалое славянское начало. Не лучше ли бы имъ, кажется, помириться и взять съ обѣихъ сторонъ невинную свою жертву за руки и вывести ее на чистый воздухъ и дать ей оправиться и поздоровѣть. Пусть каждый разскажетъ ей потомъ исповѣдь своего сердца, наставитъ на истинный путь, указавъ на пагубныя послѣдствія собственныхъ заблужденій, на блестящую награду своихъ доблестей. Въ-самомъ-дѣлѣ, Россія находится въ странномъ положеніи. Съ-лѣва Европа, какъ хитрая прелестница, нашептываетъ ей на ухо обольстительныя слова; съ-права Востокъ, какъ пасмурный сѣдой старикъ, протяжно, но грозно, твердитъ ей вѣчно свою неиз-

мѣнную рѣчь. Кого же слушать? Къ кому обращаться. Слушать обоихъ. Не обращаться ни къ кому, а идти впередъ своей дорогой. Слушать для того, чтобъ воспользоваться чужимъ опытомъ, чужими бѣдствіями, чужими страшными уроками, и надежнѣе, вѣрнѣе стремиться къ истинѣ. На Востокѣ всякое убѣжденіе свято. На Западѣ нѣтъ болѣе убѣжденій. На Востокѣ господствуетъ чувство, на Западѣ владычествуетъ мысль. А Россіи суждено слить въ себѣ мысль и чувство при лучахъ просвѣщенія, какъ сливаются на небѣ цвѣты радуги отъ яркаго блеска солнца. Востокъ презираетъ суетность житейскихъ треволненій, — Западъ погибаетъ въ безпрерывномъ ихъ столкновеніи. И тутъ можно найдти середину. Можно слить желаніе усовершенствованія съ мирнымъ высокимъ спокойствіемъ, съ непоколебимыми основными правилами. Мы многимъ обязаны Востоку. Онъ передалъ намъ чувство глубокаго вѣрованія въ судьбы Провидѣнія, прекрасный навыкъ гостепріимства и въ особенности патріархальность нашего народнаго быта. Но, увы! онъ передалъ намъ также свою лѣнь, свое отвращеніе къ успѣхамъ человѣчества, непростительное нерадѣніе къ возложеннымъ на насъ обязанностямъ, и, что̀ хуже всего, духъ какой-то странной, тонкой хитрости, который, какъ народная стихія, проявляется у насъ во всѣхъ сословіяхъ безъ исключенія. При благодѣтельномъ направленіи, эта хитрость можетъ сдѣлаться качествомъ и даже добродѣтелью, но, при отсутствіи духовнаго образованія, она доводитъ до самыхъ жалкихъ послѣдствій. Она доводитъ къ неискренности взаим-

ныхъ отношеній, къ неуваженію чужой собственности, къ постоянному тайному стремленію ослушиваться законовъ, не исполнять приказаній и наконецъ даже къ самому безнравственному плутовству. Востоку мы обязаны, что столько мужиковъ и мастеровыхъ обманываютъ у насъ на работѣ, столько купцовъ обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ въ лавкахъ, и столько дворянъ губятъ имя честнаго человѣка на службѣ. Страшно вымолвить, — а привычка въ насъ сдѣлала то, что мы остаемся равнодушными, будучи свидѣтелями самыхъ противозаконныхъ хищеній, такъ что даже первобытныя понятія наши съ годами измѣняются и кража не кажется намъ воровствомъ, обманъ не кажется намъ ложью, а какой-то предосудительною необходимостью. Впрочемъ, слава Богу, тутъ Западомъ побѣжденъ у насъ Востокъ, и мстительный факелъ освѣтилъ пучину козней и позора. Долго еще будутъ у насъ проявляться слѣды сокрушительнаго начала, но они давно уже переходятъ въ осадки всѣхъ сословій, въ низшіе слои людей разныхъ именованій, потому-что каждое сословіе имѣетъ свою чернь. Кàкъ ни говори, кàкъ ни кричи, чтò ни печатай, Россія быстрымъ полетомъ стремится по стезѣ величія и славы, — къ недосягаемой на землѣ цѣли совершенства. И болѣе всѣхъ другихъ народовъ Россія приблизится къ ней, ибо никогда не забудетъ, что одного вещественнаго благосостоянія точно такъ же недостаточно для жизни государства, какъ недостаточно для жизни частнаго человѣка. Широкой, могучей пятой задавитъ она мелкія гадины, кровожадныя эхидны, которыя хотятъ ползкомъ пробраться

до ея сердца, и весело отпрянетъ она, полная любви и силы, къ чистому, безпредѣльному русскому небу...

— Вотъ, заключилъ Иванъ Васильевичъ: — предметъ, такъ предметъ! Вліяніе нравственное, вліяніе торговое, вліяніе политическое. Вліяніе восточное, слитое съ вліяніемъ Запада въ славянскомъ характерѣ, составляютъ безъ сомнѣнія нашу народность. Но ка̀къ распознать каждую стихію отдѣльно? Народность-то, кажется, препорядочно закутана. Ее прійдется распеленать, чтобъ добраться до нея, а потомъ ка̀къ узнаешь что̀ пеленка, что̀ нога. Мужайся, Иванъ Васильевичъ! Дѣло великое! Ты на Востокъ не даромъ попалъ; и такъ, изучай старательно вліяніе Востока на святую Русь... Ищи, ищи теперь впечатлѣній. Всматривайся въ восточные народы. Изучай все до послѣдней мелочи... Разсмотри каждую каплю, влитую въ нашу народную жизнь, — а потомъ и найдешь ты народность. — За дѣло, Иванъ Васильевичъ, за дѣло!

Впечатлѣніе первое...

— Баринъ, не надо ли халатъ, настоящій ханскій, какія самъ ханъ носитъ?

— Баринъ, не надо ли бирюза? Самой лучшій. Некрашеный!

— Баринъ, не надо ли китайскій жемчугъ?

— Китайскій тушъ.

— Китайскій кашма.

— Китайскій зеркало.

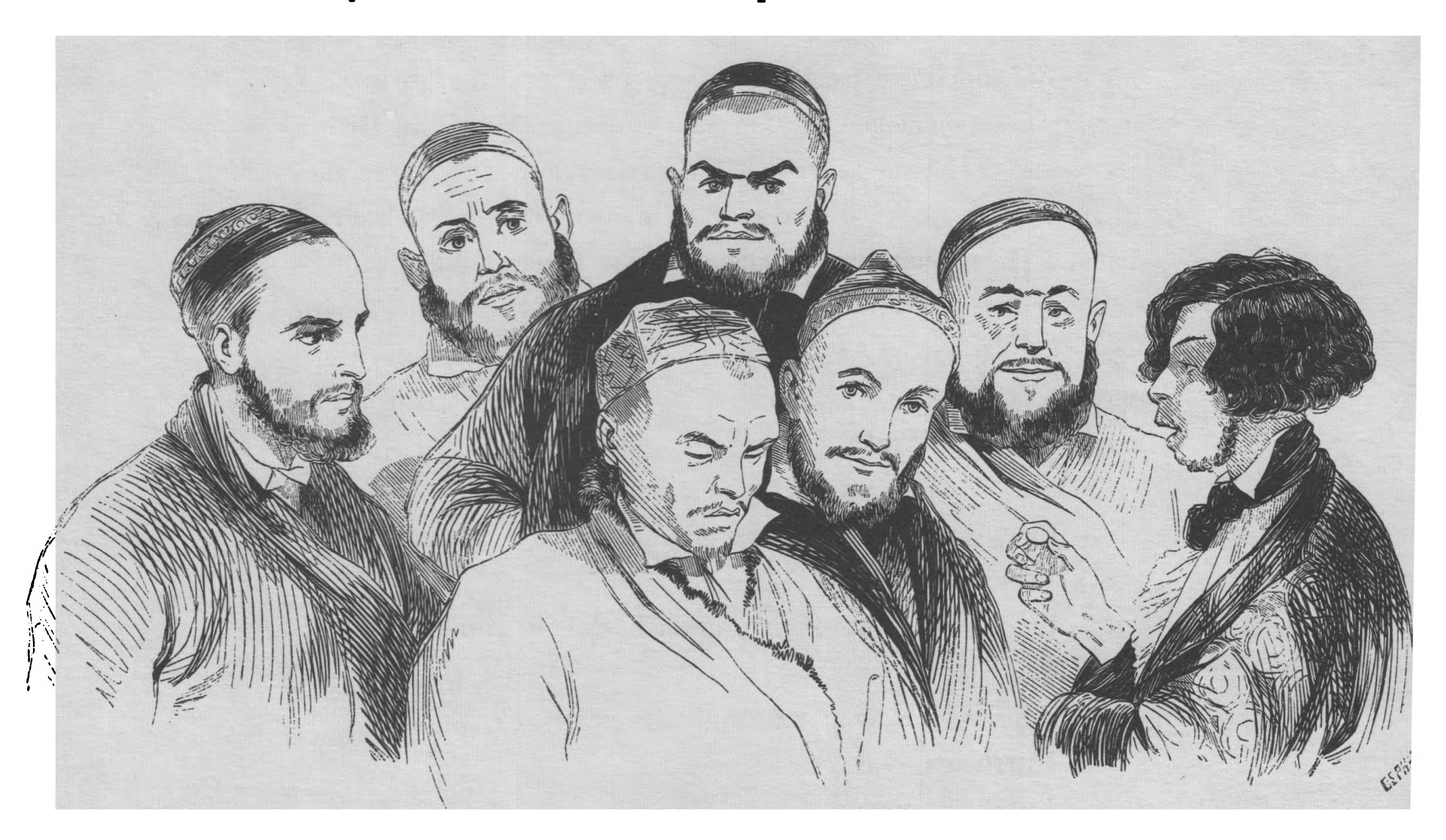
— Ергакъ самый лучшій.

— Купи, баринъ, купи, баринъ.

— Дешево отдамъ.

— Деньги нужны.

Иванъ Васильевичъ поднялъ голову. Пока онъ приготовлялся къ первому своему впечатлѣнію, комната наполнилась Татарами въ чибитейкахъ, съ выразительными лицами, съ товарами подъ мышкой. Всѣ говорили вмѣстѣ, всѣ кланялись

и улыбались: каждый хватался сперва за суконный или кумачный кафтанъ, вытаскивалъ изъ-за пазухи желтенькія сло-

женныя бумаги и потомъ, бросившись на полъ, начиналъ развязывать узлы съ халатами и разными тканями.

У Ивана Васильевича глаза разбѣжались. Во-первыхъ, онъ привыкъ за границей благоговѣть передъ азіатскимъ товаромъ; во-вторыхъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ русскихъ людей, которые не могутъ взглянуть въ лавку, не почувствовавъ желанія купить все, что̀ въ ней есть. Всякая пестрая дрянь въ видѣ товара имѣетъ для такихъ людей какую-то неодолимую прелесть. Иванъ Васильевичъ забылъ и вліяніе Востока и прекрасныя свои изслѣдованія. Онъ вдругъ одушевился новымъ чувствомъ: ему чрезвычайно понравился полосатый халатъ.

— Что сто̀итъ? — спросилъ онъ.

«Послѣдняя цѣна триста рублей. Другаго не найдешь... Не дѣлаютъ больше... Эй, бери, баринъ. Будешь доволенъ... Пріѣзжалъ князь изъ Петербурга, два такіе халата взялъ. Семь сотъ рублевъ заплатилъ. Не скупись, баринъ... Для тебя отдамъ за двѣсти пятьдесятъ... Баринъ, вижу, хорошій. Купи, право... Да посмотри, что̀ за халатъ. На обѣ стороны. Этакъ поносилъ... перевернулъ — опять новый халатъ. Ну, бери за двѣсти рублей. Деньги нужны... А то бы не отдалъ... Этакій халатъ и не дѣлаютъ больше... Послѣдній, право, послѣдній... Ну, такъ и быть, три полсотни. Вижу, хорошій баринъ... Для почина въ убытокъ отдамъ.»

— А бирюза?

«Давай пять золотыхъ. Даромъ будешь имѣть.»

— А жемчугъ, а зеркало, а тушь?

«Пять цѣлковыхъ. Десять цѣлковыхъ. Двадцат цѣлковыхъ. Купи, баринъ. Даромъ возьмешь. Больно дешево. — Купи для почина... Для тебя только, потому-что хорошій баринъ. Не купишь — будешь жалѣть. Деньги нужны.»

Иванъ Васильевичъ не устоялъ противъ такого искушенья. Онъ высыпалъ весь кошелекъ на столъ и проворные Татары, быстро раздѣливъ между собой деньги, бросились толкая другъ друга къ дверямъ и разсыпались по корридору.

Въ эту минуту, въ сосѣдней комнатѣ послышалась звучная зѣвота и Василій Ивановичъ началъ пошевеливаться, нѣжно охать и наконецъ приподыматься съ своего ложа. Вскорѣ дверь его комнаты распахнулась и онъ въ откровенномъ утреннемъ безпорядкѣ, прикрытый однимъ лишь тулупчикомъ, явился на радостный призывъ Ивана Васильевича.

Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ новомъ пестромъ халатѣ, съ желто-зеленоватыми бирюзами въ рукѣ. Передъ нимъ на столѣ лежали въ желтыхъ бумажкахъ какія-то исковерканныя раковины, два куска черной туши и маленькое зеркальцо.

— Василій Ивановичъ!

«Что, батюшка?»

— Видите эти вещи?

«Вижу...»

— Оцѣните, пожалуйста.

Василій Ивановичъ взглянулъ съ пренебреженіемъ на мнимыя сокровища.

«Халатъ», отвѣчалъ онъ: «на фабрикѣ въ Москвѣ, гдѣ ихъ дѣлаютъ, стòитъ тринадцать рублей съ полтиною. За бирюзу эту негодную и цѣлковаго много. Тушь можетъ стòять полтинникъ. Да зачѣмъ вамъ тушь, Иванъ Васильевичъ; вы, кажется, не рисуете?»

— Не рисую, Василій Ивановичъ, а все-таки интересно имѣть этакую вещь.

«И, батюшка, чортъ ли вамъ въ ней?»

— Ну, а прочее.

«Прочее я не совѣтовалъ бы даромъ брать. А вы чтò дали?»

— Все, чтò у меня было въ кошелькѣ, печально отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ. Перваго своего впечатлѣнія — прибавилъ онъ мысленно: — я не помѣщу въ своемъ сочиненіи.

Василій Ивановичъ громко расхохотался.

«Ай-да плуты, эти Татары! Вотъ какъ васъ, младенцевъ, проучаютъ. Хха, хха, хха... И дѣло! Не покупай бирюзы другой разъ...»

«Сенька!» закричалъ онъ вдругъ.

Сенька вошелъ.

«Подмазали тарантасъ?»

— Подмазали-сь?...

«Прикажи закладывать.»

— Какъ? спросилъ съ ужасомъ Иванъ Васильевичъ: — вы хотите ѣхать?

«А что̀ ты думаешь, халаты покупать, что̀ ли?...»

— Повремените хоть денекъ. Дайте взглянуть на башню Сумбеки.

«Зачѣмъ тебѣ?»

— Я хочу изучать Востокъ.

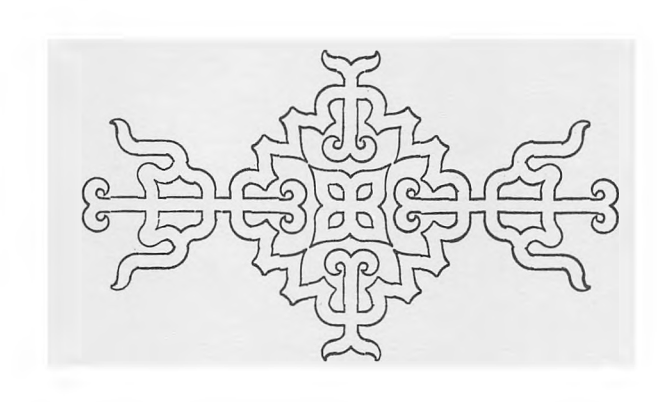
«Вотъ тебѣ на? Да здѣсь не Востокъ, а Казань.»

— Да физіономія здѣсь восточная. Населеніе татарское.

«Да ты, батюшка, никакъ узналъ Татаръ? Довольно съ тебя... Завтра мы и въ Мордасахъ будемъ. Не прогнѣвайся. Я стосковался и по Авдотьѣ Петровнѣ и по старичкамъ своимъ. Дѣла у меня довольно, — а Востокъ ты изучай, коли угодно, въ другой разъ.»

Волей, неволей, Иванъ Васильевичъ сердито взгромоздился въ тарантасъ подлѣ неумолимаго своего спутника... Тарантасъ выѣхалъ грузно изъ Казани и покатился по широкой дорогѣ. И скоро скрылись изъ вида и городскія стѣны, и высокія башни, и все далѣе и далѣе въѣзжалъ тарантасъ въ широкую, гладкую равнину... И вотъ исчезли лѣса и долины и жилыя мѣста. — Голая степь раскинулась, растянулась во всѣ стороны, какъ скованное море... Тощій ковыль едва колыхался отъ широкаго размета ничѣмъ необузданнаго вѣтра... Тучи бѣжали бѣлыми волнами по небу... Орелъ, рас-

ширивъ крылья, парилъ въ неизмѣримой высотѣ.... Въ цѣлой природѣ дышало таинственное, унылое величіе. Все напоминало смерть, и въ то же время сливалось въ какое-то неясное понятіе о вѣчности и жизни безпредѣльной...

СОНЪ.

Поздно вечеромъ катился тарантасъ по широкой степи. Становилось темно. Наконецъ, наступила ночь, покрывъ всю окрестность мрачною завѣсой.

— Что̀ это? сказалъ съ безпокойствомъ Иванъ Васильевичъ. — Куда же дѣвался Василій Ивановичъ? Василій Ивановичъ! Василій Ивановичъ! Гдѣ вы? Гдѣ вы? Василій Ивановичъ?

Василій Ивановичъ не отвѣчалъ.

Иванъ Васильевичъ протеръ глаза.

— Странно, диковинное дѣло, продолжалъ онъ: — мерещится мнѣ, что-ли, это въ темнотѣ, а вотъ такъ и кажется, что тарантасъ совсѣмъ не тарантасъ... а вотъ, право, что-то живое... Большой тараканъ, кажется... Такъ и бѣжитъ тараканомъ... Нѣтъ, теперь онъ скорѣе похожъ на птицу... Вздоръ, однакожь, быть не можетъ; а что̀ ни говори, птица, большая птица, — какая, неизвѣстно. Этакихъ огромныхъ птицъ не бываетъ. Да слыханное ли дѣло, чтобъ тарантасы только притворялись экипажами, а были въ-самомъ-дѣлѣ птицами? Иванъ Васильевичъ, ужь не съ ума ли ты сходишь! Доживешь ты, братъ, до этого съ твоими бреднями. Тьфу! страшно становится. Птица, рѣшительно птица!

И въ-самомъ-дѣлѣ, Иванъ Васильевичъ не ошибался: тарантасъ дѣйствительно становился птицей. Изъ козелъ вытягивалась шея, изъ переднихъ колесъ образовывались лапы, а заднія обращались въ густой, широкій хвостъ. Изъ перинъ и подушекъ начали выползать перья, симметрически располагаясь крыльями, и вотъ огромная птица начала пошатываться со стороны на сторону, какъ бы имѣя намѣреніе подняться на воздухъ.

— Нѣтъ, врешь! сказалъ Иванъ Васильевичъ. — Оставаться ночью въ степи одному — слуга покорный. Ты, пожалуй, прикидывайся птицей, да меня-то ты не проведешь... Я все-таки знаю, что ты не что иное, какъ тарантасъ. Про-

шу везти на чемъ хочешь и какъ хочешь. Это твое ужь дѣло.

Тутъ Иванъ Васильевичъ схватился руками за огромную шею фантастическаго животнаго и, спустивъ ноги надъ крыльями по обѣ стороны, не безъ душевнаго волненія ожидалъ, что̀ изъ всего этого будетъ.

И вотъ странная птица, орелъ не орелъ, индѣйка не индѣйка, стала тихо приподыматься. Сперва выдвинула она шею, потомъ присѣла къ землѣ, отряхнулась и вдругъ, ударивъ крыльями, поднялась и полетѣла.

Иванъ Васильевичъ былъ очень недоволенъ.

— Наконецъ дождался я впечатлѣнія, думалъ онъ: — и въ самомъ пошломъ, въ самомъ глупомъ родѣ. Надо же быть такому несчастію. Ищу современнаго, народнаго, живаго,— и послѣ долгихъ, тщетныхъ ожиданій добиваюсь какой-то безтолковой фантастической исторіи, — я вообще этого подражательнаго, разогрѣтаго фантастическаго рода терпѣть не могу... Экая досада. Не-уже-ли суждено мнѣ вѣкъ искать истины и вѣкъ добиваться только вздора?

Между-тѣмъ, темнота была страшная, и все становилась непроницаемѣе. Воздухъ вдругъ сдѣлался удушливъ. Страшная гробовая сырость бросила Ивана Васильевича въ лихорадку. Мало-по-малу, началъ онъ чувствовать, что надъ нимъ сгущались тяжелые своды. Ему показалось, что онъ несется ужь не по воздуху, а въ какой-то душной пещерѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, онъ летѣлъ по узкой и мрачной пещерѣ

и отъ земли вѣяло на него какимъ-то могильнымъ холодомъ. Иванъ Васильевичъ перепугался не на шутку.

— Тарантасъ! сказалъ онъ жалобно: — добрый тарантасъ! милый тарантасъ! Я вѣрю, что ты птица. Только вывези меня, вылети отсюда. Спаси меня. Вѣкъ не забуду!

Тарантасъ летѣлъ.

Вдругъ въ прощелинѣ черной пещеры зардѣлся красноватый огонекъ и на багровомъ пламени начали отдѣляться страшныя тѣни. Безглавые трупы съ орудіями пытки вокругъ членовъ, съ головами своими въ рукахъ, чинно шли попарно, медленно кланялись направо и налѣво и исчезали во мракѣ. А за ними шли другія тѣни, и снова такія же тѣни, и не было конца кровавому шествію.

— Добрый тарантасъ! славная птица!... закричалъ Иванъ Васильевичъ: — страшно мнѣ. Страшно. Послушай меня. Я починю тебя. Я накормлю тебя. Въ сарай поставлю. Вывези только!

Тарантасъ летѣлъ.

Вдругъ тѣни смѣшались. Пещера снова почернѣла мглой непроницаемой.

Тарантасъ все летѣлъ.

Прошло нѣсколько времени въ удушливомъ мракѣ. Ивану Васильевичу вдругъ послышался отдаленный гулъ, который все становился слышнѣе. Тарантасъ быстро повернулъ влѣво. Вся пещера мгновенно освѣтилась блѣдно-желтымъ сіяніемъ, и новое зрѣлище поразило трепетнаго всадника. Огромный медвѣдь сидѣлъ скорчившись на камнѣ и игралъ

плясовую на балалайкѣ. Вокругъ него уродливыя рожи выплясывали въ присядку со свистомъ и хохотомъ какого-то отвратительнаго трепака. Гадко и страшно было глядѣть на нихъ. Чтò за лики! чтò за образы! Кочерги въ виц-мундирахъ, летучія мыши въ очкахъ, разряженные въ пухъ франты, съ визитной карточкой вмѣсто лица подъ шляпой, надѣтой на бекрень, маленькія дѣти съ огромными изсохшими черепами на младенческихъ плечикахъ, женщины съ усами и въ ботфортахъ, пьяныя піявки въ длиннополыхъ сюртукахъ, напудренныя обезьяны въ французскихъ кафтанахъ, бумажные змѣи съ шитыми воротниками и тоненькими шпагами, ослы съ бородами, метлы въ переплетахъ, азбуки на костыляхъ, избы на куриныхъ ножкахъ, собаки съ крыльями, поросята, лягушки, крысы... все это прыгало, вертѣлось, скакало, визжало, свистѣло, смѣялось, ревѣло такъ, что своды пещеры тряслись до основанія, и судорожно дрожали какъ-бы испуганные адскимъ разгуломъ бѣснующихся гадинъ...

— Тарантасъ! возопилъ Иванъ Васильевичъ: — заклинаю тебя именемъ Василія Ивановича и Авдотьи Петровны, не дай мнѣ погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ. Я молодъ еще. Я не женатъ еще... Спаси меня...

Тарантасъ летѣлъ.

«Ага!... Вотъ и Иванъ Васильевичъ!» закричалъ кто-то въ толпѣ. «Иванъ Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ!» подхватилъ хоромъ уродливый сбродъ. «Дождались мы этой канальи Ивана Васильевича! Подавайте его сюда. Мы его, подлеца! Проучимъ голубчика! Мы его въ палки пріймемъ, плясать заста-

вимъ. Пусть пляшетъ съ нами. Пусть околѣетъ... Вотъ и къ намъ попался... Ге, ге, ге... братъ. Важничалъ больно. Свѣта искалъ. Мы просвѣтимъ тебя по-своему. Эка великая фигура... И грязи не любишь, и взятки бранишь, и сумерки не жалуешь. А мы тутъ сами взятки, дѣти тмы и свѣта, сами сумерки, дѣти свѣта и тмы. Эге, ге, ге, ге... Ату его!... Ату его!... Не плошайте, ребята... Ату его!... Лови, лови, лови!... Сюда его, подлеца, на расправу... Мы его... Ге... ге... ге...»

И метлы, и кочерги, и всѣ мерзкія уродливыя гадины понеслись, помчались, полетѣли Ивану Васильевичу въ погоню. «Постой, постой! кричали хриплые голоса:— ату его!...

Ловите его... Вотъ мы его, подлеца... Не уйдешь теперь... Попался... Хватайте его, хватайте его!»

— Караулъ! заревѣлъ съ отчаяніемъ Иванъ Васильевичъ.

Но добрый тарантасъ понялъ опасность. Онъ вдругъ ударилъ сильнѣе крыльями, удвоилъ быстроту полета. Иванъ Васильевичъ зажмурилъ глаза, и ни живъ ни мертвъ съежился на странномъ своемъ гипогрифѣ... Онъ ужь чувствовалъ прикосновеніе мохнатыхъ лапъ, острыхъ когтей, шершавыхъ крылій; горячее, ядовитое дыханіе адской толпы уже жгло ему и плечи, и спину... Но тарантасъ бодро летѣлъ. Вотъ ужь подался онъ впередъ... вотъ ужь изнемогаетъ, вотъ отстаетъ нечистая погоня, и ругается, и кричитъ, и проклинаетъ... а тарантасъ все бодрѣе, все сильнѣе несется впередъ... Вотъ отстали уже они совсѣмъ; вотъ бѣснуются они уже только издали... но долго еще раздаются въ ушахъ Ивана Васильевича ругательства, насмѣшки, проклятія и визгъ, и свистъ, и отвратительный хохотъ... Наконецъ, желтое пламя стало угасать... адскій трескъ снова обратился въ глухой гулъ, который все становился отдаленнѣе и неявственнѣе, и мало-по-малу началъ исчезать. Иванъ Васильевичъ открылъ глаза. Кругомъ все было еще темно, но на него пахнуло уже свѣжимъ вѣтеркомъ. Мало-по-малу, своды пещеры начали расширяться, расширяться и слились постепенно съ прозрачнымъ воздухомъ. Иванъ Васильевичъ почувствовалъ, что онъ на свободѣ и что тарантасъ мчится высоко, высоко по небесной степи.

Вдругъ на небосклонѣ солнечный лучъ блеснулъ молніей. Небо перешло мало-по-малу черезъ всѣ радужные отливы зари и земля начала обозначаться. Иванъ Васильевичъ, нагнувшись черезъ тарантасъ, смотрѣлъ съ удивленіемъ: подъ нимъ разстилалось панорамой необозримое пространство, которое все становилось явственнѣе при первомъ мерцаніи восходящаго солнца. Семь морей бушевали кругомъ, и на семи моряхъ колебались бѣлыя точки парусовъ на безчисленныхъ судахъ. Гористый хребетъ, сверкающій золотомъ, окованный желѣзомъ, тянулся съ сѣвера на югъ и съ запада къ востоку. Огромныя рѣки, какъ животворныя жилы, вились по всѣмъ направленіямъ, сплетаясь между собой и разливая повсюду обиліе и жизнь. Густые лѣса ложились между ними широкою тѣнью. Тучныя поля, обремененныя жатвой, колыхались отъ предъутренняго вѣтра. Посреди ихъ, города и селенія пестрѣли яркими звѣздами и плотныя ленты дорогъ тянулись отъ нихъ лучами во всѣ стороны. Сердце Ивана Васильевича забилось. Начинало свѣтать. Вдругъ все огромное пространство дружно взыграло дружной, одинакой жизнью; все засуетилось и закипѣло. Сперва загудѣли колокола, призывая къ утренней молитвѣ. Потомъ озабоченные поселяне разсыпались по полямъ и нивамъ, и на цѣлой землѣ не было мѣста, гдѣ бы не сіяло благоденствіе, не было угла, гдѣ бы не означался трудъ. По всѣмъ рѣкамъ летѣли паровыя суда, и сокровища цѣлыхъ царствъ съ непостигаемой быстротой мѣнялись мѣстами, и всюду доставляли спокойствіе и богатство. Странные, неизвѣстные Ивану Васильевичу кареты и таран-

тасы начали съ фантастической скоростью перелетать и перебѣгать изъ города въ городъ, черезъ горы и степи, унося съ собой цѣлыя населенія. Иванъ Васильевичъ не переводилъ дыханія. Тарантасъ началъ медленно спускаться. Золотыя главы городовъ сверкнули при утреннихъ лучахъ. Но одинъ городъ сверкалъ ярче прочихъ и церквами своими, и царскими палатами, и горделиво-широко раскинулся онъ на цѣлую область. Могучее сердце могучаго края, онъ, казалось, стоялъ богатырскимъ стражемъ и охранялъ цѣлое государство и силой своей и заботливостью. Душа Ивана Васильевича исполнилась восторгомъ. Глаза засверкали. «Великъ русскій Богъ! велика русская земля!» воскликнулъ онъ невольно, и въ эту минуту солнце заиграло всѣми лучами своими надъ любимой небомъ Россіей, и всѣ народы отъ моря Балтійскаго до дальной Камчатки склонили головы и какъ-бы слились вмѣстѣ въ дружной благодарственной молитвѣ, въ побѣдномъ торжественномъ гимнѣ славы и любви.

Иванъ Васильевичъ быстро спускался къ землѣ и по мѣрѣ того, какъ онъ спускался, тарантасъ снова измѣнялъ свою птичью наружность для болѣе приличнаго вида. Шея его вновь становилась кòзлами, хвостъ и лапы колесами, одни перья не собрались только въ перины, а разнеслись свободно по воздуху. Тарантасъ становился снова тарантасомъ, только не такимъ неуклюжимъ и растрепаннымъ, какъ знавалъ его Иванъ Васильевичъ, а приглаженнымъ, лакированнымъ, стройнымъ, словомъ совершеннымъ молодцомъ. Коробочки и ве-

*

ревочки исчезли. Рогожъ и кульковъ какъ-бы не бывало. Мѣсто ихъ занимали небольшіе сундуки, обтянутые кожей и плотно привинченные къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ. Тарантасъ какъ-бы переродился, перевоспитался и помолодѣлъ. Въ твердой его поступи не видно было болѣе прежняго неряшества. Напротивъ того, въ ней выражалась какая-то увѣренность, чувство неотъемлемаго достоинства, быть-можетъ даже немного гордости.

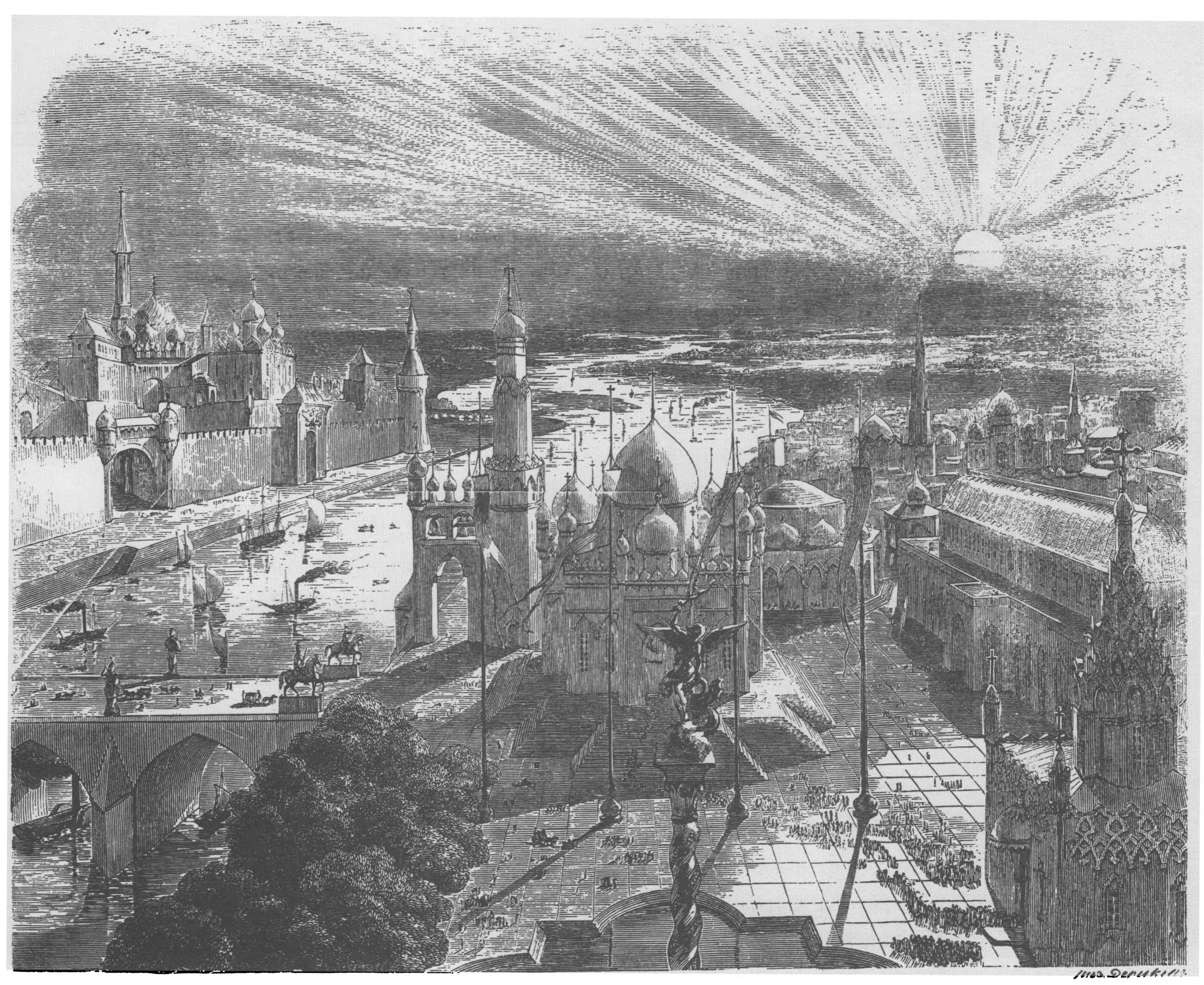
«Экъ его Василій Ивановичъ отдѣлалъ», подумалъ невольно Иванъ Васильевичъ. «Экипажъ длинный, это правда, однакожъ для степной ѣзды удобный. Къ тому жь, онъ не лишенъ оригинальности, и ѣхать въ немъ весьма пріятно... Спасибо Василію Ивановичу... Да гдѣ же онъ въ-самомъ-дѣлѣ? Василій Ивановичъ! Василій Ивановичъ! гдѣ вы? — Нѣтъ Василія Ивановича. Ужели пропалъ онъ, исчезъ совершенно? Жаль старика. Добрый былъ человѣкъ... Нѣтъ его, какъ нѣтъ. Упалъ гдѣ-нибудь дорогой. Не остановиться ли поискать его?»

Остановиться, однако, было невозможно. Въ тарантасъ впряглась ретивая тройка, ямщикъ весело прикрикнулъ и Иванъ Васильевичъ поскакалъ съ такой неимовѣрной быстротой, какъ ему никогда еще не случалось, даже когда онъ разъѣзжалъ въ-старину съ курьерской подорожной по казенной надобности. Тарантасъ мчался все впередъ безъ остановки по гладкой какъ зеркало дорогѣ. Лошади незамѣтно мѣнялись и тарантасъ несся все далѣе и далѣе мимо полей, селеній и городовъ. Земли, по которымъ онъ несся, казались

Ивану Васильевичу знакомыми. — Должно быть, онъ бывалъ тутъ когда-то часто и по собственнымъ дѣламъ и по обязанности службы, однако все, кажется, приняло другой видъ... Мѣста, гдѣ были прежде неизмѣримыя безплодныя пространства, болота, степи, трущобы, теперь кипятъ народомъ, жизнію и дѣятельностью. Лѣса очищены и хранятся какъ народныя сокровища; поля и нивы, какъ разноцвѣтныя моря, раскинуты до небосклона, и благословенная почва всюду приноситъ щедрое вознагражденіе заботамъ поселянъ. На лугахъ живописно пасутся стада, и небольшія деревеньки, разсыпая кругомъ себя земледѣльцевъ симметрической своей сѣтью, какъ бы наблюдаютъ за сбереженіемъ времени и труда человѣческаго. Куда ни взгляни, вездѣ обиліе, вездѣ стараніе, вездѣ просвѣщенная заботливость. — Селенія, чрезъ которыя мчался тарантасъ, были русскія селенія. Иванъ Васильевичъ бывалъ даже въ нихъ нерѣдко. Они сохранили прежнюю, начальную свою наружность, только очистились и усовершенствовались, какъ и самъ тарантасъ. Черныя избы, соломенныя крыши, всѣ безобразные признаки нищеты и нерадѣнія исчезли совершенно. По обѣимъ сторонамъ дороги возвышались красивыя строенія съ желѣзными крышами, съ кирпичными стѣнами, съ пестрыми израсцовыми наличниками у оконъ, съ точеными перилами и украшеніями... На широкихъ дубовыхъ воротахъ прибиты были вывѣски, означающія, что въ длинные зимніе дни хозяинъ дома не занимался пьянствомъ, не валялся праздный на лежанкѣ, а приносилъ пользу братьямъ выгоднымъ ремесломъ, благодаря способности русскаго на-

рода все перенять и все дѣлать, и тѣмъ упрочивалъ и свое благоденствіе. — На улицахъ не было видно ни пьяныхъ, ни нищихъ... Для дряхлыхъ безпріютныхъ стариковъ были устроены у церкви богадельни, и тутъ же пріюты для призрѣнія малолѣтныхъ дѣтей во время занятій отцовъ и матерей полевыми работами. Къ пріютамъ примыкали больницы и школы... школы для всѣхъ дѣтей безъ исключенія. У дверей, обсаженныхъ деревьями, рѣзвились пестрыя толпы ребятишекъ, — и въ непринужденномъ ихъ веселіи видно было, что часы труда не промчались даромъ, что они постоянно и терпѣливо готовились къ полезной жизни, къ честному имени, къ похвальному труду... и сельскій пастырь, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. — Кое-гдѣ надъ деревнями возвышались дома помѣщиковъ, строенные въ томъ же вкусѣ, какъ и простыя избы, только въ бо̀льшемъ размѣрѣ. — Эти дома, казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастіе края не измѣнится, а благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будетъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя.

Города, черезъ которые мчался тарантасъ, казались тоже Ивану Васильевичу знакомыми, хотя онъ во многомъ ихъ не узнавалъ. Улицы не стояли печальными пустынями, а кипѣли движеніемъ и народомъ. — Не было нигдѣ заборовъ вмѣсто домовъ, домовъ съ плачевной наружностью, разбитыми стеклами и оборванной челядью у воротъ. — Не было разва-

линъ, растрескавшихся стѣнъ, грязныхъ лавочекъ. Напротивъ того, дома, дружно тѣснясь одинъ къ одному, весело сіяли

чистотой... окна блестѣли какъ зеркала, и тщательно отдѣланныя украшенія придавали красивымъ фасадамъ какую-то славянскую, народную, оригинальную наружность. И по этой наружности не трудно было заключить въ какомъ порядкѣ, въ какомъ духѣ текла жизнь горожанъ — безчисленное множество вывѣсокъ означало со всѣхъ сторонъ торговую дѣятельность края... Огромныя гостинницы манили путешественниковъ въ свои чистые покои, а надъ золотыми куполами звучные колокола гудѣли благословеніемъ надъ братской семьей православныхъ.

И вотъ блеснулъ передъ Иваномъ Васильевичемъ цѣлый соборъ сверкающихъ куполовъ, цѣлый край дворцовъ и строеній... «Москва, Москва!» закричалъ Иванъ Васильевичъ... и въ эту минуту тарантасъ исчезъ, какъ-бы провалился сквозь землю, и Иванъ Васильевичъ очутился на Тверскомъ-Бульварѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно, кажется, встрѣтилъ онъ Василія Ивановича и условился съ нимъ ѣхать въ Мордасы. Иванъ Васильевичъ изумился. Вѣковыя деревья осѣняли бульваръ густою, широкою тѣнью. По сторонамъ его красовались дворцы такой легкой, такой прекрасной архитектуры, что ужь при одномъ взглядѣ на нихъ душа наполнялась благородной любовью къ изящному, отраднымъ чувствомъ гармоніи. — Каждый домъ казался храмомъ искусства, а не чванной выставкой безтолковой роскоши... «Италія... Италія, не-уже ли мы тебя перещеголяли?» воскликнулъ Иванъ Васильевичъ, и вдругъ остановился. Ему показалось, что на встрѣчу къ нему шелъ князь, тотъ самый, котораго онъ ког-

да-то встрѣтилъ на большой дорогѣ въ дормезѣ, который вѣчно живетъ за границей и пріѣзжаетъ въ Россію съ тѣмъ только, чтобы забрать съ мужиковъ оброкъ.

«Не можетъ быть» подумалъ онъ: «однакожь кажется, что князь... Да онъ вѣрно за границей... И къ тому же, онъ развѣ изъ маскарада идетъ въ такомъ нарядѣ.»

На встрѣчу къ Ивану Васильевичу шелъ въ-самомъ-дѣлѣ князь, только не въ такомъ видѣ, какъ онъ знавалъ его

прежде. На головѣ его была бобровая шапка, станъ былъ плотно схваченъ тонкимъ суконнымъ полушубкомъ на собольемъ мѣху, а на ногахъ желтые сафьянные сапоги доказывали, по славянскому обычаю, его дворянское достоинство. Онъ узналъ стараго своего знакомаго и учтиво его привѣтствовалъ.

— Здорово, старый пріятель, — сказалъ онъ.

«Какъ, князь... такъ это точно вы?.. Я никакъ бы не узналъ васъ въ этомъ костюмѣ.»

— Почему же?... Нарядъ этотъ совершенно удобенъ для нашего сѣвернаго холода, а притомъ онъ нашъ народный и я другаго не ношу.

«Не зналъ-съ, виноватъ, совсѣмъ не зналъ... А я думалъ, князь, что вы за границей.»

— Что?

«Я думалъ, что вы за границей.»

— За какой границей?

«Да на Западѣ...»

— Зачѣмъ?

«Да такъ-съ.»

— Помилуйте!... У насъ есть свой западъ, свой востокъ, свой югъ и свой сѣверъ... Коли любишь путешествовать... такъ и тутъ своего во всю жизнь не объѣдешь.

«Конечно, это правда, князь... Однако, согласитесь сами, что за границей мы находимъ не только удовольствія, но и важныя поученія.»

Князь посмотрѣлъ на Ивана Васильевича съ удивленіемъ.

— Какія поученія?

«Примѣры-съ.»

— Какіе примѣры?

«Да просвѣщенія и свободы.»

Князь разсмѣялся.

— Помилуйте... да это слова... Мы не дѣти, слава Богу... Намъ неприлично заниматься шарадами и принимать названія за дѣла. Я вижу, впрочемъ, съ удовольствіемъ, что вы читаете исторію — занятіе похвальное. Вы говорите о томъ времени, когда непрошеные крикуны вопили о судьбѣ народовъ, не столько для народнаго блага, какъ для того, чтобъ ихъ голосъ былъ слышенъ. Но вѣдь народы давно сами догадались, что весь этотъ шумъ прикрывалъ только мелкіе разсчеты, частныя страсти, личное самолюбіе, или горячность молодости, — повѣрьте, если благо общее и подвинулось, такъ это отъ собственной силы, а не отъ громкихъ возгласовъ. Для всякаго человѣческаго дѣла страсть не только пагубна, но даже смертельна. Вамъ это докажетъ исторія, а исторія не что иное, какъ поученіе прошедшаго настоящему для будущаго. Мы начали послѣ всѣхъ, и потому мы не впали въ прежнія ребяческія заблужденія. Мы шли спокойно впередъ, съ вѣрою, съ покорностью и съ надеждой. Мы не шумѣли, не проливали крови, мы искали не укрывательства отъ законной власти, а открытой, священной цѣли, и мы дошли до нея, и указали ее цѣлому міру... Терпѣніемъ разгадали мы загадку простую, но дотого еще никѣмъ неразгаданную. Мы объяснили цѣлому свѣту, что свобода и просвѣщеніе одно и то же цѣлое, недѣлимое, и что

это цѣлое не что иное, какъ точное исполненіе каждымъ человѣкомъ возложенной на него обязанности.

«Вы шутите, князь.»

— Сохрани меня Богъ. Люди кричали много о своихъ правахъ, но всегда умалчивали о своихъ обязанностяхъ. А мы сдѣлали иначе... Мы крѣпко держались обязанностей и право такимъ образомъ опредѣлилось у насъ само собой.

«Да какъ же вы это сдѣлали?»

— Богъ благословилъ наше смиреніе. Вы знаете, Россія никогда не заносилась духомъ гордыни, никогда не хотѣла служить примѣромъ прочимъ народамъ и отъ-того-то Богъ избралъ Россію.

«Не-уже-ли это правда, князь?.. Дай то Богъ... Да все-таки я не понимаю, ка̀къ вы дошли до такого счастія.»

— Дошли просто, повинуясь стремленію вѣка, а не бѣгая съ нимъ въ-запуски. Мы искали возможнаго, и не гонялись за недостижимымъ; мы отдѣлили человѣческое отъ идеальнаго. Мы не увлекались пустыми, непримѣняемыми началами, ибо знали, что нѣтъ начала, которое бы, доведенное до крайняго своего выраженія, не дѣлалось нелѣпостью, и что̀ хуже, преступленіемъ. Вотъ почему мы старались согласовать разнородныя стихіи, а не разрушать, не сокрушать ихъ въ безразсудныхъ порывахъ. Мы искали равновѣсія. Равновѣсіемъ держится весь міръ и это равновѣсіе нашли мы въ одной только любви. Въ любви христіанской таится и гражданственное спокойствіе, и семейное счастіе, все что̀ мы можемъ просить отъ земли, все чего мы должны просить отъ Неба.

«И вы не встрѣтили препятствій?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Безъ препятствій не было бы успѣха, не было бы человѣческихъ условій. — Но въ любви мы нашли и волю, и силу, и побѣду надъ враждебными началами, нашли единодушное вліяніе всѣхъ сословій для великаго народнаго подвига. Дворяне шли впередъ, исполняя благую волю Божьяго помазанника; купечество очищало путь, войско охраняло край, а народъ бодро и довѣрчиво подвигался по указанному ему направленію. — И побороли мы и западное зло и восточное зло, пользуясь ихъ же примѣромъ, и теперь, слава Богу, Россія владычествуетъ надъ вселенной не однѣми громадными силами, но и духовнымъ, высоко-нравственнымъ, успокоительнымъ вліяніемъ...

«Я вижу», замѣтилъ Иванъ Васильевичъ: «вы все-таки по-прежнему аристократъ...»

Князь улыбнулся и пожалъ плечами...

— Опять слова... опять пустыя названія.. Хорошо, что я съ вами давно знакомъ, и не повторю вашего замѣчанія. Но я васъ предваряю, вы можете уронить себя въ общемъ мнѣніи, если узнаютъ, что вы еще занимаетесь пустыми толкованіями объ аристократахъ и демократахъ. Теперь все называется настоящимъ именемъ и оцѣняется по достоинству. Тунеядецъ, который надувается глупой надменностью, точно такъ же отвратителенъ, какъ и желчный завистникъ всякаго отличія и всякаго успѣха. Голодная зависть нищей бездарности ничѣмъ не лучше спѣсиваго богатства. Я ари-

стократъ въ томъ смыслѣ, что люблю всякое усовершенствованіе, всякое истинное отличіе, а демократъ потому, что въ каждомъ человѣкѣ вижу своего брата. Впрочемъ, какъ вы видите, эти понятія вовсе не разнородны, а напротивъ тѣсно связаны между собой.

«Да онъ, кажется, сдѣлался педантомъ», подумалъ съ удивленіемъ Иванъ Васильевичъ. «Ужь не набрался ли онъ нѣмецкой философіи? на философію мода въ Москвѣ... Видно, и князь сдѣлался мудрецомъ отъ скуки.» Иванъ Васильевичъ продолжалъ разговоръ:

«Какъ же вы, князь, проводите здѣсь время? Скучненько, я думаю. Развѣ ведете большую игру въ лото или въ палки?»

— Что за шутки... возразилъ немного обидѣвшись князь... — У насъ въ карты одни только слуги играютъ, и то мы лишаемъ ихъ мѣстъ за такую гнусную потерю времени. У насъ, слава Богу, есть довольно занятій. Нетрудящійся человѣкъ не достоинъ званія человѣка. Когда же мы устаемъ отъ дѣла, то отправляемся въ клубъ.

«Въ англійскій?»

— Нѣтъ, въ русскій. Тамъ собираются наши свѣтлые умы, и, слушая ихъ бесѣду, всегда можно почерпнуть или новое познаніе, или отрадное впечатлѣніе. Повѣрите ли, всѣ наши огромныя предпріятія, всѣ усовершенствованія, которыми мы такъ справедливо гордимся, возникли среди этого дружескаго размѣна мнѣній и чувствъ.

«Такъ вы, князь, постоянно живете въ Москвѣ?»

— О нѣтъ. Я въ Москву только изрѣдка наѣзжаю, — а то живу-себѣ большей частью въ уѣздѣ. Служба беретъ много времени.

«Вы служите, князь?»

— Да... засѣдателемъ?

Иванъ Васильевичъ захохоталъ во все горло.

— Чему же вы смѣетесь?...

«Помилуйте, князь... съ вашимъ богатствомъ, съ вашимъ именемъ...»

— Да отъ-того-то я и служу... Во-первыхъ, какъ гражданинъ, я обязанъ отдать часть своего времени для общей пользы; во-вторыхъ, выгоды мои, какъ значительнаго владѣльца, тѣсно связаны съ выгодами моего края. Наконецъ, находясь самъ на службѣ, я не отвлекаю отъ выгоднаго занятія или ремесла бѣднаго человѣка, который бы долженъ былъ занимать мою должность. Такимъ образомъ, правительство не содержитъ нищихъ невѣждъ или безсовѣстныхъ лихоимцевъ. Охраненіе законовъ не дѣлается источникомъ беззаконности.

«Такъ вы живете въ губернскомъ городѣ?»

— Иногда... по службѣ, иногда для удовольствія. Пріѣзжайте къ намъ. Вы найдете много любопытнаго, много древностей, много предметовъ искусствъ, не говоря уже объ огромныхъ предпріятіяхъ относительно промышлености и торговли. Общество у насъ серьезное, ненавидящее праздность съ ея жалкими послѣдствіями. Пріѣзжайте къ намъ, а всего

лучше пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню, въ старый мой дѣдовскій замокъ. Есть что посмотрѣть.

«Могу вообразить», прервалъ Иванъ Васильевичъ. «Если роскошь усовершенствовалась у насъ, какъ и прочее, какія должны быть у васъ комнаты. Я чаю, вы каждый годъ мѣняете обои и мёбель?»

— Сохрани Богъ! Мой замокъ стоитъ, какъ есть, ужь нѣсколько-вѣковъ. Въ немъ сохраняются съ почтеніемъ всѣ слѣды дѣдовской жизни. Онъ служитъ нѣкоторымъ образомъ памятникомъ ихъ дѣйствій. Воспоминаніе о нихъ не исчезаетъ, а переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, внушая дѣтямъ благородную гордость и обязанность не уронить чести своего рода. Впрочемъ, дѣды наши не употребляли денегъ своихъ на вздоръ, а на важныя мѣстныя улучшенія, на книги, на поощреніе художествъ, на пособіе наукамъ... За то каждый замокъ можетъ служить у насъ предметомъ самыхъ любопытныхъ изученій, самыхъ изящныхъ удовольствій... У меня въ особенности замѣчательно собраніе картинъ.

«Итальянской школы?» спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Арзамасской школы... Вообразите, у меня цѣлая галерея образцовыхъ произведеній славныхъ арзамаскихъ живописцевъ.

«Вотъ-те на!...» подумалъ Иванъ Васильевичъ.

— Не малаго вниманія заслуживаетъ тоже моя библіотека.

«Иностранной сковесности, вѣрно?»

— Напротивъ. Иностранной словесности вы найдете у меня только то малое число геніальныхъ писателей, творенія которыхъ сдѣлались принадлежностью человѣчества. Но вы найдете у меня полное собраніе русскихъ классиковъ, любопытную коллекцію нашихъ прекрасныхъ журналовъ, которые своими полезными и совѣстливыми трудами поощряли народъ на стезѣ прямаго образованія и сдѣлались предметомъ общаго уваженія и благодарности. За то, повѣрите ли, чтеніе журналовъ сдѣлалось необходимостью во всѣхъ сословіяхъ. Нѣтъ избы теперь, гдѣ бы вы не нашли листка «Сѣверной Пчелы» или книги «Отечественныхъ Записокъ». Писатели наши честь и слава нашей родины. Въ ихъ твореніяхъ столько добросовѣстности, столько роднаго вдохновенія, столько безкорыстія, столько увлекательности и силы, что нельзя не порадоваться ихъ высокому и лестному значенію въ нашемъ обществѣ... Да бишь, скажите пожалуйста... гдѣ Василій Ивановичъ?

Иванъ Васильевичъ смутился. Онъ совершенно забылъ о Васильѣ Ивановичѣ и совѣсть начала его въ томъ упрекать.

«Вы знаете Василія Ивановича?» спросилъ онъ запинаясь.

— Знавалъ въ молодости... Да вотъ давно ужь не видалъ. Онъ человѣкъ не бойкій въ разговорахъ, а практически-дѣльный. Если бъ всѣ люди были какъ онъ, просто безъ образованія, нашъ народъ гораздо бы скорѣе образовался... А то намъ долго мѣшали недообразованные крикуны, которые кое о чемъ слышали, да мало что поняли... Кланяйтесь Ва-

силію Ивановичу, если онъ живъ... А теперь прощайте... Я заговорился съ вами... Прощайте.»

Князь пожалъ у Ивана Васильевича руку и быстро скрылся, оставивъ своего собесѣдника въ сильномъ раздумьѣ.

— Ужь не это ли наша гражданственность? — подумалъ онъ.

«Ваня, Ваня!...» закричалъ вдругъ кто-то за нимъ.

Иванъ Васильевичъ обернулся и очутился въ объятіяхъ своего пансіоннаго товарища, того самаго, который встрѣтился ему на владимірскомъ бульварѣ...

«Ваня, какъ это ты здѣсь?» спрашивалъ онъ съ дружескимъ удивленіемъ.

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ.

«Пойдемъ ко мнѣ. Жена будетъ такъ рада съ тобой познакомиться. Я такъ часто ей говорилъ о томъ счастливомъ времени, когда мы сидѣли съ тобой въ пансіонѣ на одной лавкѣ и такъ ревностно занимались, такъ жадно вслушивались въ ученыя лекціи нашихъ профессоровъ.»

— Шутишь ли? сказалъ Иванъ Васильевичъ.

«Ахъ, братецъ, какъ не быть признательнымъ къ этимъ людямъ. Имъ я обязанъ и душевнымъ спокойствіемъ, и вещественнымъ благосостояніемъ. Я богатъ потому, что умѣренъ въ своихъ желаніяхъ. Я не прихотливъ потому, что вѣчно занятъ. Я не взволнованъ желаніемъ искать разсѣянья, потому-что нахожу счастіе въ семейной жизни. Въ этомъ счастіи заключается вся моя роскошь и, благодаря строгому поряд-

ку, я могу еще дѣлиться своимъ избыткомъ съ неимущими братьями. Къ несчастью, на землѣ не можетъ быть равенства; человѣтъ никогда не можетъ быть равенъ другому человѣку. Всегда будутъ люди богатые, передъ которыми другіе будутъ почитаться бѣдными. Умъ и добродѣтель имѣютъ тоже своихъ богатыхъ и своихъ бѣдныхъ. Но обязанность богатыхъ дѣлиться съ неимущими и въ томъ заключается ихъ роскошь. Пойдемъ ко мнѣ.»

Они отправились. Все было просто въ скромномъ жилищѣ товарища Ивана Васильевича. Но все дышало какой-то изящной изъисканностью, какимъ-то неизъяснимымъ отблескомъ присутствія молодой, прекрасной женщины. Привѣтливо улыбнулась она Ивану Васильевичу, и онъ остановился передъ ней въ нѣмомъ благоговѣніи. Ему показалось, что онъ до того времени никогда женщины не видывалъ. Она была хороша не той бурной сверкающей красотой, которая тревожитъ страстные сны юношей, но въ цѣломъ существѣ ея было что-то высоко-безмятежное, поэтически-спокойное. На лицѣ, сіяющемъ нѣжностью, всякое впечатлѣніе ярко обозначалось, какъ на чистомъ зеркалѣ. Душа выглядывала изъ очей, а сердце говорило изъ устъ. Въ полудѣтскихъ ея чертахъ выражались такое доброжелательное радушіе, такая заботливая покорность, такая глубокая, святая, ничѣмъ не развлеченная любовь, что уже глядя на нее, каждый человѣкъ долженъ былъ становиться лучше. Въ каждомъ ея движеніи было очаровательное согласіе... Она улыбнулась вошедшему

*

гостю, а двое розовыхъ и рѣзвыхъ дѣтей, смущенныя видомъ незнакомца, прижали къ ея колѣнямъ свои кудрявыя головки. Иванъ Васильевичъ глядѣлъ на эту картину какъ на святыню, и ему показалось, что онъ въ ней видѣлъ свѣтлое олицетвореніе тихой семейственности, этого высокаго вознагражденія за всѣ труды, за всѣ скорби человѣка. И мало ли, долго ли стоялъ онъ передъ этой чудной картиной, — онъ этого не замѣтилъ; онъ не помнилъ что̀ слышалъ, что̀ говорилъ, только душа его становилась все шире и шире, чувства его успокоились въ тихомъ блаженствѣ, а мысли слилися въ молитву.

— Есть на землѣ счастіе! сказалъ онъ съ вдохновеніемъ: — есть цѣль въ жизни... и она заключается...

«Батюшки, батюшки, помогите!... Бѣда... Помогите... Валимся, падаемъ!...»

Иванъ Васильевичъ вдругъ почувствовалъ сильный толчокъ, и шлёпнувшись объ что-то всей своей тяжестью, вдругъ проснулся отъ сильнаго удара.

— А... что?... что такое?...

«Батюшки, помогите, умираю!» кричалъ Василій Ивановичъ: «кто бы могъ подумать... тарантасъ опрокинулся.»

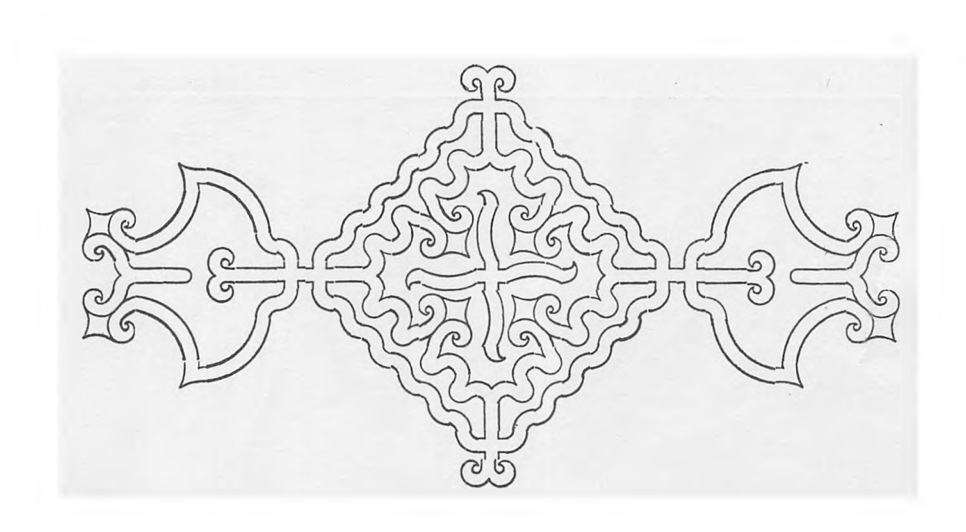
Въ-самомъ-дѣлѣ, тарантасъ лежалъ во рву вверхъ колесами. Подъ тарантасомъ лежалъ Иванъ Васильевичъ, ошеломленный нежданнымъ паденіемъ. Подъ Иваномъ Васильевичемъ лежалъ Василій Ивановичъ въ самомъ ужасномъ ис-

пугѣ. Книга путевыхъ впечатлѣній утонула на вѣки на днѣ влажной пропасти. Сенька висѣлъ внизъ головой, зацѣпясь ногами за козлы...

Одинъ ямщикъ успѣлъ выпутаться изъ постромокъ и уже стоялъ довольно равнодушно у опрокинутаго тарантаса... Сперва оглядѣлся онъ кругомъ, нѣтъ ли гдѣ помощи, а потомъ хладнокровно сказалъ вопіющему Василію Ивановичу:

«Ничего, ваше благородіе!»

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай.*
72	10	думалъ, я	думалъ что
74	15	потопъ	потокъ
78	3	въ домъ	въ долгъ
104	9	вотъ дескать	воръ дескать
140	22	неумолчмому	неумолкаемому
149	3	прудъ	прутъ
201	19	раждается	рождается
276	27	все его	все что

Цѣна на слоновой бумагѣ . . . . . 5 руб. серебромъ.

— на веленевой бумагѣ . . . . . 4 руб. —

Продается у книгопродавца А. Иванова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви.